

[Polaris]

Сергей
МИНЦЛОВ

ЦАРЬ ЦАРЕЙ...

Фантастическая повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXII

Salamandra P.V.V.

**Сергей
МИНЦЛОВ**

ЦАРЬ ЦАРЕЙ...

Фантастическая повесть

Salamandra P.V.V.

Минцлов С. Р.

Царь царей...: Фантастическая повесть. Илл. Ф. Плетнева.
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 180 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХХII).

Загадочная надпись, найденная на скале, заставляет трех эксцентричных ученых отправиться в далекую Сибирь на поиски следов «царя царей» и, возможно, древнейшей цивилизации Земли.

Данный выпуск серии «Polaris» представляет читателю фантастическую повесть одаренного прозаика и журналиста, путешественника и коллекционера С. Р. Минцлова (1870-1933).

С. Р. Минцловъ

ЦАРЬ ЦАРЕЙ...

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
... ПОВѢСТЬ ...

Съ иллюстраціями художника
... О. К. ПЛЕТНЕВА ...

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Книгоиздатель-во „ВСХОДЫ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
7 Рота, домъ № 26.

От издательства

В 2012 г. нашим издательством, впервые за многие десятилетия, был переиздан (с обширными комментариями и биографическим очерком) ценнейший исторический документ – книга «Петербург в 1903-1910 годах», состоящая из дневниковых записей Сергея Рудольфовича Минцлова (1870-1933).

Фантастическая повесть «Царь царей...» продолжает публикации, связанные с наследием С. Р. Минцлова – выдающегося библиофила и библиографа, занимательного рассказчика и одаренного прозаика, журналиста и путешественника, археолога и коллекционера.

Это примечательное произведение С. Р. Минцлова можно отнести сразу к нескольким ответвлениям научной фантастики – например, к фантастике «палеонтологической» или к поджанру «затерянных миров». Одновременно, повесть является очевидной предшественницей распространившейся позднее в Советском Союзе «географической» фантастики.

При жизни автора повесть, впервые изданная в 1905 г., выдержала четыре издания. Последнее из них, под названием «Огненный путь», вышло в свет в 1929 г. в Риге, где Минцлов провел последние годы жизни.

Текст повести дан по 3-му изданию (СПб., 1912) с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

В дальнейшем издательство Salamandra P. V. V. планирует опубликовать сборник фантастических и приключенческих рассказов С. Минцлова и продолжение его мемуарно-дневниковых записей.

ЦАРЬ ЦАРЕЙ...

I.

— Михаил Степанович, погодите!

Торопливо шагавший по лужам тротуара молодой человек в драповом осеннем пальто с поднятым воротником отклонил вправо зонтик и оглянулся. Опушенное русой бородкой добродушное, но озабоченное, как у большинства петербуржцев, лицо его вдруг просияло.

— Павел Андреевич! — горячо воскликнул он, крепко пожимая руку догнавшего его высокого полного господина в огромной шубе и меховой шапке над скуластой, калмыцкого типа, физиономией. — Вы какими судьбами здесь? Давно ли в Питере?

— Три дня, как уж имею это несчастье... — несколько тягучим голосом ответил господин в шубе, распахнул ее, достал из кармана платок и вытер вспотевшее лицо свое.

— Это не город, а хлябь небесная: декабрь месяц, а дождь льет как в июне.

— Как ваши разведки на Урале?

— Вы куда шли? — вместо ответа спросил Павел Андреевич.

— Я к Ивану Яковлевичу, а что?

— Так пойдемте вместе, побеседуемте под иной кровлей... — он указал глазами на зонтик, по которому выбивали дробь и брызгали внутрь мелкою пылью дождевые капли. — И я загляну к старику.

Знакомцы зашагали дальше.

— Зачем вы к Ивану Яковлевичу? — продолжал приезжий. — Кирпич, что ли, какой-нибудь нашли с клинописью? — в голосе его прозвучала легкая насмешка.

— Кирпич? Целые скалы исписанные открыл в Сибири: я все лето провел вокруг Байкала.

— Вот как... — протянул Павел Андреевич. — И что же гласят ваши надписи?

— Понятия не имею; я ведь этнолог* и только. Но ничего похожего нет в них на известные уже письма. Так заинтересовали они меня, что срисовал и отвез к Ивану Яковлевичу для разбора. Теперь иду за ответом. А у вас как шли дела?

— Плохо... Пермские отложения исследовал. Это своего рода пустыня; почти никаких остатков в них нет!

Разговаривавшие достигли навеса подъезда, выступавшего на тротуар, и молодой человек остановился и дернул за ярко вычищенную медную головку звонка.

Минуты через две дверь приотворилась, и показался высокий, тощий старик в долгополом коричневом сюртуке старомодного покроя. Бритое и угрюмое лицо его, подпертое снизу жестким белым воротником, при виде гостей сделалось еще строже. Тем не менее он отворил шире дверь и отступил назад.

— Здравствуй, старина! — весело сказал Михаил Степанович. — Дома барин?

* Этнология — наука о быте и нравах различных народов, главным образом первобытных (*Здесь и далее прим. авт.*).

— Дома-с... — отвечал лакей глухим голосом и не то слегка поклонился, не то отвел в сторону длинное лицо свое с черными, упорно внимательными глазами навыкате; в густых коротких волосах его серебрилась сильная седина.

Мрачный тон ответа заставил москвича остановиться среди лестницы и повернуться.

— Здоров Иван Яковлевич? — спросил он, заподозрив что-то недоброе.

— Здоров-с... — еще зловещее выговорил старик.

Михаил Степанович, шедший уже по второму колену лестницы, перевесился через перила и засмеялся.

— Каркает это он! С чего? что еще случилось?

— Пожалуйте-с... там увидите... — сухо ответил лакей и, заперев дверь, последовал за обоими гостями наверх.

В передней гости сбросили шубы; Михаил Степанович первым быстро вошел в длинный и низкий зал, казавшийся пустынным благодаря сурово-скудной обстановке времен Александра I. Против окон, у стены, стоял темный, жесткий как камень диван из красного дерева и такие же стулья. Из-за них строго взирали оправленные в когда-то золоченые рамы двое неведомых вельмож с кружевами и орденами на груди. Только небольшая зеленая горка из камелий и нескольких туй слегка скрашивала неуютный вид зала.

В левом конце его за огромным письменным столом, заваленным грудami книг и рукописей, сидел, низко склоняясь над бумагами, белокурый господин с розовым пухлым лицом.

Услыхав шаги, он поднял голову, блеснули стекла очков и из-за них уставились на входивших два казавшихся непомерно огромными серых глаза.

— Здравствуйте, дорогой Иван Яковлевич! — на ходу произнес Михаил Степанович, и при первых звуках его свежего, веселого голоса недоумевавшее лицо сидевшего расцвело еще более и озарилось улыбкой.

— Михаил Степанович! — воскликнул он, подымаясь и частыми мелкими шажками спеша навстречу гостю. — Как я рад!

— Я не один, с Павлом Андреевичем! — добавил Михаил Степанович, отвечая на горячие пожатия хозяина, завладевшего обеими руками его.

— И мы к вашим пенатам попали! — пыхтя, заявил вошедший москвич.

— Милые мои! Да как же я рад! — хозяин не знал, на кого смотреть и к кому обращаться.

— Откуда, какими судьбами? Да что же мы стоим? Садитесь! Продрогли, должно быть, в такую погоду! Антон, чаю скорей, завтракать нам, вина!..

Старик-лакей стоял у двери и, заложив одну руку за борт сюртука, а другую за спину, смотрел, поджав губы, на своего суетившегося барина, казавшегося издали, благодаря живости, маленькому росту и начисто выбритому лицу, мальчиком лет двенадцати.

— Прежде всего, посмотреть на вас хочу! — продолжал хозяин, побежал к письменному столу и принялся шарить на нем. — Столько времени не видел вас, Павел Андреевич! Антон, да где же пенсне мое, наконец?! — воскликнул он, не находя требовавшегося предмета. — Где оно?

— Да при вас-с... — иронически ответил лакей. — Из кармашка справа торчит.

Ученый ухватился рукой за карман и, вытащив оттуда пенсне, быстро надел его на нос, украшенный уже очками.

— Так чайку нам сюда скорей, чайку теперь!.. Ну-с, дорогая мой, показывайтесь, выкладывайте, что делали! Эка года-то летят! А все молодец, право, молодец! — говорил он, забегая то с правой, то с левой стороны гостя и заглядывая в лицо ему. — Лысину только вот зачем завели, Павел Андреевич?

— Это у меня от кресла... — заявил тот.

— А, что? Как от кресла? — не поняв, переспросил хозяин.

— Очень просто: спинка у него высокая, а я головой опираюсь, когда читаю, — вот и вытер затылок.

Иван Яковлевич ударил себя по коленям и разразился смехом.

— Я-то серьезно его слушаю! — воскликнул он. — Ах, шутник! Все тот же!

И вдруг он оборвал смех и разом, как от толчка пружины, повернулся к улыбавшемуся, глядя на них, молодому человеку. Лицо его сделалось серьезным.

— Батенька! Знаете, что вы мне привезли?

— Нет!

— Клад. Да, клад-с! — азартно повторил ученый, стукнув по столу ладонью.

— Неужели разобрали, прочли, Иван Яковлевич?! — Михаил Степанович почувствовал, что и он загорается весь внутренним огнем.

— Прочел-с...

— Это не простые знаки? Что же написано?

Иван Яковлевич, семена, побежал к письменному столу. Торопливо перелистав несколько рукописей, он вытащил какой-то листок, поднес его к самым глазам, чтоб убедиться, тот ли это, и поднял его над головой.

— Вот! — особенно выразительно проговорил он.

Михаил Степанович очутился около старика и почти выхватил драгоценный листок.

— «Я, царь царей, в вечной славе живущий... победивший... разоривший...» — прочел он взволнованным голосом и опустил руку.

Несколько секунд длилось молчание; на щеках молодого человека проступали то бледные, то яркие пятна; он молча переводил глаза с листка на лицо старика и обратно.

— Да-с, да-с! — торжествующе повторял тот, кивая в ответ на взгляд Михаила Степановича головой и потирая бока себе.

Павел Андреевич, с удобством устроивший в кресле свою грузную фигуру, с любопытством наблюдал эту сцену и в виде развлечения медленно вращал один вокруг другого большие пальцы рук, сложенных на внушительном брюшке.

— На каком же языке написано? — проговорил наконец Михаил Степанович.

Иван Яковлевич поднял вверх руки.

— Не знаю, ответил он, — не знаю! Несомненно, что на одном из арийских, ближайших к санскритскому, но... — он приостановился.

— Что «но»?

— Но еще значительно, много древнейшем санскрита, докончил он. — Санскритский язык — брат литовского, славянского и всех европейских языков, а этот, — ученый энергично ткнул несколько раз пальцем в листок, — это предок их. Несомненный-с! Мы знали только детей его до сих пор. Понимаете, что это такое?! Значит, Дельбрюк* не прав, утверждая, что нет и не было никогда единого, арийского языка! Эра новая перед нами, горизонт-с иной, эпоха, мир новый!!

— Удивительно! — процедил Павел Андреевич, вытягивая вперед ноги и кладя их одну на другую. — Что эти господа лингвисты** воображают о себе! Отыщут какой-нибудь там язычишко и сейчас: «эпоха», «мир новый»! Ноль это, а не эпоха.

Иван Яковлевич при первых словах москвича стремительно повернулся к нему и слушал, теребя с боку на бок пенсне и очки на носу своем.

— Что такое, что-с? — прерывисто спросил он, подступая к невозмутимо сидевшему Павлу Андреевичу и становясь перед ним в позицию бойца, готового кинуться в бокс. — Новый язык, это — ноль?!

— Ноль, — подтвердил Павел Андреевич. — Что вы докажете отысканием его? Что раньше говорили не по-санскритски, а на каком-нибудь там подсанскритском, еще менее культурном языке, и так далее, до мычания включитель-

* Известный ученый, выпустивший в 1880 г. сочинение, опровергнувшее господствовавшее до того времени в науке предположение, что все языки происходят от одного — арийского. Латам (1851 г.) первый восстал против бездоказательного положения о переселении индоиранцев в Европу и азиатского происхождения европейцев; то и другое в настоящее время отвергнуто окончательно.

** Лингвист — языковед, лингвистика — языковедение, языкознание.

но? Это мы знаем и так, и это не прольет света на древность. Без нас вы ни шагу!

— Нет-с! — весь превратившись в кипяток, прервал Иван Яковлевич. — Это мы, именно мы, — он ударил себя в грудь кулаком, — мы несем свет во тьму веков. Только языкознание может точно установить происхождение, степень культурности и время жизни народа. Вы кости одни от него берете, а мы душу, понимаете — душу находим живую! Мы устанавливаем степень знаний его, родство с другими народами, происхождение, время жизни, наконец! А кем этот народ был окружен, какими там вашими ихтио-, плезио- или квазизаврами* — вот это не важно-с, да!

— Па-а-азвольте! — возразил несколько задетый за живое Павел Андреевич, убирая ноги от наскაკивавшего на них Ивана Яковлевича.

— Во-первых, квазизавров нет совсем, а во-вторых, мы, палеонтологи и геологи**, шире глядим на задачи науки, чем вы. Всякая неведомая еще кость квазизавра, как вы выражаетесь, важнее ваших языков! Она помогает восстановить непрерывный ряд живых существ. Вы возитесь только с людьми и определяете их «души», — как будто важно, солнцу ли они поклонялись или стоеросу! а нас интересует, откуда они произошли, наконец, сама планета, древность ее, жизнь на ней, словом, вся совокупность мира, все... — Павел Андреевич размахнул руками, вероятно, желая наглядно показать, как широки взгляды палеонтологов, и огромный кулак его с маху хватил прямо по подносу, который Антон только что хотел в ту минуту поставить на стол из-за его спины.

Стаканы с чаем, графинчик с коньяком, корзинка с печеньями, блюдечки, ложки — все со звоном и грохотом по-

* Квази — от латинского quasi: якобы, будто бы.

** Палеонтология — наука об исчезнувших животных и растениях, остатки которых, известные под названием окаменелостей, мы находим в пластах земной коры. Геология — наука о строении земной коры в ее прошлом и настоящем.

летело на пол.

— Господа, помилосердуйте! — вскричал Михаил Степанович, — вспомните Гоголя: палеонтология великая вещь, да стаканы-то зачем бить?!

— Это называется свинством! — уже с обычным хладнокровием проговорил Павел Андреевич, скосив глаза на винегрет на полу и отодвигаясь от него вместе с креслом.

Антон, ворча и кряхтя, принялся собирать осколки и складывать их на поднос.

— Голубчик, а не обварились, не больно? — забыв о споре, заботливо осведомился хозяин, забежав с другой стороны и осматривая облитый бок гостя. — Антон, дай скорей тряпку, салфетку, вытри их...

— Ничего, пустяки... — возразил Павел Андреевич. — Итак, мы остановились...

— ... на том, что разбили три стакана, — перебил Михаил Степанович, опасаясь продолжения бесконечного спора, не раз подымавшегося между учеными, — и этим удовольствуемся и перейдем к другому вопросу, не правда ли? Что же мы теперь предпримем, Иван Яковлевич?

— Вы что предпримете — не знаю, а у меня решено-с! — ответил Иван Яковлевич, откидывая голову назад и закладывая руки за спину.

Антон, собравшийся уже уходить, остановился с подносом в руках, на котором возвышалась груда битого стекла, кусков лимона и ложек, и стал слушать, не сводя глаз со своего барина.

Иван Яковлевич взглянул на Антона и продолжал, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Весной я отправлюсь в Сибирь-с!

Старый лакей обвел глазами своих гостей, как бы надеясь встретить в них сочувствие к состоянию здоровья его барина, и затем опять пристально уставился на него.

Михаил Степанович быстро подошел к ученому и протянул ему руки.

— Я с вами, Иван Яковлевич! — воскликнул он. — Я и мечтать не смел о таком счастье! Всюду вас сvezу и покажу все!

Антон круто повернулся и пошел, потряхивая головой, к выходу.

— Я так и рассчитывал, — ответил Иван Яковлевич. — Старик мой сердится, — вполголоса добавил он, когда фигура лакея скрылась в дверях. — Я заявил ему, что в апреле поеду в Сибирь, а он на дыбы! «Что мы, жулики, говорит, что ли какие? (Это “мы” его бесподобно)! Так и тех силком тащат. А нам зачем туда?»

Раскатистый смех Павла Андреевича огласил комнату; он весь так и заколыхался в кресле, как студень на блюде.

— Да ведь, понимаете, извел меня! Уставит свои буркалы, вздыхает и все головой покачивает. Ну, да я ж его проучу! — с негодованием заключил Иван Яковлевич, дернув пенсн на носу своем — Волю ужасную забрал! Наказание, я вам скажу, иметь при себе человека из бывших крепостных своих... — уже другим тоном, как бы жалуясь, заговорил ученый. — Воображает, что он все еще дядька мне и что я под его опекой!

— А ведь дня не прожили бы без него, сознайтесь, — заметил Павел Андреевич.

— Ну, уж и дня?.. — Иван Яковлевич проговорил это не то с вопросительным, не то с недоверчивым видом.

Позвякивание стаканов и ложек в соседней комнате возвестило о приближении Антона. Иван Яковлевич круто повернулся спиной к двери и, повысив голос, обратился к Михаилу Степановичу.

— Итак, решено: в апреле мы едем. Я вас попрошу, дорогой мой, взять с собой человека, так как Антона я не беру...

Антон, о котором шла речь, вдруг остановился с подносом в руках среди зала; ложки зазвенели на блюдечках еще явственнее.

— Хорошо... — сдерживая улыбку, ответил молодой человек. — Мой Василий — молодец, он и один управится.

— То есть это как же-с? — взволнованно заговорил Антон, подходя и сунув поднос на стол; негодующие глаза его уставились на господ. — Я-то, стало быть, вам больше не нужен стал?

— Нет, отчего же... — отворачиваясь и стараясь принять равнодушный тон, возразил Иван Яковлевич, — ты нужен... дома останешься...

— Дома-с?! — негодование прорывалось в голосе старика все более и более. — Что ж я, мебель или кошка, что ли, чтобы дома-то оставаться?!

— Да ведь ты же сам не хотел ехать? — возразил ученый.

— Кто в Сибирь сам ехать захочет! А коль вы дошли до того, нешто пущу я вас одного? Оберут вас там всего; платок вот или пинсне свое — и тех без меня не знаете, где взять! А уж чтоб вам какой-то там Василий услужал — этого не будет-с! — решительно заключил он, тряхнув головой и бросив сердитый взгляд на Михаила Степановича, которого считал — и весьма справедливо — виновником всей кутерьмы. — Я поеду-с!

— Ну вот и прекрасно! — расцветя торжествующей улыбкой, заговорил Иван Яковлевич, — и чудесно, и говорить, стало быть, не о чем, очень рад! Приготовляйся теперь понемножку, обдумай, что взять надо. Впрочем, тебе Михаил Степанович все скажет. И никаких бед не случится с нами, — все будет отлично, не хуже, чем здесь!

Густые брови Антона поднялись на лоб и пошевелились, как усы у сомневающегося таракана.

— Да уж все едино-с... — голосом чреовещателя произнес он. — Я человек старый, недолго осталось на свете жить, а вот вы-то о себе подумали бы...

— Ну, ну, ну!.. — Иван Яковлевич замахал на него руками. — Не мели, пожалуйста!

— А знаете что, дражайший Иван Яковлевич? — проговорил Павел Андреевич, молча созерцавший все время лужу на полу.

— Что?

— И я с вами увяжусь. Возьмете?

— Голубчик! Да еще бы, очень рады будем!

— Чем больше народа, тем лучше, — заметил Михаил Степанович. — Вам, Павел Андреевич, богатая пожива будет: кости ископаемых там в изобилии!

— Потому-то и тянет меня с вами!

— А я еще спутника приглашу: он нас дичью всю дорогу снабжать станет, — сказал Михаил Степанович.

— Чудно, превосходно! — радуясь так удачно складывавшимся обстоятельствам, заявил Иван Яковлевич. — А кто он такой?

— Помещик полтавский, некто Горленко. Охотник и страшный любитель бродить; уж он давно просил меня захватить его с собой в экскурсию.

После скромного обеда гости стали прощаться, условившись съехаться 1-го апреля в Москве и оттуда вместе трогаться дальше.

Все были довольны; даже суровый Антон несколько прояснился к вечеру вместе с погодой и, сидя с давним приятелем-дворником на тумбах у ворот, не без юмора поведывал ему о затеях бар.

— Кости, вишь, поедут собирать в Сибири. Черепков теперь да бумаг уже будет с нас: полна квартира!

— Кости?! — ужаснулся бородач-дворник. — И твоего соблазнили на это? Чьи же такие кости?

— Да уж чьи попало, значит: свинячью найдут, свинячью возьмут, человеческую — человеческую...

Дворник покрутил головой.

— Ска-ажите на милость!.. И к чему же это им они, кости-то, нужны?

— К чему? Примеривают все: приложат свинячью кость, скажем, к собачьей или телячьей и глядят, подошла или нет. Поглядят, поглядят — другую приложат. Дело будто делают! От ума все...

Дворник опять покачал головой.

— Поди ж ты!.. — заметил он, помолчав. — С сытости-то что с человеком делается! Одному она брюхо пучит, другому в мозги кидается. Да зачем им за таким добром в Сибирь ехать? У меня, мил друг, в сарае костей этих с кухонь пудов десять лежит. Предоставь им, недорого возьму.

Антон несколько презрительно прищурился на дворника.

— Нешто они годятся? Такие нужны, чтоб сгнили, чтоб распознать ничего нельзя было. Тут-то и скус для них! А

эти что: взял в руку и видишь сейчас, откуда и как она надлежит. А гнилой-то они сколько времени развлекаться станут?

— Н-да... — протянул дворник.

— И спорят еще из-за них как: нонче стаканы перебили. Мой правильно говорит: душа в человеке важнее, а тот-то, медведь московский, кость, твердит. Мой опять свое: душа, а тот — кость. Душа! Кость! Да ка-ак ахнет по подносу кулачищем — так все и зазвонило об пол!

Начавший усиленно накрапывать дождь прекратил назидательную беседу поспешивших по домам приятелей.

II.

В конце мая месяца того же года по мутной шири величавого Енисея быстро плыл, удаляясь от Минусинска, плот несколько необычного вида. На помосте из досок, настланном на бревнах, на передней части его стояли два шалаша, казавшиеся копнами из зеленых хвойных веток. Третий шалаш ютился среди аккуратно сложенных полениц дров у заднего руля. Близ него на большом железном листе горел бледным огнем костер. Средину плота занимал простой белый стол, вокруг которого сидели в кожаных шведских куртках, подпоясанных широкими ремнями, в высоких сапогах и в широкополых темных и серых шляпах трое наших знакомцев — ученых. Спиной к ним, за тем же столом, сидел, развалясь, еще один невысокий, но чрезвычайно плотно сложенный господин лет сорока пяти, в серой охотничьей куртке с зелеными отворотами. Рыжая, мягкая, похожая на жокейскую, шапочка, сдвинутая на затылок его, открывала выпуклый лоб, вытаращенные серые глаза, толстый, словно обрубленный нос и длиннейшие русые усы, свисавшие на грудь владельца их в виде огромной буквы «п».

То был приятель Михаила Степановича, полтавский помещик, Свирид Онуфриевич Горленко. У ног его спал,

положив лобастую, умную голову на передние лапы, весь шоколадного цвета, пойнтер Кузька.

Закинув ногу на ногу, Свирид Онуфриевич посасывал короткую трубочку, следя за выпускаемым дымом, сквозь который рисовались ему на безоблачном весеннем небе за водяной равниной прихотливые изгибы подернутых синеватым туманом гор. Солнце стояло почти отвесно, но на реке дышалось легко.

Ученые, погрузившиеся в изучение какой-то бумаги и странного вида предметов, кучей лежавших на середине стола, не замечали красоты и приволья окружавшей их природы.

— Странная надпись... очень странная!.. — задумчиво говорил Иван Яковлевич, в десятый раз перевертывая бумагу, исписанную его же рукой.

— И главное, несообразность какая: говорится в ней о море, а мы нашли ее на скале в степи под Бийском. Море в тысяче верст оттуда!..

Михаил Степанович взял листок из рук старого ученого и, разделяя каждое слово, медленно прочел: *«Здесь, дойдя до края земли, у беспредельного моря стоял я... и возвращаюсь великой водой... мертвых предав...»*

— Какая обида, что иероглифы так были изъедены временем! — воскликнул он. — Но ведь они совершенно, совершенно одинаковы с тем образцом, что я привозил вам в Петербург?

— Точь-в-точь те же, — подтвердил Иван Яковлевич, кивая головой и полужакрыв глаза, что он делал всегда в минуты самоуглубления.

— Не он ли, не наш ли это «царь царей» стоял там? — продолжал Михаил Степанович. — Тайна какая-то перед нами, рукой словно ощупываю ее вокруг себя!.. Но вот море-то, море где же?

— Море? — Павел Андреевич, внимательно разглядывавший какой-то зеленовато-грязный комок, поднял голову. — Море там было несомненно!

Михаил Степанович чуть не подпрыгнул на табурете.

— Вы уверены в этом? Когда оно могло быть там?

— Убежден вполне. Остатки этого моря вы встречали сами в виде многочисленных соленых озер среди солончаков в степи. А когда оно было, определенно сказать не могу, так как тщательно не изучал там наслоений. Во всяком случае, есть несомненные данные, что существовало оно за много, много тысячелетий до наших времен.

Иван Яковлевич и Михаил Степанович обменялись выразительным взглядом.

— Это совпадает и с нашими предположениями, — заметил первый, потирая пухлые руки.

— И если он написал, что стоял на «краю», т. е. на конце земли... — начал Михаил Степанович.

— ...то это значит, что мореплавание было еще неизвестно в те времена, — с улыбкой закончил Иван Яковлевич. — Все это, дорогие мои, подтверждает наш вывод о глубочайшей древности открытого языка! Именно, как я и предполагал, он прародитель арийских!..

Павел Андреевич опять погрузился в рассматриванье предметов на столе.

— А у вас как дела? — спросил Михаил Степанович, нагибаясь к палеонтологу. — Определили, чьи эти кости: га-зелей каких-нибудь или людей?

— И тех и других, — произнес тот, отодвигая от себя груды изъеденных временем окаменелых остатков. — Только вместо первых здесь кости северного оленя.

— Чьи? — переспросил молодой этнолог; старый ученый насторожился тоже.

— Северного оленя, — спокойно подтвердил Павел Андреевич.

— Позвольте, как же так? — Михаил Степанович заво-новался и поднялся с табуретки. — Да ведь в те времена, о которых мы говорили, там чуть не тропическая жара была, пальмы должны были расти! — и вдруг северный олень?!..

Павел Степанович пожал плечами.

— Скажу более: те непонятные длинные отпечатки и куски пальмового дерева, что мы видели в окаменелом песке, я склонен теперь считать за следы саней и за сани, за настоящие сани, вроде современных эскимосских.

— Погодите, значит, мы раскопали более поздний могильник; там в степях много монгольских, сравнительно недавних курганов!

— Нет, — возразил Павел Андреевич и, взяв со стола темный, сильно растрескавшийся и раздавшийся во швах продолговатый череп, поднял его.

— Это долихоцефал*, все же туземные курганы принадлежат желтым племенам, брахицефалам. Затем взгляните на глазные орбиты: показатель** их 79, тогда как показатель у европейцев около 85, а у желтых до 95. — Это череп черного человека!

Михаил Степанович потер себе лоб, точно ошпаренный.

— Черного?... — вдумчиво повторил Иван Яковлевич. — Да, да... так могло быть... даже, так должно было быть!..

— Негр, ездивший среди пальм на саях, запряженных северным оленем?!.. — сказал Михаил Степанович. — Удивительно! Да ведь это же сапоги всмятку, господа!

— Все бывает на свете! — согласился Павел Андреевич. — Относительно же степени культурности негра могу сказать, что она была довольно высока: об этом свидетельствуют не только сани, указывающие, что он жил уже не исключительно охотой, но и собачьи кости, лежавшие вместе с ним: собака появилась при человеке в более просвещенный период; затем очень недурная отделка бронзовых предметов, найденных с ними...

— Бронза?!.. Час от часу не легче! Но бронзовый же период сравнительно поздний, Иван Яковлевич!..

Старый ученый, к которому обратился Михаил Степанович, спокойно наклонил голову, молча слушая палеонтолога.

* Длинноголовый. Брахицефал — круглоголовый; занимающий же середину между ними называется ортоцефальным.

** Показателем орбиты (глазной впадины) называется отношение высоты ее к ширине; показатель кефаличности получается от деления ширины черепа на длину его.

— Тип этих предметов и отделка их, — продолжал последний, — совершенно новы для меня и, думаю, совершенно неизвестны и вообще. Могу добавить еще, что погребенный имел религию и верил в загробную жизнь. А вот сему и доказательства... — Павел Андреевич отодвинул от общей груды несколько предметов. — Вот куски бронзового меча, это, — черепки от кувшинов или чего-то похожего на них. В них несомненно находилась пища и питье для покойника на том свете, меч же предназначался для обороны в далеком пути туда.

Наступило молчание. Слышался только плеск воды о плот, да изредка жалобный крик чаек, носившихся над рекой на белых, похожих на серпы, крыльях.

— Что вы скажете, Иван Яковлевич? — спросил немного погодя Михаил Степанович.

Старый ученый решительным движением поправил очки свои.

— Я во всем согласен с ним. В межледниковую эпоху, например, местность эта несомненно была покрыта тропической растительностью, о чем свидетельствуют и окаменелые отпечатки листьев, которые мы нашли в отложениях горы, вместе с могилой; а так как человеческие расы ответственны климатам, то здесь должны были жить черные люди. А вот находка саней... — ученый несколько запнулся, но тотчас же заговорил прежним, не допускающим возражения тоном, — ее я объясню тем, что, вероятно, произошел какой-нибудь геологический переворот, разом вызвавший резкую перемену в климате.

— Так думаете вы? — насмешливо вставил Павел Андреевич. — А в действительности мы знаем, что в межледниковую эпоху человек не находился еще на такой высокой ступени развития, да и общие геологические перевороты совершаются не разом, а в течение десятков тысячелетий. Следовательно, ваша находка целой новой культуры — или великое открытие или, выражаясь деликатно, — великая ерунда!

— Наше дело доказать первое! — с необычной терпеливостью возразил Иван Яковлевич.

— Как именно?

— Путем исследований, — так же сдержанно продолжал старый ученый. — Эта надпись и надпись, привезенная Михаилом Степановичем, сделаны на одном языке и, может быть, находятся в связи между собой. Словом, мы перед величайшей загадкой и мы разгадаем ее, да, разгадаем! — с твердостью повторил Иван Яковлевич. — Год нужно будет — год проведу здесь, десять — десять лет не выеду отсюда, но...

Грянувший из-за шалашей оглушительный выстрел прервал речь ученого и заставил его подскочить и взмахнуть руками как от удара в спину.

Гул покотился далеко вниз и вверх по воде. Через несколько секунд с противоположной стороны слабо откликнулось эхо; над самым плотом с криком заметались чайки, как бы грозя виновнику переполоха.

— Что такое? — в испуге воскликнул Иван Яковлевич. — Что случилось?

Михаил Степанович подался назад и увидел за шалашами на самом краю плота Свирида Онуфриевича, стоявшего с ружьем в руках.

Никто из увлекшихся разговором ученых не заметил, как спутник их, не интересовавшийся, кстати сказать, никакими раскопками и надписями, отошел от стола.

— Свирид Онуфриевич забавляется, — проговорил Михаил Степанович. — Утку он, кажется, убил.

Действительно, саженьях в двадцати от плота на поверхности воды чернело что-то, похожее не то на бутылку, не то на торчком стоявший утиный хвост. К нему быстро плыл какой-то другой, продолговатый предмет.

— Смотрите, Кузька плывет! — добавил Михаил Степанович, взглядевшись в него.

Голова собаки была уже невдалеке от добычи, как вдруг сперва птица, а затем и собака, точно подхваченные невидимой силой, стремительно вынеслись вглубь реки и помчались по течению, опережая путешественников.

— Кузька, Кузька!! — донесли до ученых вперемежку со свистом вопли с другого конца плота.

Свирид Онуфриевич, поздно сообразив опасность, какой подверг своего любимца, послав его в быстрину, приседал, подсказывал и вне себя размахивал ружьем и руками. Кузька оглянулся на зов хозяина, но выбиться из течения был не в силах.

— Утонет! — кричал Свирид Онуфриевич. — Кузька, иси! Черт меня побери, дурака!.. — и он сорвал с головы шапку и, швырнув на плот, с бешенством принялся топтать ее ногами. Лысина на голове его, словно продолговатое медное блюдо, засветилась на солнце.

Михаил Степанович бросился к нему. На плоту все пришло в движение; из заднего шалаша показалось мрачное лицо Антона.

— Что за шум? — вполголоса спросил румяный молодой парень, лакей Михаила Степановича, выглянув из-за плеча Антона.

— Пан мой кричить... — с хохлацким выговором отозвался равнодушный голос откуда-то позади него из глубины шалаша. — Горло соби чистить...

— Пес тонет... — проговорил Антон, прикрыв глаза костлявой рукой, — ишь как тащит его вода! О-хо-хо... все как псы потонем! — зловеще добавил он, поджав губы.

Молодой малый, не дослушав старика, кинулся к краю плота, затем метнулся к огромному правилу, у которого стоял вожатый — татарин. Расстегнутый ворот синей рубахи того открывал загорелую широкую грудь; широкое добродушное лицо, с пучком редких волос на подбородке, блаженно улыбалось.

— Правь к середине, живо! — скомандовал парень.

— Моя все видит, Василь! На середину нельзя! — возразил татарин. — Наш не догонит. К берегу надо; пес на берегу будет и мы на берегу будет. Ай, какой смешной барин!

Татарин закрутил головой, отчего плоская, круглая шапочка из рысей шкуры съехала совсем на затылок ему, и, смеясь от души, навалился всем телом на брус. Руль закрипел, и плот медленно стал заворачивать к берегу.

Василий, как истый ярославец, встряхнул волосами и побежал к Михаилу Степановичу.

— Что, утоп? — лениво спросил тот же голос из заднего шалаша.

— Должно, что так, не видать уже... — ответил Антон. — Эка барин-то твой шальной, Филипп, — добавил он с презрением, поглядев на все еще бесновавшегося охотника. — Слаб... — Он выразительно вскинул вверх брови и постучал себя по лбу.

В ответ послышался протяжный, аппетитный зевок.

Плот был уже близко от лесистой кручи, полукругом вдавшейся в том месте в реку. Старый ученый, рассеянно следивший все время то за чайками, то за собакой, вдруг оглянулся и с недоумением смотрел несколько секунд на приближавшийся берег; затем он сообразил, что ему не кажется, а действительно плот собирается остановиться, и негодование изобразилось на лице его.

— Михаил Степанович, Михаил Степанович! — громко позвал он, начиная теревить золотые очки на носу своем.

— Здесь я! — откликнулся тот из-за шалашей. — Что скажете? — и этнолог вышел к столу.

— Мы, кажется, к берегу собираемся пристать, Михаил Степанович?

— Да.

— Зачем-с?

— Собаку надо спасти как-нибудь!

— Позвольте-с! — перебил ученый, — сообщите, пожалуйста, зачем мы поехали сюда: собак ловить или за иным чем-нибудь?

— Дорогой мой, не волнуйтесь, пожалуйста...

— Какое мне дело до его собаки?! — окончательно вскипев, закричал Иван Яковлевич. — Он каждый день по пяти раз будет топить ее, а мы вытаскивать?! Когда же мы доедем? Я поехал-с сюда искать надписи, а не собак удить: ни времени, ни желания у меня нет на это! Я желаю двигаться вперед!

— Но ведь нам и провизией надо запастись сегодня: она на исходе у нас.

— Я знаю только одно: мы должны плыть без остановок в Красноярск, а оттуда сухим путем ехать в Иркутск!

— Уверяю вас...

— Должны плыть... — Сильный толчок сбил ученого с ног, и если б Михаил Степанович, сам едва устоявший, не принял его в объятия, Иван Яковлевич растянулся бы ничком на бревнах... — вперед! — тем не менее договорил, хотя и невнятно, упрямый ученый, уткнувшись лицом в плечо Михаила Степановича.

— Что еще за история? — сердито добавил он, выпрямляясь и поправляя очки и съехавшую на шею шапку.

Плот уже стоял неподвижно, касаясь правым передним углом отмели, полукруглым серпом желтевшей под бурыми скалами. Причиной толчка явилась остановка плота.

Проводник-татарин, он же и рулевой, держа на плече причальный канат, согнувшись, шагал к берегу по воде, чуть покрывавшей мель. За ним спрыгнул Свирид Онуфриевич и, подняв ружье, побежал, разбрызгивая воду, как добрый конь.

— Поверьте, мне самому не меньше вас хочется добраться поскорей до исписанных скал, — мягко заметил Михаил Степанович, — но ведь нужно же позаботиться и об еде?

Иван Яковлевич не ответил ни слова и, кинув молниеносный взгляд на спину виновника остановки, — отошел от Михаила Степановича.

Татарин закрепил причал вокруг огромного камня и вернулся к плоту; через минуту он, кряхтя, потащил к берегу на широких плечах своих Павла Андреевича. Палеонтолог уселся на них с комфортом, скрестив на груди руки и широко растопырив огромные ноги. За палеонтологом таким же способом переехал и Михаил Степанович. Слуги, сняв сапоги, перебрались сами, и скоро все разбрелись среди скал.

Иван Яковлевич остался один и, выпятив грудь колесом и заложив руки за спину, с задорным видом еще не остывшего от боя королька-петушка, долго шагал взад и вперед по плоту.

III.

Легкий и привычный к ходьбе Михаил Степанович быстро пробирался вверх по дну узкой расщелины, расщепившей в одном месте отвесную, буро-беловатую стену берега. Местами в известняке ее ярко проступали зеленые пятна и полосы. С близкого расстояния можно было различить, что это не мох и не травы, а каменные слои. Из воды у берега выставлялись острые гребни таких же цветных гряд, и Енисей кипел и швырялся пеной, натываясь на «Костоватую шиверу» — сибирское прозвище того места.

Промытая водой тропа извивалась как уж; то и дело приходилось вскарабкиваться на груды камней или же обходить их. За Михаилом Степановичем, пыхтя, пробирался тяжелый Павел Андреевич.

Крутой подъем наконец кончился, начался спуск. Отвесные, иззубренные наверху стены еще тесней обступили шедших, словно в безмолвном удивлении разглядывая неизвестных существ, попавших в их царство. Палеонтолог перед каждым поворотом тропки лелеял надежду увидеть

наконец более открытое место, но ожидание его не сбылось — они, видимо, шли куда-то вниз: причудливые зубцы кругом становились выше и выше, дышавшие зноем, как бы прослоенные зелеными полосами белые скалы сдвигались все теснее. Ни деревца, ни кустика не росло на них.

— Пойдите! — крикнул наконец Павел Андреевич, оттаптываясь и вытирая платком раскрасневшееся лицо, с которого в виде дождя катился на грудь куртки пот.

— Куда вы несетесь так? Приз, что ли, хотите получить? Дышать нечем в этом пекле!

— Ничего! — весело откликнулся Михаил Степанович. — Пар костей не ломит! Потерпите: скоро пещеры будут!

— Да верно ли?

— С какой же стати будет врать проводник?

Палеонтолог, пользуясь передышкой, огляделся вокруг.

— Удивительные места! — отдуваясь, заявил он. — Известковая пещь какая-то вавилонская! Покорнейшая просьба, коллега, к вам: пожалуйста, не летите так, меня удар хватит!

Путники зашагали дальше,

— Смотрите, Павел Андреевич! — произнес через некоторое время Михаил Степанович, указывая влево.

У подошвы растрескавшейся скалы чернело отверстие.

Оба исследователя свернули к нему.

— Как тянет, однако, оттуда холодком! — произнес Павел Андреевич, остановившись у почти круглой дыры, походившей скорей на пролаз в нору, чем на пещеру. — Темно там, ничего не видно, — добавил он, нагнувшись и заглядывая в нее.

Михаил Степанович встал на колени, вынул из бокового кармана плоский электрический фонарик и, всунув руку и голову в отверстие, нажал кнопку. Бледно-синеватый свет наполнил довольно просторный, но словно придавленный к земле грот. Неровный свод местами почти касался пола, сплошь усеянного обломками камней. В правой стороне свод повышался, но свет небольшого фонаря не мог проникнуть во тьму, глядевшую оттуда.

— Кажется, там есть еще пещера! — заявил Михаил Степанович, заглянув опять внутрь.

— Да. Это одна из пустот, часто встречающихся в известняках. Однако, мы простудимся! — заключил Павел Андреевич, отходя от пещеры на несколько шагов. — Я мокр от волос до пяток, а оттуда несет как из ледника.

Михаил Степанович как бы не слышал последних слов его.

— Надо слазить туда, заявил он, — взглянуть, что за пещера и нет ли в ней чего!

— Ничего там нет, — уверенно заявил Павел Андреевич, удобно усаживаясь в тени под скалой на небольшом бугорке. — Сие есть природная пустота, и единственное, что вы можете найти в ней, это — ревматизм!

— Все-таки загляну!

— Загляните, загляните! А я пока отдохну и выкурю папироску.

Михаил Степанович лег на землю и как уж вполз в грот. Флегматичный товарищ его достал из портсигара папироску, прислонился спиной к скале и принялся курить с блаженным видом отдыхающего после больших трудов человека.

Не прошло и десяти минут, как в отверстии под скалой показалось озабоченное лицо Михаила Степановича.

— Павел Андреевич! — позвал он. — Там целые груды костей каких-то лежат.

Палеонтолог повернул голову.

— Неужели? — несколько оживленное произнес он, подымаясь с земли и направляясь к скале.

— Хотите, я достану вам образцы?

— Нет, нет, сам взгляну на них!.. Только как бы это пролезть мне?..

Грузная фигура ученого опустилась на четвереньки и неуклюже начала втискиваться в довольно узкое для него отверстие.

— Уф... Светите же... ничего не вижу!.. — произнес он, почувствовав, что выбрался наконец из тисков, и в ту же минуту, словно зарничный, мертвый свет бледно и неясно озарил истрескавшиеся каменные стены. Свод нависал так низко, что приходилось пробираться ползком на животе,

затем на четвереньках. Михаил Степанович был впереди и слышал за собой сопенье грузного палеонтолога. Сажень через пятнадцать оказалось возможным не только встать, но и выпрямиться: свод разом ушел куда-то во мрак наверх. Михаил Степанович поднял фонарь и с вышины глянули на путников серые выступы тесно сжимавших друг друга камней.

— Ого! — промычал Павел Андреевич, глядя наверх. — Хватит отсюда эдакая бомба в голову — не поздоровится!

Словно какой-то небольшой, высеченный в недрах земли храм был пред глазами ученых. Не хватало только окон. Вокруг стен, казалось, шли колонны; задняя, причудливо выпуклая стена имела вид католического алтаря.

Но своеобразная красота пещеры очаровала только Михаила Степановича; он молча стоял и любовался ею, между тем как Павел Андреевич поворачивался во все стороны и глядел только в низы углов.

— Где же кости? — спросил он.

Михаил Степанович, не говоря ни слова, сделал еще несколько шагов вперед, и под ногами его перекатилось и слегка загремело что-то.

— Вот... — произнес он, направляя свет фонаря на землю.

Пол впереди по крайней мере на фут толщины весь был покрыт слоем белых и желтых костей. Павел Андреевич быстро запустил в них обе руки и выхватил по кости.

— Светите! — отрывисто сказал он, поднося добычу к самому фонарю.

Несколько секунд он напряженно рассматривал ее, затем бросил в сторону.

— Волчьи, — проговорил он и вытащил из груды новую кость. — Волчьи, — повторил он через минуту.

Михаил Степанович передал ему для удобства в розысках фонарь и, предоставив палеонтологу рыться и греметь костями, скрестил руки и остался стоять, любясь странной, полной таинственности и красоты картиной и стараясь прочней запечатлеть ее в мозгу своем.

— Волчья... волчья... — повторял через небольшие промежутки времени Павел Андреевич, бродя почти по коле-

но в костях в виде гигантской тени с полукругом мутного света у ног. — Да что это за история? — протяжно проговорил он, выпрямляясь. — Мы с вами на волчьем кладбище, Михаил Степанович!

— Может ли быть? — отозвался тот.

— Несомненно! Сюда приходили умирать целые десятки поколений волков. Впрочем, вот лисья кость... Это — перекушенный бараний позвонок... Вероятно, сначала здесь была берлога, где они жили и пировали, а потом превратили в кладбище. В Индии я видел в этом роде целые кладбища слонов, и знаете...

Внезапно пласт останков животных, белевший вокруг учебного, и сама фигура его погрузились в непроницаемый мрак. До слуха Михаила Степановича долетел стук проворно разгребаемых костей.

— Что случилось? — спросил он, направляясь впотьмах на звуки.

— Фонарь уронил, — отозвался с самой земли голос Павла Андреевича. — Чтоб ему пусто было! Куда же он девался?

— Постойте! — крикнул Михаил Степанович. — Не торопитесь так, вы его окончательно зароете.

Михаил Степанович добрался до стоявшего на четвереньках палеонтолога и, нащупав плечо его, очутился рядом с ним и осторожно принялся за поиски.

Фонарь, имевший размер большого портсигара, не отыскивался.

— Экое свинство! Да что он, заколдован, что ли! — сердито ворчал Павел Андреевич. — Колени стер себе, лазая по костям!

Михаил Степанович молча продолжал поиски и наконец, запустив руку совсем вглубь, коснулся пальцами знакомого фонаря.

— Нашел! — радостно воскликнул он.

Палеонтолог поднялся на ноги.

— Что же вы, осветите сию могилу, — сказал он, выждав с минуту.

— Нельзя! — с досадой возразил Михаил Степанович. — Стекло разбилось.

— Вот так исто-о-ория... — протянул палеонтолог.

— Фу ты, какая однако гадость! Как же мы теперь вернемся?

— Так же, как пришли.

— А вы знаете, где выход? Впотьмах мы все стены перешушаем теперь лбами.

— Что же поделать! Идите за мной, я стоял как раз спиной ко входу.

Михаил Степанович вытянул вперед руки и осторожно, как слепой, нащупывая ногой каждую пядь земли, стал двигаться среди непроницаемой тьмы.

Павел Андреевич следовал за ним.

— Кажется, свод сейчас начнет понижаться, — проговорил спустя некоторое время Михаил Степанович. Он поднял руки, но они свободно очертили круг над головой его.

— Еще далеко... — возразил Павел Андреевич.

— Все-таки лучше теперь уже стать на четвереньки.

— Успеем!

— Как знаете! Я, по крайней мере, буду ползти.

Вслед за этим Павел Андреевич почувствовал, что плечо спутника опустилось и исчезло из-под руки его. Звуки шагов Михаила Степановича сменились шорохом ползущего тела.

Не прошло и минуты, как палеонтолог вдруг остановился и отшатнулся назад. Михаил Степанович услышал полузаглушенный стон его.

— Я здесь! — откликнулся он, оборачиваясь и больно стукаясь от этого движения головой о камни. — Ох! Что вы, Павел Андреевич?

— Свод! — невнятно отозвался палеонтолог.

— Так что же? — Михаил Степанович тер ушибленную голову.

— Физиономию всю разбил себе...

Павел Андреевич сказал это таким сердитым тоном, что Михаил Степанович, несмотря на боль, рассмеялся и досада на неосторожность ученого исчезла у него.

— Не беда! *A la guerre comme á la guerre*: и я виском хватился!

— Какая тут герр! — проворчал Павел Андреевич; слышно было, как он начал ползти через камни, перекатывая их, и то и дело стукался, охал, останавливался и затем опять принимался продвигаться дальше.

— Да мы в преисподнюю лезем, а не назад! — возопил наконец он. — Я себе голову всю проломал.

— Да рукой-то, рукой шарьте сперва перед собой! Мы на верном пути!

— Как это рукой, когда я ползу на них? — с негодованием воскликнул палеонтолог. — Не могу же я, как хромой осел, на трех ногах скакать!

Михаил Степанович услышал позади себя новый тупой удар и затем кряканье.

— Опять ушиблись?

— Именно «опять». Двадцать пять раз уж это «опять» было. Выступы какие-то проклятые торчат везде... Прямо лбом...

Глаза Михаила Степановича различили наконец впереди что-то серое.

— Свет! — радостно крикнул он. — Ура, Павел Андреевич, выход близко!

Он быстро заработал руками и ногами, и не прошло и трех минут, как оба исследователя выбрались на свет Божий.

IV.

— Уф!.. Вы меня не очень браните? — извиняющимся тоном произнес Павел Андреевич, подходя с протянутой рукой к Михаилу Степановичу.

Оба они походили на мельников, только что отошедших от закромов.

— Я? Помилуйте, за что, что за вздор! Однако хороши же мы с вами!

— Очень хороши!

Павел Андреевич осторожно, словно боясь испачкать свои грязные руки, начал счищать известковую пыль, выбелив-

шую спереди все платье его; брюки на обоих коленях его были прорваны, и оттуда выглядывало голое тело; один рукав лопнул под мышкой; на лбу, словно разлинованном белыми полосами, вздулся и уже начал синеть огромный желвак.

— Н-да, вы пострадали-таки! — с участием сказал Михаил Степанович. — Очень разбили голову себе?

— Голову? — переспросил палеонтолог, ощупывая темя. — Это уж не голова, а, можно сказать, собрание желваков. Главное — зря все!

— Как зря? А красоту-то какую видали!

— Красоту... — палеонтолог искоса взглянул на перепачканного Михаила Степановича и, сморщась, осторожно потрогал лоб свой.

Михаил Степанович усердно принялся тереть рукавом свои колени, как вдруг словно стальной бич резко щелкнул о каменную стену за спиной его, ударил в то же мгновение с визгом и стоном о другую и яростно захлестал вниз и вверх по всему ущелью.

— Что за звуки? — с изумлением проронил Павел Андреевич, озираясь и словно пытаясь поймать взглядом то нечто невидимое и необычайное, что пронеслось в воздухе.

— Выстрелили где-то, — сказал Михаил Степанович, выпрямляясь и вслушиваясь в тишину, опять оковавшую расщелину. — Это эхо. Я бывал в подобных местах: прямо будто колдовство какое-то творится в них. Кто бы это мог стрелять?

— Уж не наш ли охотник?

Как бы в ответ на это предположение из-за поворота послышался отдаленный свист.

Михаил Степанович взбежал на небольшой взгорок и тотчас же повернулся лицом к своему спутнику.

— Так и есть — Свирид Онуфриевич! Э-э-э-й! — крикнул он, замахав рукой. — Свирид Онуфриевич, сюда! Здесь мы!

До слуха не тронувшегося с места палеонтолога долетело ответное радостное восклицание и лай; на взгорок взлетела собака и бросилась на грудь Михаила Степановича. Немного погода показалась и облеченная в серую куртку

плотная фигура охотника. Рыжая шапочка дыбом стояла на самом затылке его.

— Пес-то каков! — еще издали начал кричать Свирид Онуфриевич. — Выплыл и утку принес! Вот она! — Он с торжеством поднял добычу высоко над головой. — Ну и места, чтоб им провалиться! Поохотиться хотел, свернул от реки и выбраться никуда не мог — конца расщелинам нет! А вы как сюда забрели?

— Тоже охотились, — ответил Михаил Степанович, — пещеры искали!

Свирид Онуфриевич протяжно свистнул, что означало у него некоторую долю презрения, и тут только обратил внимание на необыкновенную наружность обоих товарищей.

— Где вы так изгваздались? — с недоумением спросил он, оглядывая обоих. — Ба, ба, ба... да вы, Павел Андреевич, и с придатком еще! С горы, что ли, свалились? — соболезнующе добавил он.

Михаил Степанович начал повествовать о происшедшем. Услыхав о том, как они ползали впотьмах, то и дело стучаясь головами о камни, Свирид Онуфриевич закатился смехом.

— От-то потеха! С таким фонарем, — он указал на лоб палеонтолога, — да темно было! Хо-хо-хо! Эка, делать-то, погляжу я на вас, вам нечего: под землю полезли! Да хотите, я сто таких пещер укажу вам!

— Где? Вы их видели? — оживленно спросил Михаил Степанович.

— Везде они! Сто штук видел — сейчас провалиться мне! Все горы изверчены ими!

— Идемте! — решительно заявил Михаил Степанович, обращаясь к палеонтологу, разлегшемуся на земле в виде огромной ижицы.

— А кости в них есть? — лениво процедил тот, не изменяя положения.

— Сколько хотите — вороха! И надписи есть!

— Надписи? — Михаила Степановича точно пронизало электричество. — Господа, в таком случае необходимо пригласить Ивана Яковлевича.

— Что же, валяйте, — отозвался Свирид Онуфриевич. — Вы человек молодой, на ногу легкий. А мы, старики, здесь подождем, трубочку выкурим!

— Так ждите: мы сейчас придем, — и Михаил Степанович почти бегом пустился по извилистой тропинке.

Свирид Онуфриевич, ставший было на камень близ палеонтолога, вдруг подскочил как ужаленный.

— Эй, эй!! — так неистово закричал он, что Павел Андреевич вздрогнул и невольно подобрал ноги, как бы испугавшись за целость их. — Михаил Степанович, стойте! Утку-то захватите, утку! — и охотник быстро пошел навстречу к оглянувшемуся этнологу. — Велите сжарить ее моему Мазепе: дрыхнет, наверное, это животное, — так вы палкой его в бок! Скажите: если пережарит — в воду его спущу!

Михаил Степанович взял утку и, сопровождаемый собакой, скрылся за ближайшей скалой.

Охотник вернулся и уселся на прежнее место.

— Какие же кости вы видели? — спросил Павел Андреевич.

— Шут их там разберет, какие они! Всякие! — ответил, закуривая трубку, Свирид Онуфриевич.

Палеонтолог молча поглядел на него одним левым глазом, затем зажмурился.

Воцарилось молчание. С мертвенно-белых стен не скапывалось ни камешка, не доносилось ниоткуда даже шуршания легкого песка или земли, струйкой сбегających то и дело в других горах. На синей полосе неба не белело ни облачка.

— Чтоб ей лихо стало, этой дыре! — сердито проговорил наконец Свирид Онуфриевич. — В ушах даже трещит, так тихо! Хоть бы кузнечик проскрипел или птица какая пролетела! Павел Андреевич, да вы живы или нет?

— Жив, — отозвался палеонтолог.

— Чудные какие сибирские места!

— Чем?

— А птиц певчих совсем нет нигде. У нас, Боже мой, сколько их! Чего хочешь: воробьи, сороки...

— Это у вас певчие птицы?

— А то какие же: съедобные, что ли?

Павел Андреевич приподнялся на локте и устремил глаза с заискрившимися в них насмешливо-веселыми огоньками на Свирида Онуфриевича.

— А лошадей своих, скажите, вы куда причисляете: к певчим или к съедобным животным?

Охотник сначала не понял насмешки, но, взглянув пристальней на как будто серьезное лицо палеонтолога, рассердился.

— Вы что, опять меня разозлить хотите?

— Сохрани Бог! Я только интересуюсь новым подразделением птиц!

Вероятно, Павел Андреевич успел бы довести до белого каления своего собеседника, если бы в ту минуту не показались две быстро приближавшиеся знакомые фигуры — Михаила Степановича и Ивана Яковлевича. Старый ученый озабоченно спешил впереди и широко размахивал руками.

— Где письма? — спросил он, остановившись около лежавших и озираясь.

— Дальше, — отозвался из-за спины его Михаил Степанович. — Свирид Онуфриевич проведет нас.

— В поход, когда так, господа, нечего терять времени! воскликнул Иван Яковлевич, бодро начиная взбираться на подъем.

Компания двинулась за ним.

Тропка, перевалив через взгорок, пошла вниз. Стены по бокам начали сближаться и повышаться, путники, казалось, углублялись куда-то в самые недра земли.

— Мы в тартарары идем или ближе? — спросил Павел Андреевич, еле поспевая вперекачку за остальными.

— Сейчас придем! — ответил Свирид Онуфриевич.

Иван Яковлевич между тем уже почти бежал. Через несколько минут он вдруг скрылся за скалой, точно провалился сквозь землю. Михаил Степанович поспешил за ним и очутился в довольно широкой долине, где уже стоял и оглядывался старый ученый. Дорога, приведшая их туда, осталась позади, в узкой щели, прорубленной от неба до земли

в отвесах известняка. Два таких же тесных ущелья отходили вправо и влево от нее.

— Куда теперь? — с недоумением спросил Иван Яковлевич.

— А вот... — Свирид Онуфриевич ткнул вперед своим толстым пальцем, — пещера здесь за камнями.

Ученые обогнули громадную глыбу, лежавшую близ горы, но никакого отверстия за ней не оказалось.

Павел Андреевич завздохал и укоризненно устремил на охотника единственный глаз свой — другой уже начал запухать и окружаться краснотой.

— Что за притча! — произнес Свирид Онуфриевич. — Тут она была, чтоб ей провалиться! Впрочем, нет, вон где! — он решительно указал на противоположную сторону. — Там, там, наверное там!

Но и «там» не оказалось даже подобия пещеры.

— О Господи! — с напускным трагизмом воскликнул обливавшийся потом палеонтолог. — Драгоценнейший наш, вы видали сто пещер здесь, покажите же нам хоть одну наконец!

Свирид Онуфриевич смущенно оглядывался.

— Да должна она где-то быть здесь!

— О да, где-нибудь есть...

— Здесь немудрено забыть место! — заступился добродушный Михаил Степанович. — Смотрите, какое однообразие, — точно нарочно набросал кто-то эти глыбы везде!

— Еще бы! — оживившись, воскликнул охотник. — Разумеется! Да вы погодите, я сейчас отыщу! — и с неожиданной для всех легкостью он вскочил на ближайшую глыбу и, перепрыгивая с камня на камень, побежал, оглядывая скалы.

Иван Яковлевич, не проронив ни звука, с тем же серьезным видом уселся на камень; примеру его последовали и остальные.

Минут десять все молча созерцали эквилибристические упражнения своего спутника, с ожесточением скакавшего по наваленному в беспорядке известняку. Наконец

коренастая фигура охотника остановилась, выпрямилась и замахала платком.

— Сюда! — долетел зов его. — Здесь она!

Иван Яковлевич первый сорвался с места.

— Где? — запыхавшись, спросил он, достигнув Свирида Онуфриевича.

— Вот-с! — торжествующе произнес последний, кланяясь как театральный хозяин, приглашающий гостей войти в дом. — Пожалуйста-с! Уж если я что сказал, так значит — верно как смерть, да-с!

Ученые перебрались через обвал у скалы и увидели в ней отверстие приблизительно в рост человека. Близ него чернела в виде круга кучка подернутых пеплом углей.

— Попахивает навозом... — заметил палеонтолог, втягивая носом воздух.

— Здесь письма? — спросил Иван Яковлевич.

— Да, да, — уверенно ответил охотник. — Сколько хотите их там, подальше только! — и он сделал жест, как бы сверля пальцем гору. — А впрочем, может, и не здесь... — вдруг спохватился он. — Кажется, что здесь!

Михаил Степанович вынул из кармана свечу, зажег ее и медленно вступил вместе с обоими учеными в пещеру.

Свирид Онуфриевич уселся у входа, закурил трубку, но не успел сделать и трех затяжек, как все путники появились снова.

Иван Яковлевич выступал необыкновенно торжественно, с откинутой назад головой; лицо его было еще серьезнее, чем раньше. Свирида Онуфриевича он как будто и не заметил.

— Что так скоро? — спросил тот.

Иван Яковлевич остановился и повернулся к нему.

— Вы видали эти «письмена» ваши, сударь? — голос Ивана Яковлевича был сдержан, но глаза метали сквозь очки молнии.

— Да-а... издадека конечно... А что?

— Так будьте добры, посмотрите на них вблизи! Дайте им свечку, дорогой Михаил Степанович!

Не понимая ничего и только чувствуя, что произошло

что-то неладное, Свирид Онуфриевич вооружился свечой, поднял ее над головой и вступил в пещеру.

Сильный запах конского навоза охватил его; довольно ровный пол весь был покрыт толстым слоем последнего: просторная и высокая пещера, очевидно, издавна служила убежищем в непогоду для местных табунов. На одной из серых стен ее чернело что-то похожее на иероглифы. Свирид Онуфриевич подошел ближе, попал ногой в остатки костра и поднес свечу к самой стене.

С нее глянула, намалеванная туземным Рафаэлем при помощи углей, кривая рожа с высунутым язычком; рядом красовался не менее художественно исполненный и одинаковой величины с нею — громадный кукиш.

V.

Павел Андреевич сидел, отвернувшись от Ивана Яковлевича и весь колебался и трясся от душившего его беззвучного смеха. Михаил Степанович едва сдерживал на лице улыбку, всячески стараясь не дать заметить ее Ивану Яковлевичу, чтоб не рассердить его еще более, и чрезвычайно усердно перекладывал из кармана в карман платок, когда показался из пещеры охотник.

— Н-да... — произнес он, не глядя ни на кого, — не то... опять ошибся!

— Вы полагаете? — выразительно сказал Иван Яковлевич. — Ну-с, Михаил Степанович, теперь куда мы, назад?

— Как хотите, — поспешно ответил тот.

— Поищем еще... — заявил Свирид Онуфриевич. — Тут еще пещеры есть!

— Как же, как же!.. — отозвался, вытирая слезы, Павел Андреевич. — Их еще девяносто девять по вашему счету осталось!

Иван Яковлевич не достаивал Свирида Онуфриевича ни единым взглядом.

— Нельзя ли только как-нибудь к реке выйти, Михаил

Степанович? — продолжал он. — Очень душно в той расщелине. Берегом, я думаю, лучше будет пройти!

— Да эта же долина прямо к реке ведет! — воскликнул Свирид Онуфриевич. — Я шел здесь.

Все двинулись за Иваном Яковлевичем, одиноко пошедшим во главе компании.

Долина понемногу расширялась и понижалась; местами она, как терраса, спадала уступами, и надо было скатываться на спинах или прыгивать с небольших высот.

Павлу Андреевичу приходилось круче всех. Он кряхтел и охал, но тем не менее ни на шаг не отставал от Свирида Онуфриевича и доезжал его шутками и насмешками.

— Ох... теперь вы нас куда — кости смотреть ведете? — спрашивал он у него. — Нет, вы скажите, что гласят иероглифы в пещере?

— А ну вас! — огрызался Свирид Онуфриевич. — Эка важность, — попали в другую сторону и все тут! Глядите лучше вперед, — вон Енисей виден!

Действительно, словно зеркало в оправе из двух огромных красных скал, одиноко торчавших по бокам расширившейся долины, открылась и блеснула река. Охватило свежестью.

— Хорошо!.. — произнес Михаил Степанович, остановившись на миг и дыша всею грудью.

— Да-а... — подтвердил Павел Андреевич. — А на плоту-то у нас каково теперь, на сене-то, а?

— Утка жарится... — добавил, причмокивая, Свирид Онуфриевич.

Все трое пустились догонять далеко ушедшего вперед Ивана Яковлевича.

— Что такое он увидал? — сказал Павел Андреевич, указывая на старого ученого.

Тот остановился и, совсем запрокинув назад голову, торопливо принялся шарить по карманам, ища что-то; наконец вытащил небольшой бинокль, приставил его к глазам и застыл в той же позе.

— А ведь там надпись! — воскликнул Михаил Степанович, ускоряя шаги. — Видите ее?

Высоко на скале, приблизительно саженьях в трех от земли, явственно выступали крупные, сделанные черной краской какие-то письма.

— А что я говорил вам! — Свирид Онуфриевич даже подскочил на ходу от избытка торжества. — Вот она! Я ж говорил, что видал ее!!

— Так это пещера, по-вашему? — спросил палеонтолог.

— Все равно, пещера, не пещера — в надписи дело! Ну, так и есть, она: черная. Самая доисторическая!

Путешественники окружили Ивана Яковлевича, молча разбиравшего надпись.

— Что-то не то... — вполголоса проронил Михаил Степанович, — прежде всего, это не иероглифы, а буквы, и похожие на татарские...

— Вы правы, — отозвался немного погодя Иван Яковлевич, опуская бинокль, — надпись монгольская и сделана не дальше как в XIV веке...

— Гм... «самая доисторическая», — шепнул палеонтолог на ухо охотнику.

— К сожалению, кое-что смылось, — продолжал ученый. — Вероятно, это приказ какого-нибудь хана для проходивших здесь полчищ его!

Иван Яковлевич снова вооружился биноклем и вслух стал переводить написанное:

1) Безгласных и невздорных пленников из кибиток и улусов по причине зверей не бросайте и не губите.

2) Погребайте мужчин и женщин для жертвы гневным драконам и для великого обилия меда, творога, мяса, молока.

3) Когда застрелите и погребете их, то на курган бросайте ветви каждому из драконов.

*4) Затем зарывайте коней, мужчин погребайте сотнями, женщин не мучьте и не увечьте, прочих истребите... погребите...**

* Выдержка из надписи около селения Абакан.

— Надо полагать, где-нибудь поблизости существуют и могилы, — заключил ученый, окончив чтение.

— Невредно бы произвести несколько измерений черепов, — заметил Павел Андреевич. — Можем пролить некоторый свет на темную историю этих мест!

— И опять отыщете арабов! — захохотав на все ущелье, вставил Свирид Онуфриевич. — Эка ведь угораздит людей: арабы здесь были, а! Турок еще не найдете ли'?

Михаил Степанович и старый ученый не слыхали слов Свирида Онуфриевича; они были уже у скалы и внимательно осматривали ее со всех сторон. Павел Андреевич, не удостоив охотника ответом, заколыхался за ними, разглядывая каждый буторок по пути.

На противоположной, гладкой как ладонь стороне скалы, сажень в трех над землей, оказалось большое треугольное отверстие, несомненно высеченное или подправленное руками человека.

Михаил Степанович метнулся назад и, различив какой-то походивший на острое ребро узкий всход на скалу, не раздумывая, взбежал на него. Иван Яковлевич, то балансируя, то на четвереньках смело карабкался за ним по пятам. На высоте сажень двух ребро превратилось как бы в карниз, и ученые, плотно прижимаясь левым плечом к камням, осторожно начали огибать скалу.

— Нашли что-нибудь? — крикнул Павел Андреевич, заметив необычайное оживление, с каким оба спутника его бросились взбираться на крутизну.

Те, не отвечая, скрылись за выступами камней.

Павел Андреевич подошел и собрался ступить на тропку, но, увидав, какова она, только посвистал и принял ногу.

— Видимое дело, взбесились! — проворчал он. — Еще, должно быть, какую-нибудь тарабарщину увидали!

Иван Яковлевич и Михаил Степанович были, между тем, уже на другой стороне, и палеонтолог услышал дружный и громкий зов их.

— Иду, иду! — отозвался он, пускаясь ускоренной перевалкой. — Ну что? — крикнул он, зайдя за угол и отходя в сторону, чтобы увидеть товарищей.

Глазам палеонтолога представился вход в пещеру, казавшийся черной выемкой в стене; в нее заглядывали фигуры обоих исследователей.

— Пещера! — крикнул сверху Михаил Степанович. — Идите скорей сюда, Павел Андреевич!

— Чего захотели! — палеонтолог фыркнул носом. — Я ведь не муха, как вы!

Михаил Степанович и Иван Яковлевич исчезли в скале.

— Кости есть, масса костей! — раздался через некоторое время голос Михаила Степановича.

— Какие? Собачьи опять какие-нибудь?

Палеонтолог с завистью глядел навверх единственным своим глазом. Другой уже окончательно скрылся под малиновым отеком.

— Человечьи!

Павел Андреевич затоптался на месте, затем приподнялся на носки, словно намереваясь заглянуть снизу в тянущую его, как магнит, пещеру.

— Черепа! Тащите сюда черепа! — закричал он, приставив огромные руки ко рту. — Несколько штук возьмите!

Минут через две на карнизе показался Михаил Степанович с грудой пожелтевших черепов в руках.

— Кидайте по одному!

— Да вы подойдите ближе, как бы в лицо вам не попасть!

— Ничего, бросайте скорей!

Павел Андреевич стоял уже у самого отвеса стены и тянул кверху руки.

Михаил Степанович осторожно поднял один из черепов.

— Держите, бросаю!

— Ну, ну!..

Костяк закувыркался в воздухе и, мелькнув между растопыренными дланями палеонтолога, с треском ударился об его голову и, сбив шапку, рассыпался на куски.

— Довольно! крикнул Павел Андреевич, потирая темя. — С одним глазом трудно, не вижу ничего! Нет ли у вас веревки, спускайте по ней!

Веревки не нашлось, но Михаил Степанович снял с себя пояс и, привязав к нему еще другой ремень, принялся переправлять добычу в руки жадно подхватившего ее палеонтолога.

Приблизительно через четверть часа беспечно отдыхавший Свирид Онуфриевич решил наконец узнать, куда запропали его спутники. Он появился из-за скалы и нашел Павла Андреевича сидящим на земле у груды черепов. Палеонтолог прикладывал к ним то какую-то ленту, то блестящий инструмент и тщательно отмечал потом результаты измерений в записной книжке.

— Вот так фрукты!.. — произнес охотник, остановившись и расставив ноги; в зубах у него торчала трубка, руки были глубоко засунуты в карманы. — Где это вы столько их раздобыли?

Павел Андреевич, не отрываясь от поглотившего его занятия, кивнул головой на скалу. Свирид Онуфриевич поднял глаза и увидал пещеру.

— О-го! — протянул он. — Чисто леток в улье. Обалделые-то туда забрались?

— Гей, господа ученые! — не дождавшись ответа, во все горло крикнул охотник. — Обедать пора! — и, поднеся кулак ко рту, он весьма похоже трижды протрубил охотничий сигнал для сбора собак.

Через каких-нибудь полчаса вся компания шумно и весело шагала по песчаному берегу реки, направляясь к плоту. Оживленным разговорам не было конца. Иван Яковлевич совсем забыл под влиянием находки о недоразумении со Свиридом Онуфриевичем и шутил и смеялся с ним. Тяжело приходилось только Павлу Андреевичу: он забрал с собой целую связку черепов и, увязая в песке, тащился позади всех.

VI.

— Господа, слышите? вдруг произнес Иван Яковлевич.

Все остановились, глядя на растрескавшийся бурый утес, закрывавшей излучину реки, где находился плот.

— Как будто Антон кричит! — вслушавшись, сказал Михаил Степанович.

— Он! — подтвердил Иван Яковлевич, явственно различив голос старого лакея. — Отчаянно кричит! Не напали ли на него'?

Компания пустилась бегом, сопровождаемая, как щелканьем кастаньет, стуком черепов на плече Павла Андреевича.

За выступом берега глазам представилась странная картина: Антон с двумя огромными рыбами в широко разведенных руках стоял на берегу, как бы загораживая проход к плоту трем одетым в темные картузы и синие рубахи людям. Неизвестные имели весьма мирный вид и что-то говорили Антону, указывая на рыб.

Навстречу ученым с кручи берега на помощь Антону бежал по тропке Василий и вожатый-татарин. Позади них не спеша переваливался огромный детина в смушковой серой шапке, белых широчайших малороссийских шароварах и рубахе, подпоясанной красным кушаком, — человек Свирида Онуфриевича. Шествие замыкали, согнувшиеся в дугу под тяжестью торб и корзин, двое местных жителей.

— Что случилось? — запыхавшись, спросил Михаил Степанович, первый подбегая к Антону.

— Каторжные-с!.. Грабители!.. — прерывающимся голосом ответил Антон. — Ограбить хотели!..

Проводник-татарин заговорил с неизвестными, и те быстро стали отвечать ему на том же гортанном языке.

— Скрутить их надо да в волость предоставить! — возбужденно продолжал Антон. — Стал я тут по берегу ходить, вижу: на ем норы, а там рыбины набились... вот-с... Он указал на бывших в руках у него. — Да чудеса-то какие еще: мерзлые! только я вынул две штуки, несу сюда, эти

откуда ни возьмись — за мной да за рыб хватают! Рожи-то какие!! Беглые-с...

— Ай нет! — улыбаясь, перебил проводник. — Никакой не рожка: совсем добрый человек, рыбаки. Они рыба ловил, они рыба клал, а твой рыба взял. Они говорил: зачем брал?

Дружный смех раздался вокруг недоумело озиравшегося Антона.

— Как это клал? В землю-то?

Татарин закивал головой.

— А, да, да! Сейчас поймал, — куда девал? Домой нести — жарко; наш в ямы кладет, в яме лед.

— Что он городит? — вмешался Свирид Онуфриевич.

— Какие ямы и какой к бесу теперь лед может быть в них?

— Есть такие! — подтвердил Михаил Степанович.

— Где же ямы, покажите-ка!..

Татары, с просиявшими лицами, а за ними и остальные направились вверх по реке. Только Антон остался на месте и, не выпуская из рук рыб, глядел вслед ушедшим.

Берег в той стороне был завален осыпью каких-то горных пород.

Рыбаки остановились и приподняли плоский камень: под ним между кусками скал оказалась небольшая пустота, наполненная рыбой. На путешественников дохнуло холодом; к общему удивлению, не только боковые поверхности камней, образовывавших пещерку, но и низ закрывавшего ее камня оказались обросшими ледяными сосульками. По берегу шел целый ряд таких же пустот.

Татары что-то говорили, улыбались и кивали головами, видимо, радуясь, что их поняли и довольные впечатлением, произведенным их природными погребками на приезжих.

— Удивительно! — воскликнул наконец Иван Яковлевич, с любопытством рассматривавший пустоты. — Но какая же причина такой низкой температуры в этих норах?

Ответа ему не было; тот, кто мог бы ответить — Павел Андреевич — увлекся разглядываньем каких-то камней и, забыв о пустотах со льдом, остался далеко позади компании.

Все вернулись к плоту. Михаил Степанович щедро уплатил за рыб, оставшихся во владении Антона, и татары удалились с низкими поклонами.

На берегу запылал костер. Проголодавшиеся путешественники уселись отдыхать на песке и поглядывали на котел, в котором уже начинала закипать ароматная уха.

Безоблачное небо, между тем, понемногу хмурилось; Енисей почернел и притих, как бы притаился и напряженно выжидал чего-то; ласковые всплески о берег умолкли.

— А ведь быть дождю... — заметил Свирид Онуфриевич.

Проводник давно уже озабоченно посматривал на восток, откуда, словно черное крыло огромной зловещей птицы, выставилась черно-синяя туча.

— Буря идет, — сказал татарин. — Ай, большой волна будет.

Словно капли расплавленного серебра мелькнули в воздухе и тяжело врезались в песок.

Ученые повскакали с мест.

— Дождь! — воскликнул Михаил Степанович. — Господа, на плот скорее!

Не успел он договорить, как хлынул ливень, прямые полосы дождя с силой захлестали кругом; поверхность реки вспенилась и засинела. Медлить нельзя было ни секунды. Михаил Степанович первый бросился в воду и, то проваливаясь по колени, то попадая на более мелкие места, добрался до плота и вбежал под спасительный навес шалаша. Разбрасывая воду как слон, пустился бежать Павел Андреевич; впереди его прыгал Свирид Онуфриевич. Старый ученый, приготовившийся бежать за другими в воду, вдруг почувствовал, что чьи-то руки обхватили его сзади поперек тела и подняли на воз- дух.

— Что, что такое? — забормотал он, силясь вырваться и болтая руками и ногами.

— Нельзя-с... Ножки промочите! — произнес Антон, не выпуская барина, и, шатаясь под тяжестью ноши, добрел с ним, как с ребенком, по колени в воде.

— Эх, уха-то наша пропала, — с сожалением заметил Василий, влетев с татаринном в задний шалаш и похло-

пывая себя по прилипшей к плечам рубаше. — И дождь же Господь послал!

Татарин схватил широкий отрезок доски, намереваясь закрыть им котел, и бросился обратно.

— Легче! — произнес снаружи ленивый голос человека Свирида Онуфриевича. — С виселицы сорвался, что ли?

У входа появилась фигура промокшего до нитки хохла; в руках у него находился котел с ухой. Дальше виделся Антон, походивший больше на вешалку, на которой повесили платье с утопленника.

— Ай да обжора наш! — воскликнул, всплеснув руками, Василий. — Молодчина! Да ведь горячий он, руки сжег небось?

— А камни на що? — невозмутимо сказал хохол, поставив котел на стол и разжимая обе ладони: в них оказались два порядочных камня, которыми сметливый Филипп сжал стенки котла. — Голова! — добавил он затем, хлопнув с самодовольным видом себя по лбу.

Василий принялся за приготовления к обеду для господ. Антон, ворча что-то, отыскал платье Ивана Яковлевича и понес его в господский шалаш. Филипп, не заботясь о барине, вытащил из кармана огромную деревянную ложку и, постукивая ею по столу, с оживившимися глазами, нетерпеливо ждал минуты, когда можно будет приняться за истребление остатков ухи и рыбы.

В переднем шалаше смеялись и разговаривали. Больше всех от дождя пострадал Иван Яковлевич, слишком медленно совершивший переход к плоту. Вода с него лила ручьями.

— Но зато я с сухими ногами, господа! — улыбаясь, воскликнул он. — Удивительный мудрец у меня Антон! И вообще, что дело сделал!

Все принялись переодеваться и, разруганные, оживленные, как после хорошего душа, уселись за стол.

Обед не замедлил появиться. Василий и Антон спустили циновку, закрывавшую вход, и зажгли лампу. Стало темно и даже уютно.

Путешественники с аппетитом набросились на уху.

— Дождь-то, кажется, перестал, — сказал Свирид Онуфриевич, заметив, что частая дробь, выбивавшаяся без умолку на крыше шалаша, вдруг прекратилась.

Василий выглянул наружу.

— Темень! — заявил он. — Гроза во всей форме будет!

Как бы подтверждая слова его, издалека донесся глухой гул. Через несколько секунд он повторился ближе и явственней; грянул первый, тяжкий удар грома. В узком отверстии между циновкой и стенками шалаша блеснул ярко-синий свет молнии. Плот слегка покачнулся.

— Енисей пробудился, — сказал Михаил Степанович.

— Не снесло бы нас? — с некоторой тревогой заметил палеонтолог. — Шутки плохие выйдут...

Василий побежал звать татарина и Филиппа, чтоб надежнее укрепить плот причалами. Обед кончился под злое высвистывание ветра и раскаты грома.

— Дай-ка, милый человек, сюда вон ту связочку из угла! — сказал Павел Андреевич Антону, убиравшему тарелки.

Антон подошел к темному углу, где на ворохе сена, служившем постелью палеонтологу, белела какая-то грудa.

— Эта, сударь? — спросил старик, подымая связку, и вдруг брякнул ее на пол.

— Господи Иисусе, что такое? — пробормотал он в испуге, делая крестное знаменье. — Головы человечьи?

Ученые, улыбаясь, глядели на него.

— Они самые, — подтвердил Павел Андреевич. — Тащи их сюда!

Антон безгласно взялся за кончик ремня и осторожно, чтоб не прикоснуться к костям, подал их Павлу Андреевичу.

— Страшно? — поддразнил тот. — Укусят, а?

Губы Антона передернулись.

— Зубами не укусят-с, — медленно ответил он, — а худо какое ни на есть выйдет, помяните мое слово! Нехорошее это дело-с, сударь, мертвых тревожить...

И, собрав посуду, Антон удалился со злое-сердитым видом.

VII.

Путешественники улеглись на покой, но, убаюканные качкой, скоро уснули только двое: старый ученый да Михаил Степанович.

Ночь выдалась грозовая. Палеонтолог долго ворочался с боку на бок, раскрывая при каждом ударе грома глаза и вперяя их во тьму перед собой, то и дело сменявшуюся мертвенно-синим светом. Свирид Онуфриевич закрылся с головою буркой, чтоб не так явственно слышен был гром, и тоже не спал до полуночи.

Не смыкали глаз и в заднем шалаше: там изредка слышались пониженные голоса Антона, Филиппа и татарина. Василий безмолвствовал, и, когда вспыхивал свет, видно было, что он лежал на боку, опершись головой на руку, и не то слушал раскаты грома, не то думал какую-то думу.

— Ай, нехороший ночь! — пробормотал татарин, когда особенно сильно качнуло плот и все связи подались и за скрипели. Большая волна обрушилась на него сбоку, вода добежала до самого шалаша и, шипя, змеями всползла на стенку.

Буря выла неистовыми голосами. И слева и справа — везде в воздухе, свистя громадными крыльями, казалось, носились тысячи неведомых чудовищ, сталкивались между собой и с клетотом и дикими криками падали на плот, взмывали и уносились дальше.

Антон вздрагивал и часто крестился.

— Слышишь?.. — прошептал татарин, придвинувшись совсем близко к нему.

— Что?

— Кричат... Зачем твой барин встревожил их?! Ай, нехорошо!

— Кого? Кого потревожил? — недовольно спросил старик.

— Мертвых. Зачем твой старик такой старый и такой глупый? Головы унес у них. Души плачут... Грех большой!..

— Мели больше! — сурово, но вместе с тем с некоторым страхом ответил задетый за живое Антон. Порицать своего барина он не позволял никому и считал это только своим правом и обязанностью. Неизвестно, какое поучение произнес бы он татарину, но в ту минуту ухо его явственно различило раздавшийся где-то над серединой реки жалобный плач. По спине его пробежали мурашки.

— Дурак ты! Балда некрещеная! — захлебнувшимся голосом произнес Антон, трижды осеняя себя крестным знамением. — Чего накликаешь? Время, что ль, ночью говорить о таком деле?!

Татарин замолк. Все напряженно прислушивались к вою и реву за тонкими стенами их ненадежного убежища.

— Отдать надо голова, Антон! — с глубоким убеждением опять начал шептать татарин. — У мертвого голова взять? Может он какой ба-альшой человек, сам исправник был? А Бог его на суд позовет, как ему быть, где тогда скоро голова сыскать? Утопят они нас, увидишь сама!

— Нишкни, говорю! — пробормотал Антон, но горячая речь татарина, совпадавшая с собственными его взглядами, проникла в сердце его.

Свет молнии озарил внутренность шалаша и широкое лицо проводника, открывшего рот, чтобы сказать еще что-то. Но слова застряли в горле его.

Весь мир, казалось, крикнул в ужасе от громового залпа, яростно грянувшего над их головами. И что-то тяжелое рухнуло будто бы с неба грудью на их шалаш и с визгом и исступлением стало рвать в разметывать на клочки покрывку с него.

Все вскочили как один человек.

— Свят, свят, свят! — громко заговорил Антон, дрожа, крестясь и крестя все уголки шалаша. — О Господи, Господи!

Татарин метнулся к двери, присел на корточки у щели и начал кричать в нее. Затем отошел и наткнулся на Антона.

— Что ты кричал? — с суеверным страхом спросил старик. — Да не колдун ли уж ты, Господи Иисусе, помилуй нас!

— Ничего не колдун! Голова их обещал им отдать, вот что говорил. И ты скажи — я и за тебя говорил! Двоим поверят скорей.

Антон не ответил: он был убежден, что отделаться от зловещих черепов необходимо, но вместе с тем в нем вдруг проснулся верный страж малейшей собственности его господина.

Татарин понял старого слугу.

— Ничего, — зашептал он, как бы утешая того и боязливо оглядываясь. — Ты только теперь обещай, потом мало-мало надуть можно!..

— Что ж... — нерешительно произнес вполголоса Антон. — Конечно, отдадим...

Он хотел добавить «такую-то мерзость», но удержался; затем постоял еще несколько секунд, прислушиваясь, и улегся на солому.

Полегли и остальные.

Буря между тем, словно действительно вняв обещаниям их, стала успокаиваться. Молнии ослабли; только через долгие промежутки словно далекий свет зарницы бледно озарял все внутри шалашей. Грозовые раскаты уходили дальше и дальше, и скоро стало казаться, что это не гром, а где-то далеко на мосту, нет-нет, и погромыхивают телеги.

На зорьке Антон проснулся. Трое спутников его дружно храпели на все лады в душной мгле. Антон покашлял старческим кашлем и только что хотел зевнуть и потянуться, как вспомнил минувшую ночь, торопливо надел сапоги и поднялся со своего ложа.

Свежее утро дохнуло в отворенную рукою Антона дверь шалаша.

Широкий Енисей дымился, как добрый конь, проскакавший всю ночь; не видно было, но чувствовалось, что беспредельная равнина его мощно неслась вперед и что нет в мире силы, могущей удержать ее.

Окрестные горы уже видели солнце: скаты на вершинах их казались сказочными замками из пурпура, гордо ушедшими в бледное небо от темной земли и мрачных лесов. окутывавших подножия их.

Но Антон не умел ценить красоты природы и не понимал ее. Свою «горенку» на углу Гороховой с одним окном, выходявшим на задний двор и открывавшим вид на стену из красного кирпича соседнего дома, он считал лучшим и живописнейшим видом на свете.

С необычным растерянно озабоченным лицом он как бы прокрался к переднему шалашу и, положив руки на дверцу, остановился и стал слушать.

Господа спали. Ухо Антона сразу распознало сладкое посасывание и почмокивание губами грозного Павла Андреевича. Постороннему человеку показалось бы, будто за стеной едят и аппетитно смакуют что-то. Дальше за ним, совсем по-лошадиному, густо всхрапывал Свирид Онуфриевич. «Барина» и Михаила Степановича слышно не было; изредка можно было уловить нечто, похожее на тонкий, тонкий и притом отдаленный свист: это знаменовало для Антона, что Иван Яковлевич спит крепким и сладким сном. В минуты гнева Антон из-за этого посвистывания называл его даже — разумеется, только про себя — сусликом.

Потеряв надежду узнать, спит или нет молодой этнолог, Антон приотворил дверь, согнулся и вошел в шалаш.

Сон был всеобщий. Только собака зашевелилась и постучала в знак приязни хвостом по сему. Осторожно, чтоб не зашуметь и не наступить на чью-либо ногу или руку, Антон ощупью отыскал связку с костями и, удерживая дыханье, поднял ее и вынес наружу.

Не прошло и минуты, как старик с совсем не свойственным ему проворством уже шагнул на плохо сгибающихся ногах по береговому песку и скрылся за ближайшей скалой. Вернулся он часа через полтора с пустыми руками; на плоту никого видно не было.

Антон послушал опять у господского помещения.

На лице старика написано было спокойствие и полное удовлетворение. Ему даже дышалось легче. Он открыл опять дверь и, войдя, начал собирать для чистки платье и сапоги, уже гораздо менее заботясь о сне господ.

Свалив платье грудой на лавку у стола и покидав около нее сапоги, старик оглянулся и увидел, что татарин уже

проснулся и, щурясь от света, стоит на краю плота.

— А-а! протянул он. — Здоров бул! Как встал рано. А куда ходил? — вдруг добавил он, заметив свежие мокрые пятна и песок на сапогах Антона.

— Никуда! — отрезал старик, терпеть не могший вопросов и залезаний в его дела. — Буди лучше сонь наших, — ишь, храпят, как коровы в хлеву!

— Ночь плохо ведь спал? — сказал, широко улыбаясь, смешливый проводник, поглядывая на запачканные в земле руки, которые Антон еще не успел вымыть. — Сердитый вода был! Может, теперь такой больше не будет? — загадочно добавил он и ушел будить товарищей.

Немного погодя на плоту начались обычные утренние работы, а затем и он всколыхнулся и поплыл, управляемый татаринном, вниз по течению.

VIII.

— Скоро будем в Красноярске, господа, — заявил Михаил Степанович остальным путешественникам за утренним чаем, — всего каких-нибудь двести верст до него.

— Двести? — с набитым ртом переспросил Свирид Онуфриевич, держа в одной руке огромный ломоть хлеба с маслом, а в другой — белую кружку, вмещавшую стаканов пять чая. — Это сколько же дней в вашем «скоро» выйдет?

— Самое большее — два, — ответил Михаил Степанович. — Скорость Енисея от десяти до двадцати верст в час: быстрее курьерской тройки! Не понимаю, зачем люди по разным Швейцариям ездят! — восторженно воскликнул он. — Смотрите, где вы найдете такую красоту?

Как бы повинувшись движению руки молодого этнолога, все повернули головы.

Было на что любоваться. Величайшая русская река сузилась приблизительно до одной версты в ширину; казалось, она насторожилась и всю необъятную буро-синюю массу вод своих с безудержной мощью ринула на вдруг ярко

обрисовавшегося впереди врага — громадный кровавый отвес левого берега.

— Мы разобьемся! — в испуге проговорил Иван Яковлевич, приподымаясь с лавки. — Нас несет на гору!

Вскочил и Свирид Онуфриевич.

— Ничего не случится, — успокоительно сказал Михаил Степанович, — сейчас поворот, и нас промчит мимо. Но смотрите, смотрите, как хорошо!

Плот с головокружительной быстротой мелькнул под чудовищной стеной обрыва и впереди, как бы за синей вуалью, разом открылась гористая даль. Справа и слева без конца вставали зубцы и острия красных скал. Между ними, заполняя все, зеленели бесконечные хвойные леса.

— Тайга! — заявил Михаил Степанович. — Вот где поэзия и красота!

Лицо его раскраснелось; он весь стал восторженностью и радостью.

— Действительно, недурно, — проговорил спокойно сидевший все время Павел Андреевич. — Но черт его побери, этот поворот, — так и казалось, что сейчас разможит тебя о скалы! Кстати, это все красный известняк, кажется?

— Известняк и гранит, — ответил Михаил Степанович. — А сколько здесь лосей, медведей, лисиц, Свирид Онуфриевич!

Охотник закрутил длинные усы и загоревшимися глазами внимательно стал глядеть на берег, забыв про чай.

— Здесь «писанцы» есть! — сказал Василий, ставивший в эту минуту новый жестяной чайник с водой взамен опустошенного учеными. — Татарин нам сейчас сказывал.

— Какие писанцы? — спросил, насторожившись, Иван Яковлевич.

— Люди будто какие-то нарисованы, красками-с. А кем — неизвестно!

Иван Яковлевич встал с места.

— Михаил Степанович, — обратился он к молодому этнологу, — надо разузнать, в чем дело. Пойдемте к проводнику... надо остановиться!

Оба поспешили к рулю, у которого виднелась фигура татарина. После недолгого разговора их плот стал сворачивать к берегу.

Свирид Онуфриевич впал в восторг.

— Кузька, иси! — во все горло рявкнул он, не видя, что пес лежит рядом с ним.

Кузька выскочил из-под стола как ошпаренный и заколотил хвостом по бокам.

— На охоту! — кричал Свирид Онуфриевич, теребя пса за морду. — Марш, пляши, такой, сякой, растаковский!

Гоц, мои гречаники!

Гоц, мои милы!

Свирид Онуфриевич защелкал пальцами, замотал головой и затопал ногами. Кузька поднялся на задние лапы и с лаем принялся подсакивать перед своим барином. Концерտ получился неистовый.

Павел Андреевич смотрел, смотрел на них, наконец приснул со смеха и облился чаем.

— Эка телячий восторг обуял их! — проговорил он, вытирая грудь и живот. — С ума оба сошли!..

Свирид Онуфриевич махнул рукой и убежал в шалаш за ружьем.

Через минуту он и Кузька стояли уже на самом краю плота и, только что последний коснулся берега, оба выскочили на камни. Еще несколько минут, и они оказались уже на высоком утесе.

Свирид Онуфриевич сорвал с головы шапку, помахал ею в знак прощального приветия еще только что собиравшимся сходить с плота товарищам и пропал в темной тайге.

Иван Яковлевич, нервно потирая руки, выступил в путь в сопровождении татарина и обоих ученых.

Путь был недалний: скоро из-за лесистых круч, словно железный нож, выставилась острая вершина совершенно обнаженной серой скалы.

Проводник указал на нее пальцем.

— Писанец, — заявил он. — Ба-альшой человек писал!

— Что же, там пещеры, кости какие-нибудь есть? — спросил Павел Андреевич, стараясь не отставать от ускоривших ход товарищей, что при его толщине давалось ему нелегко.

Татарин мотнул головой.

— Кости нет, пещера нет, одна писанец!

Он вступил в какую-то щель между двумя громадными камнями; за ним пробрались Михаил Степанович и старый ученый. Павел Андреевич протиснулся последним.

Перед ними, как бы поставленная на широком и ровном песчаном блюде, высилась одинокая гранитная скала. Горы отступили полукругом, образовав амфитеатр позади нее. На гладкой, как бы шлифованной поверхности скалы виднелись очертания каких-то красных фигур.

Иван Яковлевич с торжественным видом, намеренно не торопясь, что он всегда делал в важных случаях, стал надевать вторую пару очков и вынул бинокль; Михаил Степанович быстро пошел ближе к скале; Павел Андреевич сел на песок и принялся вытирать платком пот, градом катившийся по лицу и шее его.

Иван Яковлевич долго рассматривал изображения.

— Это не иероглифы, — сказал наконец он, отняв бинокль от лица. — Просто какие-то фигуры и... и даже не древние, — несколько разочарованным тоном добавил ученый.

— То есть, что вы называете «не древними»? — спросил Павел Андреевич, равнодушно поглядывая на скалу.

— Так, века XII-XIII, — ответил Иван Яковлевич. — И опять-таки сделаны они монголами: обратите внимание на фигуры этих людей — чистейшие татары!..

— Гм... — промычал, поднимаясь, Павел Андреевич. — Татары... Просто уроды какие-то намалеваны. Однако пойти посмотреть, нет ли чего интересного около скалы, — и он зашагал по глубоко оседавшему под тяжелыми ступнями его песку.

— Ничего нет! — прокричал, показываясь из-за угла скалы, Михаил Степанович, успевший уже обойти кругом нея. — Ни надписей, ни ходов...

— А кости? — спросил, остановившись на полдороге, Павел Андреевич.

— Есть! — крикнул опять этнолог.

— Ну? какие? — радостно отозвался Павел Андреевич.

— Чьи?

— Вороньи!

Из-за края скалы взлетели на воздух полусъеденные кем-то останки огромной вороны и рухнули на песок невдалеке от палеонтолога. Павел Андреевич плюнул так, что отозвалось и тоже плюнуло где-то в горах эхо.

— Чтоб вам пусто было! — крикнул он. — Я-то было обрадовался!

Разочарованные ученые пошли обратно и несколько раз в продолжение пути слышали отдаленные выстрелы Свирида Онуфриевича.

— Он, видно, удачливей нас! — заметил Павел Андреевич, подымаясь на плот. — Ишь его, как катает!

К общему удивлению, Иван Яковлевич был в духе и не сердился на неудачу и замедление из-за опоздания Свирида Онуфриевича. Обед прошел без охотника. Отдохнув, все опять вышли погулять на берег. Жаркий день угасал и сменялся тихим вечером; синее днем небо как бы раздвинулось, легло как складной фонарь на земле, чуть одев края ее сизым туманом: открылось другое небо — далекое и бледное с одинокой звездой на нем. Черный бархат вод у берегов не зашелохнулся, но спирали и завитки на буротусклой середине реки указывали, что она не стоит, а мчится по-прежнему своим путем, как и весь мир. Скалы, казалось, росли, тянулись в высь и покрывали мир все большей тенью.

Не слышалось ни звука.

Ученые уселись на прибрежных камнях и, словно боясь нарушить очарование наступавшей ночи, молча любовались ею.

Звезды проступали явственней; слабо обозначился Млечный путь.

Павел Андреевич указал на него рукой.

— Предел вселенной, — проговорил он.

— Да, пока... — отозвался, не отрывая глаз от неба, Иван Яковлевич. — Но пройдет столетие, другое, и глаза людей откроют в новые телескопы новые и новые миры... Все узнает наука! «Я — червь, я — Бог!» — с одушевлением продекламировал старый ученый, ударив себя в грудь.

— Уж и «все»? — с оттенком сомнения возразил Павел Андреевич.

— Как бы я хотел жить в то всезнающее время! — вырвалось у Михаила Степановича, лежавшего с задумчивым выражением на лице.

— А я нет! — отрезал Иван Яковлевич.

— Почему?

— Позвольте, да что же бы я тогда делать стал? — разведя руками, воскликнул старый ученый. — Мне нужна работа. И знаете ли что? человечество перестанет существовать, когда будет все окончено им! Положите конец умственной работе, и все застынет, начнет пятиться назад и наконец одичает снова!

— Это верно, — промолвил через некоторое время Павел Андреевич.

Наступило долгое молчание.

— Сколько уже сот тысячелетий глядят на мир эти звезды... — мечтательно проговорил Михаил Степанович. — Если б узнать, что они видели... Вот, хоть бы эта: сколько тысячелетий смотрели и руководились ею люди!..

— Про какую звезду вы говорите? — спросил Иван Яковлевич.

— Вот про эту, про Полярную... — Михаил Степанович указал рукой на маленькую бледную точку, мерцавшую в бездне почти над головами их.

— Ошибаетесь, — возразил старый ученый. — Полярной, т. е. почти неподвижной звездой, в древности считалась другая.

— Разве? — с удивлением спросил молодой этнолог, приподнимаясь с земли. — Я, представьте, этого не знал. Каким же путем это узнали?

— Узнали астрономы, — ответил Иван Яковлевич. — Но позвольте, — вдруг спохватился он, — вам, Павел Андреевич,

может быть, неинтересно будет слушать об египтологии?

— Помилуйте! — поспешно возразил палеонтолог, — сделайте одолжение, расскажите, — я ведь совершеннейший профан в этой области.

Иван Яковлевич потер себе руки, что он всегда делал перед чтением лекции, и начал.

— При исследовании пирамид обратили внимание, что в них оказывается странный, недоступный никому ход из внутренней усыпальницы к небу. Зачем он устраивался — долго оставалось загадкой. Наконец в одном из храмов отыскалась запись о постройке пирамид, и из нее узнали, что ход оставался затем, чтоб гробницы царей вечно, и днем и ночью, озаряла во мраке смерти Полярная звезда. Стали проверять направление ходов, — никакой Полярной звезды уже на гробницы не смотрело. Пирамиды были выстроены так давно, что земля успела уклонить свою ось от прежнего направления, что совершается чрезвычайно медленно... Полюс земли, как известно, описывает круг вроде вертушки волчка, пущенного наклонно на стол, что называется прецессией земной оси. Полный оборот полюс делает в платонический год земли, равный 25.800 наших. И вот тут-то загадку археологии* решила астрономия, — Иван Яковлевич возвысил голос. — Вычислили угол отклонения, и по нему определили время — точный возраст некоторых пирамид... И замечательно: когда впоследствии открыт был знаменитый туринский папирус, давший списки египетских династий строителей тех пирамид и храмов, даты таблиц его совпали с определенными математически. Это мировое торжество, господа!

— Кажется, такой пустяк — какой-то ход в какой-то пирамиде, а повел к каким открытиям! — заметил внимательно слушавший своего бывшего профессора Михаил Степанович.

— В мире нет пустяков, — возразил старый ученый, — все в нем полно великого значения! Однако, что же это

* Археология — наука о древностях.

нашего стрелка до сих пор нет? — добавил он с некоторым беспокойством. — Уж не случилось ли чего с ним?

— Не думаю... — ответил Михаил Степанович, — он опытный охотник.

— А враль еще лучший! — вставил палеонтолог. — Все-таки следовало бы костры разложить, что ли, — видней будет идти ему!

— Ва-си-лий! — крикнул во всю силу груди Михаил Степанович.

«Ва-си-лий!» — отозвалось эхо, и, казалось, тайга проснулась и вдруг насторожилась кругом.

— Иду! — донесся снизу из темноты голос Василия.

— Разложите костры... да поярче! — прокричал этнолог. — Свирида Онуфриевича все нет!

— Сейча-ас!.. — прилетел ответ.

Два ярких огненных столба поднялись вскоре у самой воды к небу; длинные красно-золотистые полосы легли от них, змеясь и блестя, на поверхность реки.

Путешественники спустились на отмель к кострам и принялись за чаепитие. Прошло еще несколько времени, и всем показалось, будто где-то позади со скал осыпались небольшие камни.

— Шаги... слышите? — проговорил Михаил Степанович, ставя на песок свою кружку. — Свирид Онуфриевич! крикнул он, — вы это?

— Я! — отозвался сиплый голос. — Господа, я сделал открытие!

С этими словами из темноты выступила фигура охотника; куртка на нем была изорвана; над коленями просвечивало белье, лицо было красно как вареная свекла.

— Наконец-то вернулись! — с облегчением произнес Иван Яковлевич. — Мы уж полагали, что вы заблудились!..

— Нет, не заблудился, а нашел...

— Что? — насмешливо спросил Павел Андреевич. — Опять пещеру с иероглифами? Дичи-то принесли ли сколько-нибудь?

— Дичи? — Свирид Онуфриевич сдернул с плеча туго набитый ягдташ и бросил его на землю. — Рябчиков сколько

хотите и еще два. Не в них дело. Слушайте внимательно: я видел надписи!

Иван Яковлевич превратился в статую.

— Какие? — недоверчиво спросил Михаил Степанович.
— Может быть, вроде тех, что мы видели, — монгольские?

— Нет же, — нетерпеливо возразил охотник, — говорю вам — настоящие, вот как те, что в Минусинской степи были! Ободрался из-за них, чтоб они сдохли! По кручам к ним лез!

Жар, с каким говорил Свирид Онуфриевич, поминутно с азартом вытиравший платком вспотевшую лысину и лоб, действовал на ученых.

— А далеко они? — спросил Михаил Степанович.

— Не особенно: верстах, должно быть, в пяти будут. Черт, и я то с вами заразился этими надписями. Вот ведь какого тетерева из-за нее упустил! — Свирид Онуфриевич развел руками по крайней мере аршина на два. — За ним бы надо было идти, а тут, как на грех, она, чтоб ей перетрескаться, в глаза кинулась!

— Завтра надо пораньше встать, Михаил Степанович, — сухим деловитым тоном произнес Иван Яковлевич, вставая. — Необходимо исследовать те места. Покойной ночи, господа! — и старый ученый отправился на плот.

Свирид Онуфриевич, несмотря на усталость, остался сидеть с палеонтологом и Михаилом Степановичем; он жадно уплетал все, что приносил из шалаша видимо огорченный его аппетитом Филипп и без умолку рассказывал о приключениях минувшей охоты.

Собеседники его хохотали, не стесняясь, но охотник, не обращая ни на что внимания, с азартом продолжал свои повествования à la барон Мюнхгаузен.

Долго еще освещали костры жестикулировавшего Свирида Онуфриевича и двух приятелей его, и эхо много раз разносило среди ночной тишины взрывы смеха последних.

IX.

Нетерпение разбудило Михаила Степановича; еще до рассвета он торопливо взглянул на часы и, не надев сапог, не умывшись, принялся будить товарищей.

Старый ученый, спавший сладким сном младенца, поднялся сразу. Свирид Онуфриевич долго зевал и потягивался, при чем не раз величал себя свиньей и идиотом за сообщение об этой «проклятой» надписи, из-за которой мешают отоспаться порядочным людям. Добудиться палеонтолога оказалось невозможным. На все оклики Михаила Степановича и встряхивания за плечо он отвечал мычанием, отмахиванием сквозь сон и наконец стал лягаться, что при размерах его ног являлось небезопасным.

Свирид Онуфриевич наконец заинтересовался поединком между Михаилом Степановичем и Павлом Андреевичем и сел.

— Эдакий бегемотище! — говорил он, глядя на похрапывавшего, несмотря ни на что, палеонтолога. — Носорог допотопный, плюсквамперфекта ихтиозаврический!... Спит ведь, а! Да водой его окатите хорошенько! — крикнул наконец он, потеряв терпение, и, вскочив, схватил со стола стакан, зачерпнул воды из кувшина и разом опрокинул его на лицо палеонтолога.

Тот фукнул как морж, завозился и поднялся на своем ложе.

— Что, что такое? — еще в полусне пролепетал он, проводя по лицу руками.

— Да вставайте скорей: уходим все! — крикнул, тормозя его, Свирид Онуфриевич. — Последнее средство должны были употребить, чтоб добудиться вас, невозможный человек!

Кряхтя и ворча, принялся палеонтолог за одевание.

Наскоро подкрепившись холодной закуской и захватив в карманы по паре бутербродов, ученые двинулись в поход.

Енисей еще весь скрывался в белесоватой полосе тумана. Закрытый скалами влажно-холодный берег спал, и толь-

ко середина неба видела солнце и розовела, ясная как улыбка. Подъем на скалы был утомительный; скоро поеживавшимся сначала от холода путникам стало жарко.

Свирид Онуфриевич бодро шел впереди, предшествуемый собакой. Но напрасно несколько раз верный своему долгу Кузька делал стойки над дичью: охотник схватывался, правда, за ружье, но затем проходил мимо.

— Кузька, иси! — отвечал он на приглашения пса. — Сегодня, брат, мы науке служим!

— Так он ваш брат?.. — ядовито заметил отдувавшийся от лазанья по камням палеонтолог. — Я и не знал, что вы в таком близком родстве! И почему, скажите пожалуйста, вы с русской собакой всегда по-французски разговариваете?

Свирид Онуфриевич, не отвечая на вылазки палеонтолога, с видом победителя продолжал идти мерным шагом опытного пешехода. Часа через полтора он остановился и театрально вытянул вперед руку.

— Вот! — произнес он. — Получайте и помните обо мне! как говорил король Лир.

— И тут соврал! — пробормотал Павел Андреевич.

Впереди, на груде наваленных в беспорядке камней лежала, подавляя их своей громадностью, чудовищная, странной формы черная глыба: словно невероятных размеров допотопная черепаха залегла наверху и, притаясь, глядела на молча созерцавших ее пигмеев-людей. На одном из боков ее неясно виднелись какие-то полустертые временем знаки.

— Они, они! Те же самые! — крикнул Михаил Степанович, бросаясь бежать вперед.

Взбираться на огромные камни оказалось возможным, только подсаживая друг друга. Поминутно обрываясь, царапая об острые выступы руки, раздирая платье, компания достигла наконец подножия скалы-черепахи и принялась изучать ее.

Громадные знаки когда-то высеченной надписи шли только по двум сторонам глыбы; южная и восточная части камня истрескались и осыпались; с западной стороны выступало несколько остатков от двух сильно изъеденных

временем строк, с северной же знаки сохранились почти полностью.

Иван Яковлевич с карандашом и книжкой в руках несколько раз обошел вокруг загадочного памятника, напряженно вглядываясь в малейшую царапину на нем.

— Начала и конца, кажется, нет... — стараясь сдержать волнение, проговорил наконец он. — Но это нам наш неизвестный оставил ее, несомненно он!

— Вы прочли уже? Что написано? — с жадным вниманием спросил Михаил Степанович, ни на шаг не отстававший от старого ученого.

— Нет-с, еще! — ответил тот, занося в записную книжку надпись. — Погодите-с.

Проверив записанное, Иван Яковлевич отошел к самому обрыву и, усевшись на камне, погрузился в чтение.

Отдохнувший палеонтолог принялся тем временем за поиски пещер и животных остатков. Отверстий между наваленными друг на друга глыбами чернело кругом множество, но сколько ни заглядывал в них Павел Андреевич, — все они не удовлетворяли его.

— Хоть бы что-нибудь на мою долю! — как бы жалуясь, проговорил он, прекратив наконец поиски. — А еще уверяли, что все пещеры в Сибири полны ископаемыми! — с укором обратился он к Михаилу Степановичу.

Иван Яковлевич встал с места, и все поспешили к нему.

— «Рука Аздомайи бледным камнем покрыла Великую Воду и двое... окаменели в ночь... Здесь положили их... путь на солнце...» — выразительно прочел Иван Яковлевич.

— Ура! — в неистовом восторге крикнул Михаил Степанович, высоко подбросив вверх свою фуражку. — Мы на следу! Честь и слава вам! — добавил он, бросаясь к охотнику и обнимая его. — Молодец, Свирид Онуфриевич!

— Да... — проговорил со счастливой улыбкой на лице старый ученый, — это великое открытие и мы им обязаны всецело вам, дорогой коллега!

Он с чувством пожал руку растерявшемуся от таких приветствий охотнику. Круглое лицо последнего покраснелось от удовольствия еще ярче; толстый нос залоснился и стал

совсем фиолетовым. Павел Андреевич послал ему воздушный поцелуй.

— Теперь обсудим надпись, господа! — заговорил Иван Яковлевич. — Великая Вода — несомненно, Енисей.

Михаил Степанович невольно оглянулся назад. Красавица-река виднелась как на ладони. Словно громадная цветная карта с выпуклыми горами и лесами разворачивалась далеко внизу под ногами их; вверх и вниз по ней изгибались широкие синие дуги реки, озаренной солнцем.

— А какая же она в те времена была! — промолвил молодой ученый.

— Именно — Великая Вода, — подтвердил палеонтолог, — и настоящее имя ей — море.

— Бледный камень, конечно — лед, продолжал Иван Яковлевич. — И окаменевшими наш неизвестный называет замерзших людей. Это ясно!

— Но, значит, он не знал раньше льда, если называет его так, как зовут его теперь тропические дикари, в первый раз попадающие в нашу широту! — заметил Михаил Степанович.

— Но ведь он ехал раньше на санях? — вмешался Павел Андреевич.

— Совершенно верно! — подхватил старый ученый. — Но вы упускаете из вида, господа, глубокую древность той эпохи: люди, несомненно, знали хорошо все явления природы, но не выработали еще особых названий им. Все древние языки чрезвычайно бедны и чем старше они, тем беднее.

— Но что же за переворот тогда произошел в здешних краях? Пальмы сменились льдом... На памяти истории таких переворотов тут не было... — сказал Михаил Степанович.

— На памяти истории, но не геологии! — произнес палеонтолог. — Насколько известно, в так называемые ледниковые эпохи и было именно два или три таких перехода от тепла к холоду.

— Вы относите, таким образом, надпись к одной из ледниковых эпох? — спросил Иван Яковлевич.

— Никоим образом, — ответил Павел Андреевич, — так как в те времена человек не мог быть грамотным!

— Почему вы так в этом уверены?

— Да потому, что в эпоху плиоцена, непосредственно предшествовавшую ледниковым, не найдено даже следа человека, и развиваться так быстро он не мог ни в каком случае!

— Это еще не доказательство, — возразил Михаил Степанович. — Следов могли не *найти*, а все-таки они *могут существовать* в толще земли. Разве нет примеров у нас перед глазами, когда по какому-нибудь выкопанному камню мы вдруг узнаем о существовании в древности совершенно неведомого до тех пор народа?

— Браво! — произнес Иван Яковлевич. — Что вы на это скажете, Павел Андреевич?

Палеонтолог пожал плечами.

— Что сказать? Против общих гипотез возражать нельзя!

— А это гипотеза? — старый ученый несколько раз указал пальцем на источенный временем камень. — Сколько эпох мог простоять он здесь?

— Д-да... — протянул палеонтолог, — камень, конечно, остаток первобытной скалы, но надпись! Кто докажет, что она сделана, именно — в ледниковую, что ли, эпоху, а не позже?

— Это должны определить мы, — ответил Иван Яковлевич. — Какому геологическому периоду принадлежит она, я, конечно, не знаю, но что она из древнейших древнейшая — ручаюсь!

— Дайте мне хоть какой-нибудь нанос на ней, все, что хотите, и у нас, быть может, найдется ключ к разгадке! — воскликнул палеонтолог.

— Будем, в таком случае, искать! — с энергией сказал Иван Яковлевич, направляясь к одному из подобий пещер. — Ищите все, господа, и все, что найдете, несите сюда. Кирку бы надо, лопату. Сборный пункт здесь.

Вся компания разбрелась на поиски. Прошло часа два, и внизу, приблизительно у середины горы, раздался крик.

Иван Яковлевич первый услышал его и в испуге, вообразив, что кто-то упал, отскочил от глыбы, от которой он отбивал кремнем подозрительный нарост вроде окаменелого моллюска.

— Михаил Степанович? — крикнул он, бросив камень и озираясь. — Павел Андреевич! кто свалился? — И он бросился к краю обрыва.

Саженьях в тридцати внизу на одном из уступов виднелась спина палеонтолога.

— Сюда! — долетел до Ивана Яковлевича взволнованный зов его. — Скорей ко мне!

Михаил Степанович как серна прыгал уже вниз с камня на камень. За ним торопливо спускался охотник. Иван Яковлевич, предоставленный своим силам, попробовал было сыскать удобное место для спуска, но везде ноги его далеко не доставали до ниже лежавших камней. Старый ученый сунул на грудь драгоценную книжку с записями, застегнулся на все пуговицы и, спустив ноги, с решительным видом заболтал ими в воздухе и покатился вниз на локтях и спине. Со следующего уступа он свалился уже плашмя и энергично продолжал разнообразить дальнейший спуск.

— Что? Находка? — на лету спросил Иван Яковлевич, скатываясь на животе с последних острых камней почти на спины стоявших на четвереньках спутников. Фуражка его осталась где-то в трещине; растрепанные белые волосы развевались, платье было истерзано.

— Да, — отозвался Михаил Степанович, усердно помогая палеонтологу разгребать руками крупнозернистый песок, из которого, выдаваясь фута на два, торчала какая-то бурая палка.

Старый ученый взглянул на нее и, забыв о своих ушибах, мгновенно принялся за ту же работу. Даже Кузька, долго следивший за удивительным для него поведением людей, быстро стал разгребать лапами красный песок, немилосердно швыряя его между задними ногами.

Палка выставлялась все больше и больше; наконец пришлось пустить в дело складные ножи, чтоб высвободить ее из плотно слежавшейся глины, сменившей песок.

— Что за штука? — с недоумением проговорил охотник.
— Да в ней, никак, зубы есть?

Возглас его остался без ответа.

Понемногу стал обрисовываться огромный, но будто птичий череп. Павел Андреевич осторожно вытащил наконец из земли находку. Станный, похожий на цветок ромашки, глаз из костяных пластинок уставился из огромной орбиты на нарушителей его покоя.

— *Ichtyosaurus latifrons* (ихтиозаврус латифронс)! — провозгласил весь красный от работы и волнения палеонтолог, подымая находку. — Широколобый ихтиозавр! — перевел он латинское название.

Все окружили его и стали рассматривать окаменелую кость. Павел Андреевич передал ее на руки Михаилу Степановичу, а сам принялся тщательно исследовать как сам песок, где отыскался череп, так и окрестные камни. Мало-помалу он взобрался опять на вершину горы. Больше всех изумлялся находке Свирид Онуфриевич.

— Нос-то совсем как у бекаса! — восклицал он, ощупывая его со всех сторон. — Только зубатый... И зубищи же: как у собаки!

— Д-да, бекастик, — заметил Михаил Степанович, ставя череп рядом с собой, — добрых шесть футов в одном носу только. Какова же вся-то длина зверя была?

— Футов до сорока! — ответил Иван Яковлевич. — В Англии в национальном музее я видел экземпляр в 22 фута, но эта голова гораздо больше.

— Что же это, птица была, что ли? — спросил Свирид Онуфриевич. — Только зубы откуда у нее тогда?

— Ихтиозавр — пресмыкающееся! Что же касается зубов, то они были в свое время и у всех птиц.

— О, о! — с изумлением воскликнул охотник, ударив ладонью по ляжке себя. — Лихо ж их батьке!

Наконец из-за скал показалась фигура Павла Андреевича. Всегда невозмутимо-насмешливого вида его не было и следа; на покрытом крупными каплями пота лице его играли бледные пятна.

Иван Яковлевич и Михаил Степанович повернулись к

нему с безмолвным вопросом.

— Господа! — отрывисто произнес он, — я всей душой протестую как ученый против этого совершенно невероятного предположения, но, если вы докажете мне одну вещь, должен буду сказать вам, что неизвестный жил даже не в одну из ледниковых эпох, а бесконечно раньше — в юрский период! И знаете, что убедит меня?

— Что, что? Ихтиозавр? — посыпались вопросы.

Палеонтолог отрицательно качнул головой.

— Нет! Если докажете, что часть надписи на скале уничтожена не временем, а *рудистами* — двустворчатыми раковинами мелового периода: тогда будет ясно, что гора эта погружалась в море в следующий период, и раковины осаждались на ней. Рудисты жили там, где было сильное волнение и прибой волн: об этом говорят их чрезвычайной толщины раковины. Черепахообразная скала, очевидно, выдавалась вершиной над водой, так как на верхней части ее нет никаких следов рудистов. Затем море отступило, и раковины стали осыпаться и выветриваться. Северная сторона наиболее подвержена ветрам, и надпись на ней, так необычайно долго сохранявшаяся благодаря осадкам, могла очищаться мало-помалу и теперь яснее, чем на разбитой волнами западной.

— Значит, если на надписи мы найдем следы рудистов, то она может принадлежать юрскому периоду? — спросил Иван Яковлевич.

— Это сумасшествие, но я отвечу да! — сказал палеонтолог.

— Так за работу! — заявил Иван Яковлевич, пожимая руку палеонтолога.

Путешественники с большим трудом принялись опять вскарабкиваться наверх по скалам.

Достигнув заветной площадки, ученые бросились к черепахообразному камню и принялись ощупывать и осматривать каждый вершок его.

Свирид Онуфриевич уселся отдыхать на один из обломков и, дымя трубкой, стал созерцать действия товарищей.

— А ведь, ей Богу, полоумные! — громко проговорил наконец он. — Павел Андреевич, да вы языком-то полижите: коли тут море было, просолился может камень-то этот!

Задиранья охотника остались без ответа; исследователи слишком были погружены в свое дело.

— Нет! — проговорил наконец палеонтолог, выпрямляясь и потирая утомленные долгим разглядываньем глаза свои. — Следов рудистов на камне нет, безусловно!

— А вот же остатки их, — воскликнул Михаил Степанович, подымая с земли куски сломанных раковин. — Здесь их миллионы! Камень осыпан кругом ими.

— Верно-с, — согласился Павел Андреевич, — но эти раковины, как и нос ихтиозавра, целые тысячелетия могли находиться тут и до появления надписи на этой скале. Дайте мне хоть один обломок раковины, прилипший к письмам, и я уверю, что она древнее их!

— Так что же вы полагаете? — спросил старый ученый.

— Только то, что ваш неизвестный жил не в юрский период, но когда именно — ответит будущее!

Х.

Антон застыл в безмолвном ужасе, увидав ободренные донельзя фигуры господ, поздно вечером возвратившихся к месту стоянки плота.

— Господи Иисусе Христе, — проговорил он, крестясь, — да где вы так отделались? С разбойниками, что ли, дрались?

— Не разговаривай, старина, а неси скорей есть! — весело ответил палеонтолог, хлопнув по плечу его.

За спиной ученого, в виде ружья, торчала привязанная голова ихтиозавра.

Все общество двинулось прямо к столу и принялось уничтожать ужин.

— Теперь возникает новый вопрос, господа! — заявил Иван Яковлевич, окончив еду и откладывая в сторону салфетку.

Василий быстро убрал все со стола, и на нем появились две зажженные свечи и большая карта Сибири.

Целый рой разных бабочек забился вокруг стеклянных шаров на свечах. Звездный свод раскидывался над учеными, отражаясь в темной воде вокруг. Енисей, казалось, дышал и, напоминая бессонным о сне, слегка баюкал плот.

— В надписи есть важнейшее указание, именно фраза: «путь на солнце», — продолжал ученый. — Значит ли она, что наш неизвестный сам держал оттуда путь на восток, или же она относилась к чему-то другому, смытому волнами или временем?

— Я полагаю, первое вернее, — ответил палеонтолог.

— Мне кажется тоже, — согласился Михаил Степанович.

— Тогда не следует ли и нам оставить первоначальный план поездки и взять курс на восток и идти по пятам за нашей загадкой? Кто знает, какие открытия сделаем мы по пути? Енисей течет на север.

— Н-да-а... — произнес Павел Андреевич.

Мысль расстаться с шалашом и удобствами плавания на плоту ему не улыбалась.

— Что же, — быстро сказал Михаил Степанович, — за чем дело? Купим в окрестных деревнях лошадей, повозки, и айда дальше!

— Великолечно! — заявил Свирид Онуфриевич. — Признаться, это путешествие на плоту осточертело мне. Точно в клетке сидишь!

— Да, но вы изволили упустить из вида, что здесь не Швейцария с ее благоустроенными дорогами! — несколько ядовито заявил палеонтолог, — а дичайшая глушь. Верься вероятно, что мы не встретим даже намека на дорогу!

Иван Яковлевич вооружился компасом и погрузился в исследование предположенного пути.

— Да, дорог как будто нет, — проговорил он таким равнодушным тоном, словно дело касалось вопросов вроде от-

сутствия журавлей на небе. — Но это неважно! На Енисее и Тунгуске мы, очевидно, уже ничего более открыть не можем, тогда как здесь есть данные за новые находки. Словом, я стою за продолжение путешествия сухим путем.

— Несмотря ни на какие препятствия? — спросил Павел Андреевич.

— Несмотря ни на какие препятствия! — повторил старый ученый.

— Мне кажется, раз мы поехали не для своего удовольствия, а ради дела — вопрос об удобствах не должен смущать нас, — мягко заметил Михаил Степанович.

— Повторяю, лично я рад сухопутному путешествию, — заговорил Свирид Онуфриевич, — поохочусь всласть, по крайней мере! Тем не менее, пускаться наугад в тайгу не советовал бы. Разве проводника отыщем...

— Карта и компас — лучшие проводники, — возразил Иван Яковлевич.

Палеонтолог поглядел на старого ученого и, убедившись, что упрямец скорее отправится один в тайгу, чем откажется от своей затеи, вздохнул как кузнечный мех.

— Пейте мою кровь! — проворчал он полуплутиливо, полусердито, — везите куда хотите!

— Вот это я понимаю! — весело воскликнул Михаил Степанович. — «Все для науки!» — девиз наш. Итак, прощай, Енисей!

— И да здравствует трущоба! Много людей перебивало, я думаю, здесь за сотню тысяч лет, но самые невероятные несомненно мы, господа!

— То есть как это за сотню тысяч лет? — вмешался охотник. — Это что же по-вашему — древность земли, что ли, такая?

Павел Андреевич скосил на него глаза, не поворачивая головы.

— Сто тысяч лет, милостивый государь, в истории земли — только нуль, ни больше, ни меньше!

— Да вы шутите, или смеетесь?

— Нисколько-с. Говорю безусловную истину: над нашей планетой прошло много, много миллионов лет.

— Фу ты, Боже мой! — Свирид Онуфриевич вытаращил в изумлении на палеонтолога глаза. — Неужто миллионы?!

— Я вам назвал наименьшую цифру, — ответил тот.

— Ловко! — недоверчиво заметил охотник. — Сказали бы вы это в мое время у нас в школе — вот бы как бы вам шкуру за эти миллионы вписали, мое почтение!

— Стало быть, решено, господа? — спросил, вставая, Иван Яковлевич. — Мы оставляем плот и едем далее сухим путем?

— Решено, решено! — ответили все.

— Антон! — позвал не терпевший откладываний и проволочек старый ученый. — Укладывайся! — приказал он появившемуся, словно привидение из темноты, слуге. — Завтра мы выезжаем отсюда уже на лошадях.

— На лошадях? — переспросил Антон. — Откуда же это они возьмутся?

— Будут! — прервал его Иван Яковлевич. — Об этом позаботится проводник, а твое дело приготовить все остальное.

— Проводник? — протянул Антон. — Проводник говорит такое, что волосы дыбом станут: хуже мест нет, чем здесь! Горы, леса да волки в них с медведями, а больше ничего и нет. Рекой-то спокойнее бы уж плыть... Вправду, что ль, бросить хотите плот? — угрюмо обратился он к остальным, увидав, что Иван Яковлевич, не слушая его, вошел в шалаш.

— Да, старина, так приходится! — ответил Михаил Степанович.

Антон молча удалился в задний шалаш и, сняв с себя неизменный сюртук, улегся на постель; но уединенный покой его скоро был нарушен Василием.

— Антон Антипыч! — заявил он, вбегая в шалаш. — Господа требуют.

— Это зачем? — не шевелясь, сурово спросил старик.

— Да черепа там искали, нет их нигде! Вы, сказывают, убирали вчера?

Антон, не отвечая ни слова, поднялся, медленно надел сюртук и отправился к господам.

— Я здесь-с... — заявил он, подойдя неслышной поступью и постояв несколько секунд за спиной Михаила Степановича.

Тот вздрогнул от неожиданности и оглянулся.

— Фу ты, вот напугал! — произнес он. — Павел Андреевич черепа не может найти: где они?

Губы старика шевельнулись, но он молчал.

— Принеси-ка их сюда, Антон! — добавил палеонтолог, усердно копаясь в груде древних предметов первой находки.

Антон не двигался.

— Что же ты? — спросил Михаил Степанович. — Что ты сказать хочешь?

— Принести их нельзя-с... — выговорил старик.

— Почему?

— Так что их нет!

Павел Андреевич повернулся так, что хряснула скамья под ним, и в свою очередь уставился на Антона.

— Как нет? где же они? — продолжал допрос удивленный Михаил Степанович.

— Я в ответе-с... — глухо ответил старик. — Только больше терпеть из-за них сил не было. Земле я их предал-с!

— Что? Что он говорит? — переспросил палеонтолог, не веря ушам своим.

— Похоронил я их! — повторил старик.

Михаил Степанович развел руками.

— Что он — дурак от рождения или сейчас с ума сошел? с возрастающим гневом спросил Павел Андреевич, подымаясь со скамьи.

Свирид Онуфриевич покатился со смеха, и смех его далеко проник в темноту ночи.

— Нет-с, я с ума не сходил! — возразил задетый за живое Антон. — Вам неизвестно, конечно, как вы неверующий, а нам видения были! Буря опять! Потопли бы все до единого с ними, вот что! Я старый человек, мне пора помирать, а здесь барин мой-с! Они еще человек молодой, о них бы подумали! Как вам угодно-с, а уж такого дела на своих

глазах допустить не могу-с! А что не спросимшись сделал, это виноват, точно-с, казните меня...

Палеонтолог слушал горячую речь старика с раскрытым ртом и разведенными руками, готовый разразиться громом и молнией, но вдруг улыбнулся.

— Боже мой, как он глуп! — проговорил он, обращаясь к припавшему на стол от смеха Михаилу Степановичу. — Как он сверхъестественно глуп! На него даже сердиться нельзя!

Антон выслушивал все с покорным видом.

— Простите уж его, Павел Андреевич! — несколько овладев собой, примиряюще заговорил Михаил Степанович. — К счастью, и черепа-то не особенно важные, не древние...

— Но позвольте, ведь эдак он у нас все хоронить начнет, что мы ни добудем, — тогда что?

— Нет, уж он этого больше не сделает! Да, старина? Ну, иди себе с Богом!

— Стой, Расскажи, Расскажи, как ты погребал-то их! — крикнул весь багровый от смеха Свирид Онуфриевич.

Антон покосился на него, повернулся и скрылся в темноте, проворчав что-то.

— Лучше всего, что он Ивана Яковлевича молодым человеком считает, — сказал по уходе его, видимо, все еще не придя в себя, Павел Андреевич. — Ведь эдакая несуразная старая калоша!

С этими словами палеонтолог бережно собрал свои драгоценности со стола и унес их спрятать как можно дальше в шалаш. За ним, все еще хохоча и шутя, последовали Свирид Онуфриевич и Михаил Степанович.

Огни на плоту потухли; все погрузилось в глубокий сон.

XI.

Было уже под вечер, когда на другой день вернулись верхами, ведя лошадей, проводник и Василий. Повозок с ними не было.

Нетерпеливо ожидавшие возвращения посланных, путешественники окружили их, и рассказы усталого Василия несколько обескуражили всех, кроме сохранившего невозмутимо решительное состояние духа Ивана Яковлевича. Оказалось, что, как и говорил татарин, на много верст кругом деревень не было и, если б не случайно повстречавшийся табун, им пришлось бы вернуться даже без лошадей.

Низкорослые косматые коньки с длинными хвостами и гривами косили глазами и казались совсем дикими.

— Однако! — произнес Павел Андреевич, пощипывая бородку и поглядывая на животных. — Это звери какие-то, а не лошади! Да они объезжены ли?

— У! — возразил татарин, улыбаясь во весь рот, — я на всех ехал! Хороший конь, такой хороший: шагом не идут, все время скачут, — только держи!!

Павел Андреевич выразительно крикнул и посмотрел на старого ученого.

— Как, Иван Яковлевич? — спросил он, — ездили вы когда-нибудь верхом?

— Я? нет! — откровенно сознался тот.

— Я тоже...

— Как-нибудь поедem! — спокойно заявил Иван Яковлевич. — Выучимся!

Павел Андреевич скосил в сторону губы и ничего не ответил.

Лошадей приведено было десять, причем седел, вернее голых седельных остовов, было всего пять.

Татарин с Василием спутали лошадей и, пустив их пастись, перекусили кое-чего и тотчас же принялись мастерить седла, прикрепляя к остовам подушки и покрывая их кусками разрезанного ковра. Вместо стремян привязывали веревки.

Отъезд за поздним временем был отложен до следующего дня, и все в последний раз уснули на плоту под баюкающие всплески волн великой реки.

Взошедшее солнце отыскивало путешественников уже верстах в пяти от берега, в узкой и глубокой ложине, поросшей лесом. Ночь еще как будто висела в ней. Высокая тра-

ва казалась сизой от сильной росы. Невыспавшиеся путешественники, с измятыми от сна лицами, поеживались от холода и с удовольствием почувствовали наконец на спинах своих живительное тепло.

Растянувшаяся гусем кавалькада представляла собой далеко не обыденное зрелище. Впереди, сдерживая опытной рукой бойкого конька, ехал без седла проводник-татарин; за ним следовали Михаил Степанович и Свирид Онуфриевич, над плечом которого торчало дуло ружья. Сейчас же за ними, вытянув впереди ноги и руки и крепко держа повод, ехал Иван Яковлевич; брови его были нахмурены, губы сжаты; на румянном лице лежало какое-то детски-наивное, как бы извиняющееся выражение. Несколько далее в виде колосса Родосского возвышался на коренастом коньке Павел Андреевич. Ноги его доставали почти до земли; он весь колыбался в такт ходу лошади и, придерживаясь одной рукой за холку, опасливо поглядывал на уши конька, служащие хорошим показателем настроения у этих животных. Позади него ехали Василий и Филипп, ведя в поводу двух коней с вьюками по бокам. Караван замыкал Антон, нагруженный подушками и всякого рода барским добром.

Узкая тропка, по которой ехали путешественники, становилась все незаметнее, гложла и наконец исчезла окончательно. Перед остановившимися всадниками встала темной стеной густая тайга; слева и справа подымались кручи гор. Из-за высоких мохнатых елей, пихт и лиственниц представляли свои густые вершины цари сибирских лесов — красноствольные кедры; чуть слышный звон, словно далекая, далекая молвь, сливался с тишиной тайги.

— Куда ехать? — проговорил татарин, заставляя сделать поворот конька своего. — Мой говорил — дорога нет никакой; сама теперь видишь — нет! тайга, гора кругом!

— Надо, брат, без дороги ехать, ничего не поделаешь! — ответил Михаил Степанович и, вынув из кармана компас и карту, на которой красной чертой обозначена была на совещании Иваном Яковлевичем дорога, определил направле-

ние. — Вот куда, — заявил он, рубнув ребром ладони воздух по направлению к тайге.

Татарин, с явным недоумением на лице, тронул каблуками остроносых сапог бока лошади.

Отряд вступил в вековой бор; торжественная тишина и сырость охватили со всех сторон. Никто не проронил ни слова; все, кроме Михаила Степановича и татарина, в первый раз еще углублялись в неведомый, извечный лес; мощь и величие его действовали подавляюще.

Ехать с каждым шагом вперед становилось все затруднительнее; гигантские, не в обхват и пяти человекам, стволы деревьев поминутно преграждали дорогу и приходилось делать зигзаги и объезжать их; лошади одна за другой проваливались по брюхо в ямы, покрытые сверху буреломом; густые, колючие шатры елей не щадили боков и лиц всадников. Больше всех доставалось Павлу Андреевичу, не решавшемуся отпустить гриву лошади и хоть раз защитить лицо руками. Предвидя особенно хлесткий удар какой-нибудь злокозненной ветки, он крепко зажмурился и только покряхтывал, получив его. Порядочно доставалось и остальным.

Перед полуднем отряд выбрался на небольшую поляну с ручьем, и решено было сделать привал.

Павел Андреевич с трудом слез с зашатавшейся лошади и, передав повод татарину, направился, широко расставляя ноги, к Михаилу Степановичу. Тот хлопотал над устройством завтрака.

Свирид Онуфриевич, дымя трубкой и посмеиваясь, глядел на приближавшаяся палеонтолога.

— Что это вы, батенька, ножками-то как циркулем двигаете? — заметил он.

Павел Андреевич уселся на траву возле разостланной на ней салфетки, и вытащив из своей сумки ножик и вилку, приготовился к уничтожению предстоявшего завтрака.

— Оттого, маменька, ответил он, — что земля наша велика и обильна, а благоустройства в ней нет, — устал!

На тарелках появились жаренные тетерьки — плод охоты Свирида Онуфриевича, хлеб и две коробки с консерва-

ми, которыми запасся в Москве предусмотрительный Михаил Степанович.

Путешественники разместились, кто поджав под себя ноги, кто на коленях, и приступили к закуске.

Слуги расположились поодаль.

Только что охотник успел отправить в рот изрядный кусок хлеба с маринованной рыбой, как Кузька, не сводивший с него глаз, вдруг понюхал воздух и, слабо визгнув, так прижался к хозяину, что чуть не опрокинул его.

— Тубо! — грозно крикнул Свирид Онуфриевич. — С ума ты сошел?... Что бы это могло быть? — прибавил он, слышав тревогу среди привязанных лошадей и оборачиваясь.

Кони, натянув поводья, сбились в тесную кучу и, храпя, с силой брыкали воздух; между тем, ничего видно не было.

Татарин бросился к ним, вскочил и побежал к Василию.

— Что за притча? — проговорил, подымаясь и хватая ружье, охотник.

— Медведь гулял! — как бы отвечая ему, долетел из зарослей подавленный возглас татарина. — Ходи скорей сюда!

Свирид Онуфриевич кинулся на зов, на бегу перезаряжая двустволку патронами с пулями; Михаил Степанович выхватил из кармана револьвер и пустился догонять его. Антон и Филипп поспешили к бившимся лошадям.

На поляне остались только Иван Яковлевич и Павел Андреевич.

— Не пойти ли и нам помочь? — сказал встревоженный ученый.

Павел Андреевич дожевывал кусок рыбы, остававшейся с минуту неподвижно во рту у него.

— Как? — спросил он, проглотив рыбу. — Вы умеете стрелять?

— Нет, но...

— Лучше дозавтракаем, — спокойно закончил палеонтолог, — медведя и без нас убьют, — не важная особа, не тигр! Мы только помешаем им.

— Вы думаете, убьют?

— Непременно, — если только он не уйдет, конечно! Сви-

рид Онуфриевич великий мастак в стрельбе. Попробуйте-ка маринад, — прелесть, я вам доложу!

— В первый раз слышу от вас похвалу нашему охотнику, — заметил старый ученый, успокаиваясь и принимаясь за вилку с ножом.

— Милые бранятся, только тешатся, — ответил палеонтолог. — Что с вами, Иван Яковлевич?! — с испугом добавил он, увидав, что лицо старого ученого вдруг вытянулось и побледнело как алебастр; руки Ивана Яковлевича опустились.

— Вам дурно...

Павел Андреевич не договорив, ахнул, отшатнулся насколько мог и уставился влево: почти над самым плечом его выставилась из темно-зеленой каймы еловых ветвей огромная мохнатая голова медведя.

Собеседники оледенели.

Без малейших попыток спастись глядели оба на страшного зверя, сопя поводившего черным носом над Павлом Андреевичем.

Лица обоих ощущали горячее дыхание медведя.

— Я не видел ни леса, ни зверя, ни Ивана Яковлевича, ничего, словом! — рассказывал после палеонтолог. — Кругом вдруг встал зеленоватый туман, и в нем вычеканилось серое пятно и маленькие злые глаза на нем. Чувствовал, что это смерть; жизнь уже порвалась во мне; сейчас, сию секунду должно было начаться безобразное терзание того, что осталось — моего тела. Уверяю вас, тела я уже не чувствовал: я был дух. Каждый испытывал в детстве особо жуткое чувство, когда видел во сне, что падает и несется в бездну. Это чувство — предтеча смерти. Хлороформируемые испытывают то же. Перейдете через него — и вы или очнулись или же нет ничего... темно, конец всему...

Медведь нагнулся и медленно обнюхал лицо и шею палеонтолога, почти лежавшего на земле, затем повернул морду и свиные глазки его устремились на Ивана Яковлевича.

— Тпрусенька, тпрусенька... — осилив немоту, пролепетал тот звуки, какими подманивают коров. — Тпрусенька...

Рука Ивана Яковлевича протянулась с крепко зажатым в ней куском хлеба к морде медведя.

Буро-грязная шерсть на шее зверя встала дыбом. Он зарычал, и одновременно страшный человеческий вопль раздался позади на поляне: Антон, укрепив привязи лошадей, пошел обратно и вдруг, увидав своего барина почти в пасти медведя, закричал и, вне себя от ужаса, безоружный кинулся к нему на выручку.

Медведь быстро оглянулся, поднялся на задние лапы и, не обращая более внимания на сидевших ученых, ожидал подхода нового неприятеля. Антон, без шапки, с развевавшимися седыми волосами, с искаженным лицом, бежал к нему со всех ног. Еще три-четыре шага, и старик очутился бы в объятиях зверя; но Свирид Онуфриевич вовремя поспел на крик: грохнул выстрел, и взмахнул лапами, шагнул вперед, затем осунулся весь и повалился на брюхо; задние лапы его стали судорожно раздирать землю. Пуля угодила ему прямо в голову.

Иван Яковлевич быстро поднялся с места. Антон бросился перед ним на колени и, хватая то за руки, то за ноги его, принялся осыпать их поцелуями.

— Батюшка, миленький ты мой... соколик! — бессвязно лепетал, всхлипывая, старик. — Избавил Бог!

— Полно, полно, дядька!... — стараясь справиться с обуравшим его волнением, проговорил Иван Яковлевич. — Видишь — жив и здоров, и слава Богу!

К месту происшествия сбежались со всех сторон остальные участники экспедиции. Испуг и тревога их тотчас же сменились радостью; на меткого стрелка, осматривавшего рану на звере, посыпались Похвалы.

Иван Яковлевич направился к нему и, обняв, горячо расцеловался с ним.

— Спасибо! — вымолвил он. — Великое русское спасибо! Я у вас в неоплатном долгу. Помните: если хоть чем-нибудь может быть вам полезен старый холостяк — он весь в вашем распоряжении!

Палеонтолог, видимо, еще не вполне пришедший в себя от испытанного потрясения, с чувством пожал руку охотника.

— Помилуйте, что вы, благодарю вас... — отвечал тронутый Свирид Онуфриевич. — Я-то не при чем почти: ружье ведь стреляло !

Он любовно хлопнул ладонью по широкому темному стволу.

— На зверя вы посмотрите лучше! Каков медвежище, а?

Туша медведя действительно казалась горой: ее измерили и нашли, что она более сажени в длину.

Татарин принялся свежевать зверя и сдирать шкуру.

— Здесь в гора много медведь есть, ой много! — весело болтал он, быстро управляясь с делом. — Здесь давно, о-очень давно, люди такой жил — бог у них медведь был! А-я-я-й!!! — Татарин потряс головой. — Никто его не бил. А какой он бог — он баран, а не бог!

Сообщение татарина было далеко не успокоительно; поднялись бесконечные разговоры о медведях и об их проделках, и путешественники не заметили, как поспел обед: чудное, душистое жаркое из медвежьего окорока, испеченное прямо в золе.

XII.

Часов около четырех дня караван тронулся в дальнейший путь. Длина его укоротилась значительно: наученные опытом путешественники держались близко друг от друга; под рукой у каждого приготовлены были револьверы.

Лошади шли беспокойно, так как Свирид Онуфриевич ни за что не хотел бросить шкуру медведя и приторочил ее позади седла.. То и дело то в голове, то в хвосте каравана раздавалось вдруг конское всхрапывание; лошадь испуганно вздергивала вверх морду, шарахалась и давала козла; мгновенно вся вереница лошадей проделывала то же, затем все

успокаивалось и продолжало двигаться дальше.

Ни дороги, ни тропки не было и следа; казалось, нога человеческая не забиралась никогда в полутьму вековых дебрей, куда смело углублялись путешественники. Лес молчал, как молчит всегда тайга; только величавый гул, словно дальний прибой океана, слышали путешественники где-то высоко-высоко над собой.

— Ветер, кажется, порядочный, — заметил, прислушиваясь, Михаил Степанович.

— А внизу ничего, совсем тихо, — отозвался Свирид Онуфриевич.

— Здесь вечная тишь, — сказал Михаил Степанович, — и вечная красота, — добавил он, глядя на ели и пихты, убравшие бархат темно-зеленых платьев своих светлыми, весенними кружевами из молодых побегов.

Охотник воспользовался расширившимся расстоянием между деревьями и поравнялся с Михаилом Степановичем.

— Слушайте, — тихо проговорил он, наклонясь к уху того. — Вы знаете меня, я не трус, но куда мы едем?

— Как куда? — удивился Михаил Степанович. — Вам же известно: к северной части Байкала!

— А сколько туда верст?

Михаил Степанович поднял вверх плечи:

— Не знаю. Верст пятьсот, восемьсот, вероятно. Но что нам до них? Нужно исследовать путь — вопрос только в этом!

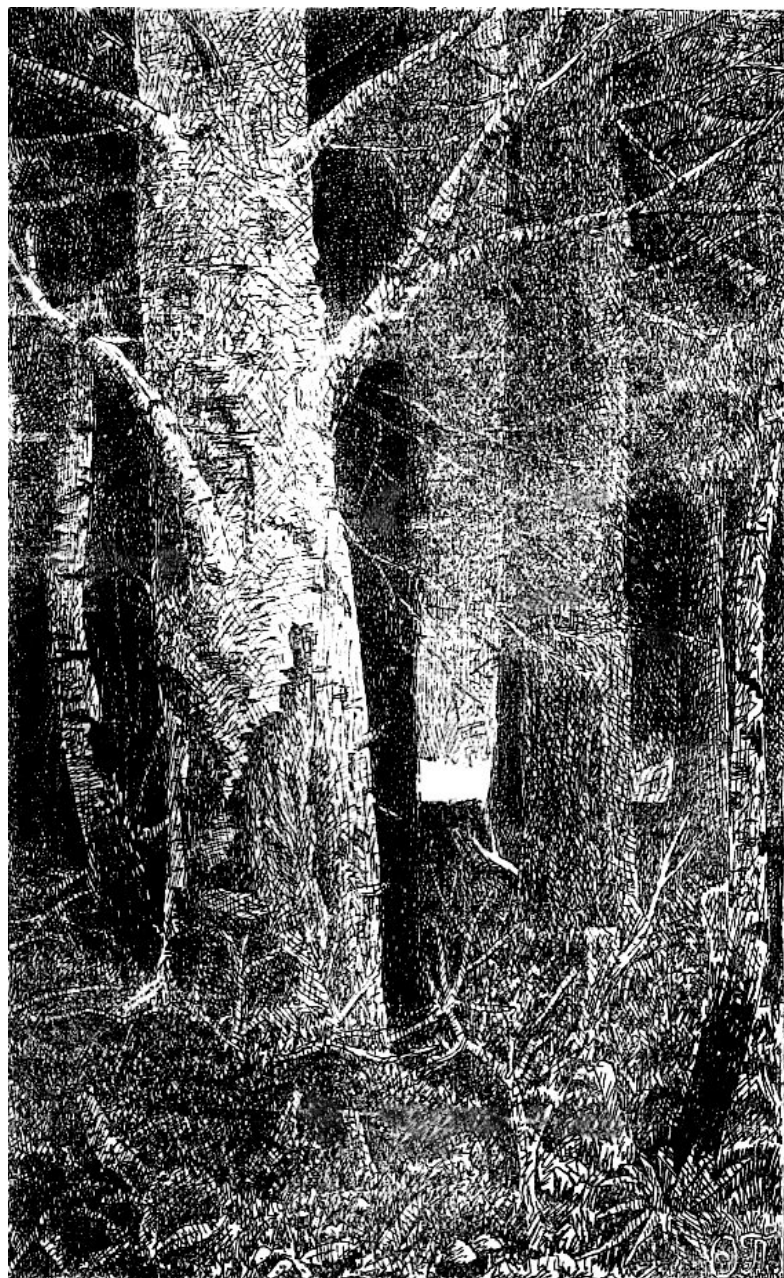
— И вы уверены, что мы сделаем эти восемьсот верст?

— Разумеется. Месяц-другой времени, и мы будем на месте.

Свирид Онуфриевич покрутил усы, затем мотнул головой.

— Нет, — убежденно произнес он. — Я знаю толк в лесах, видал много их, но эти — мое почтение! Продраться сквозь них пешком, может быть, и возможно будет, но проехать — нет! Чудо, что мы еще едем до сих пор! Помните, что на сотни верст нет жилья кругом и, заблудись мы...

Свирид Онуфриевич не договорил.

— С нами компас, — возразил Михаил Степанович, — заблудиться мы не можем, а...

— Я вот к чему веду речь, — перебил охотник. — Мы с вами и пешком отсюда выберемся, а вот они, — он кивнул головой на ехавших позади, — младенцы наши, с ними что делать?

— Что с вами, Свирид Онуфриевич? — сказал Михаил Степанович, с удивлением взглянув на охотника. — С чего вы вдруг в такую зловещность впали?

— Вот с чего! — охотник указал рукой вперед. — Вглядитесь хорошенько в лесок, да помозгуйте, — к тому же придете. В этом лесу погулять, побродить денек, два — очень хорошо, но резать напрямик через него восемьсот верст — это подвиг!

— Это обязанность... — тихо, но горячо произнес Михаил Степанович. — Мы должны узнать и раскрыть все, что могла оставить по себе эта загадочная личность!

Свирид Онуфриевич крепко почесал затылок.

— Думал, что хоть у него в голове все дома, а он тоже с бзиком! — с досадой проговорил он, осаживая коня и усиленно принимаясь пыhtеть трубкой.

Местность, между тем, становилась все изрытее и видимо подымалась в гору. Лес редел. Но напрасно ученые бросали по сторонам внимательные взгляды в надежде открыть что-нибудь важное: ни камней, ни скал с надписями не попадалось.

Подъем становился все круче; скоро лошади уже с трудом карабкались вверх, неся легших на самые шеи их всадников, и то и дело срывались ногами.

— Еще полчаса — и будем на небе! — с усмешкой сказал Свирид Онуфриевич.

— Я буду там значительно раньше! — сипло выговорил палеонтолог, багровый, как закат перед ветром. — Эта проклятая лука пробьет меня насквозь!

Но жизнь Павла. Андреевича, вероятно, была еще нужна для земли: подъем наконец кончился, и ученый выпрямился и вздохнул свободнее.

Лес остался внизу, на половине горы. Казавшиеся снизу безгранично высокими вершины гигантских кедров находились теперь далеко-далеко под стремениами путешественников. Везде внизу, куда, ни обращались глаза, расстилалось темно-зеленое море; на нем вставали синеватые бугры — вершины кедров.

На просторе поднебесья дул сильный ветер; солнце заходило, и алый щит его уже коснулся горизонта безграничного зеленого океана и погружался в него больше и больше.

Полюбовавшись видом и дав немного вздохнуть запыхавшимся лошадям, караван двинулся дальше; путь преграждали казавшиеся неприступными скалы из красного известняка. Отвесная стена их, как бы охваченная пожаром, ярко вырезывалась на бледно-бирюзовом небе. Лошади шли по промытой дождями ложбинке.

Сплошная издали стена но приближении к ней оказалась изборожденной глубокими и довольно широкими расселинами; бесчисленные острые зубцы усеивали ее. Кругом не росло ни куста, ни деревца.

У скалы Михаил Степанович остановился: его поразили неумолчные тихие звуки, слышавшиеся везде от скал. Они были все мокрые: всюду сочилась и капала с камней вода, производя подобие какой-то своеобразной мелодии. Михаил Степанович сверил направление лежавшей впереди расселины с компасом и смело направил коня в нее.

Сразу охватил полумрак и особенная сырая свежесть; ехать можно было только по одному и то с осмотрительностью, так как то ногам, то голове угрожали каменные выступы и с той и с другой стороны. В одном месте громадный камень, отделившийся, вероятно, от вершины какой-нибудь скалы, заклинил сверху расселину, образовав как бы низкий туннель под собой. Михаил Степанович спешил и, исследовав проход, вернулся и ввел в него лошадь; примеру его последовал весь караван.

Подземный коридор, словно черная труба со вставленным на верхнем конце светло-голубым стеклом, тянулся сажень пятнадцать. С потолка росли холодные капли. Ша-

ги отдавались гулко; подъем шел круто в гору и вдруг кончился; путешественники, мокрые, как после дождя, очутились на свободе и стали садиться на коней.

Михаил Степанович, успевший уже взъехать на пригорок впереди, вдруг рванул назад повод и осадил лошадь почти на задние ноги. То же проделал и подъехавший к нему рысью Свирид Онуфриевич.

Крутой обрыв, на котором очутились они, вставал саженой на десять над узкой горной котловиной, сдавленной рамой, как бы выкованной титанами из черных базальтовых скал. Среди нее зыбилась какая-то темная поверхность.

— Что это, никак вода? — с изумлением проговорил Свирид Онуфриевич.

— Божье озеро, — ответил Михаил Степанович, не сводя глаз с него. — В Сибири так зовут горные озера!

Долго любоваться видом путешественникам не пришлось: быстро темнело, и проводник и Свирид Онуфриевич заторопили спуститься скорей на ночлег с горы.

Отыскался сравнительно отлогий спуск, и через несколько минут на берегу озера закипела деятельная разгрузка лошадей и устройство бивака.

Антон, между прочим занимавший при экспедиции должность старшего повара, подошел к Михаилу Степановичу и заявил ему, что кроме сухого хлеба есть ничего не придется.

— Почему? — удивился молодой этнолог. — Ведь мясо есть у нас. Неужто ты выкинул медвежатину?

— У татарина она, и не притрагивался я к ней! — с брезгливым видом ответил старик. — А только на чем жарить-то ее?

Михаил Степанович невольно оглянулся: кругом не было ни травинки.

— Вот так штука! — протянул он. — Ну что ж, ограничимся сегодня консервами.

— И татарина консервами кормить? Ему ведь пуд их сравить надо!

Недовольный тон старика вызвал улыбку на лице Михаила Степановича.

— Что ж поделаться: пуд, так пуд дай!

— Дозвольте медвежатину ему отдать: он ведь Махмуд, все съест?

— Да ведь она сырая!

— Для него-то и лучше. Он на ней верхом всю дорогу ехал. «Теперь, говорит, вкусный говядина будет. На говядине, говорить, всегда сперва посидеть надо». Пущай и жрет!

Михаил Степанович согласился.

Но отсутствие жаркого к ужину было не так важно, как отсутствие костров. Путешественники скоро почувствовали всю ценность последних.

— Однако, холодновато! — заметил после ужина Иван Яковлевич, кутаясь в бурку.

Палеонтолог надел шубу и стал приискивать место, где бы улечься поудобнее. Ступив несколько шагов, он охнул и остановился.

— Я теперь вполне представляю себе, что такое была пытка на кобыле в средние века! — недовольным тоном заявил он. — Эта окаянная верховая езда решительно то же самое: чуть не разорвало от нее пополам!

Смеха сердитое заявление это ни в ком не вызвало. Все чувствовали себя сильно утомленными.

Павел Андреевич принялся за поиски приюта. Почва была неровная; земли или песка не было ни пылинки; лагерь путешественников располагался на голом граните. Павел Андреевич примостился наконец в ложбине, но, полежав минут пять на камнях, начал ворочаться, наконец встал и, бормоча про себя что-то сердитое, перешел дальше, чтоб вскоре проделать все сызнова.

— Медведь-то наш берлогу себе ищет! — заметил вполголоса Свирид Онуфриевич, следивший за движением палеонтолога с равнодушием истого охотника, привыкшего к разным неудобствам. Неизменная трубка дымилась в зубах его, и от особенно сильных затяжек табак разгорался вспышками и то и дело освещал густые усы и нос Свирида Онуфриевича.

По бокам охотника обозначались в темноте силуэты Михаила Степановича и Ивана Яковлевича.

Немного поодаль чуть маячили фигуры слуг.

— Ведь не хотел ничего теплого с собой брать, — сказал Михаил Степанович, кивая на палеонтолога. — Насилу уговорил его! А вы, Иван Яковлевич, как себя чувствуете?

Старый ученый сидел, глубоко задумавшись.

— Ничего, ничего... — встрепенувшись, ответил он. — Устал немного, но это вздор! Что за удивительная ночь, господа: как необычайно ярко звезды здесь! Что за воздух! Я прямо опьянел от него!

— Высоко очень забрались, — проговорил Свирид Онуфриевич, — под облаками, я думаю, сидим!

— Нет, выше их, — возразил Михаил Степанович, которому от утомления было не до поэзии. — Я очень жалею, что мы так задержались на том привале: уснуть здесь, очевидно, не будет никакой возможности!

— Это кому как! — сплюнув, сказал охотник. — Мне на медвежьей шкуре будет отлично.

— Утром непременно исследуем все окрестные скалы, заявил Иван Яковлевич, — здесь, несомненно, должны оказаться надписи!

К разговаривавшим приближалась какая-то фигура, оказавшаяся татаринном.

— Что тебе, Едигей? — спросил Михаил Степанович.

— Спать ходи: так сидишь, замерзнешь совсем; моя постель делал, большой постель: на всех хватит!

— Что ты говоришь?

Михаил Степанович обрадовался.

— Где, из чего ты ее устроил?

— Из коней строил, — ходи спать!

Недоумевающие путешественники поднялись и отправились за татаринном посмотреть на его изобретение. Шагах в сорока в стороне он отыскал ровную площадку, связал на ней лошадям ноги и, повалив их в два ряда, оставил между спинами их узкий проход.

— Ай да Едигей! Умница! — радостно воскликнул Михаил Степанович. — Вот уж никогда в голову не пришло бы так устроиться!

Довольный общим одобрением татарин слегка проржал от избытка удовольствия.

— А как это озеро называется? — спросил его Иван Яковлевич, устраиваясь с помощью Антона между теплыми лошадиными спинами. — Ты знаешь его?

— Не знай... совсем не знай... Тигир-гол это... — с явным почтением к произносимому слову ответил татарин.

— «Небесное озеро», — перевел слова его старый ученый. — Однако, довольно сносно здесь!.. Спокойной ночи, господа!

— Спокойной ночи! — слышалось выше и ниже его, и все попрыгали с головами под всякого рода покрывала, наваленные сверху на бока лошадей.

ХІІІ.

Путешественники выпалились отлично.

Восход солнца застал лагерь в движении: освобождали и вели поить фыркавших и отряхивавшихся коней, убирали постели, готовили вместо чая закуску.

Палеонтолог, отправившийся к озеру умыться, увидел, что Иван Яковлевич тщательно осматривает громадные глыбы, хаотически наваленные на берегу озера. Воды в нем, казалось, не было; в черной оправе сияла великолепная бирюза, перед которой бледнело небо. Площадь озера была не велика, — всего каких-то одна или полторы десятины. Несмотря на полнейшее безветрие, на нем стояла странная зыбь: голубые волны его не катились прямо на берег, как в обыкновенных озерах, а будто бы в легкой тревоге толкались друг о друга.

— Доброго утра! — крикнул палеонтолог, к которому вернулось после хорошего сна хорошее расположение духа. — Что вы там ищете ?

— Надписи, надписи! — ответил, не оборачиваясь, старый ученый.

— Что же, есть они?

— Нет пока!

Палеонтолог, забыв об умыванье, в свою очередь углубился в рассматривание горных пород.

Михаил Степанович опустился у берега на колени и принялся мыться. Вдруг он увидел, что старый ученый сделал больше чем рискованное движение и почти повис над водой.

— Осторожнее, Иван Яковлевич! — крикнул он, — не сорвитесь, — у этих озер страшная глубина !

Окончив туалет, Михаил Степанович не утерпел и, вместо обзора скал, взялся за лот и стал вымерять глубину воды с береговых камней; дна коснуться нигде не удалось ему: стосаженной бечевки не хватило.

На одном из отвесных утесов Михаил Степанович, заинтересованный цветом воды, нагнулся особенно низко; из

бокового кармана его выскользнула какая-то вещь, блеснувшая как серебряный рубль. Михаил Степанович слышал легкий всплеск, но не обратил на него внимания.

— Иван Яковлевич! Павел Андреевич! Михаил Степанович! Господа! — начал наконец взывать наподобие иерихонской трубы потерявший терпение Свирид Онуфриевич, стоя над скатертью с разложенными на ней закусками. — Завтракать идите!

Долго пришлось надсидаться охотнику, пока наконец все собрались и уселись подкрепляться. Иван Яковлевич заткнул себе, как всегда, за шею конец салфетки и только что протянул руку к чему-то из съестного, как около него выросла длинная фигура Антона.

Несмотря на все неудобства и трудности пути, бесслесный и длинный сюртук его был вычищен до педантизма; под сухим, гладко выбритым подбородком виднелся старый, но чрезвычайно чистый галстух.

На руке Антона висело длинное полотенце; в другой он держал мыльницу и щетку для ногтей.

— Что тебе? — спросил Иван Яковлевич.

— Мыться-с пожалуйста, — произнес Антон.

— Как мыться? — с удивлением сказал Иван Яковлевич.

— Да ведь я мылся уже?

— Никак нет-с; у воды были, это верно, а мыться — не мылись.

— Так что же ты раньше мне не сказал! — с неудовольствием воскликнул старый ученый. — Извините, господа, я покину вас, — добавил он, вставая, — я ведь, действительно, кажется, позабыл умыться!

Он улыбнулся виноватой детской улыбкой; все ответили ему улыбкою же.

— Это бывает! — философски изрек Свирид Онуфриевич.

По возвращении старого ученого поднялись разговоры об озере. Как могла очутиться на такой высоте вода, не окруженная притом снеговыми вершинами? отчего даже в безветрие всегда бьется зыбь на нем? какая его глубина? — на эти вопросы никто не мог дать ответа. Михаил Степа-

нович сообщил, что в Ачинском округе насчитывается несколько подобных же горных озер; этим и ограничились все сведения о находившейся перед путешественниками загадке природы. Что же касается следов таинственного незнакомца, то к душевному прискорбию ученых ничего похожего на них у озера не нашлось.

Около восьми часов утра явился проводник, ездивший отыскивать спуск с горы; поджидавший его караван почти тотчас же тронулся в дальнейшее странствование.

Спуск оказался горше подъема; местами всадники должны были ложиться спинами на крупы коней, вытягивая ноги к самым мордам их. Лошади, упершись на все четыре ноги, то и дело беспомощно съезжали с таких круч, что замирал дух и казалось, вот-вот и всадник и лошадь уж не удержатся и соскользнут в бездну, на камни и на вершины деревьев. Наконец опасные места кончились, спуск сделался «человечнее», как выразился Павел Андреевич; показались пихты, и тайга приняла в свои освежающие объятия путешественников, только в ней почувствовавших, какого напряжения сил стоил им съезд с горы; все на них было мокро от испарины.

Зеленый навес наверху скоро спустился до такой степени, что не стало видно солнца; путешественники вступили в царство вечных сумерек, и только открывавшиеся кое-где прогалины были заполнены светом; на них отчетливо выделялись уходившие дальше во мрак огромные кряжи деревьев, казавшиеся какими-то исполинами неведомого мира.

Нужно было проверить направление.

Михаил Степанович сунул руку в боковой карман, где у него находился компас: компаса там не оказалось. Михаил Степанович спешно обшарил другой карман, затем все остальные, ощущал подкладку куртки: драгоценного прибора не было.

— Свирид Онуфриевич! — обеспокоенным голосом сказал молодой этнолог, останавливая лошадь.

— Что?

Охотник поравнялся с ним.

— Несчастье: я потерял компас!

— Да ну? — воскликнул Свирид Онуфриевич. — Где? Может ли быть?

— Тише, лучше не тревожить пока никого! Знаете... кажется... нет, наверное даже, он упал в озеро, когда я измерял глубину!

— Да где он лежал у вас?

— Здесь.

Михаил Степанович указал на наружный боковой карман.

Охотник протяжно свистнул и хотел напомнить Михаилу Степановичу его самоуверенные слова, что заблудиться они не могут, но лицо молодого ученого имело такой расстроенный вид, что Свирид Онуфриевич, сказав: «вот так бланманже!», крепко поскреб себе затылок.

— Надо выпутываться! — добавил он.

— Приблизительно я знаю, где мы находимся, — сказал Михаил Степанович, торопливо вынимая карту, — между 63 и 64 градусом долготы и...

— Посадите вы черта верхом на ваши градусы! — с досадой перебил охотник. — Как они вам тут помогут?!

— По положению солнца точно вычислим и наше местонахождение...

— Эка радость какая! — проворчал охотник. — Будем знать в точности, что мы заблудились на шестьдесят третьем с третью градуса долготы! В такой трущобе указку в зубах надо иметь: каждую минуту ведь вы своих вычислений не сможете делать! А серые дни настанут?

Слова охотника были неоспоримы.

Михаил Степанович молча снял фуражку и вытер пот, выступивший на лбу его. По опыту, прежних экскурсий он знал, что значит заблудиться в лесу, имеющем даже какой-нибудь десяток верст; теперь их обступала тянувшаяся на тысячи верст вековая тайга, изрезанная горами, пропастями и непроходимыми болотами. Заблудиться в ней — значило обречь себя на верную смерть.

— Может, Едигей наш бывал здесь? — глухо проговорил Михаил Степанович.

Охотник повернулся на седле и крикнул так, что лошадь под ним шарахнулась от испуга в сторону:

— Эд-ди-ге-ей!!

Громадный черный глухарь, вытянув сине-зеленую шею, выскочил почти из-под копыт коня его и, тяжело захлопав крыльями, взлетел и исчез тут же в потемках.

Услыхав зов, татарин, беседовавший о чем-то с Антоном, пустился вскачь и, лихо обогнав беспечно растянувшийся по-прежнему караван, сдержал коня около медленно подвигавшихся вперед Михаила Степановича и Свирида Онуфриевича.

— Знаешь ты эти места? — спросил охотник.

Едигей отрицательно мотнул головой.

— Где знай — впереди ехал, где нет — позади ехал!

Необычайное выражение лица молодого этнолога не укрылось от зорких глаз татарина. Он насторожился.

— Мы тебе откроем тайну, Едигей, — вмешался Михаил Степанович, — только смотри, никому не говори, не надо напрасно пугать других; я потерял компас и теперь не знаю, куда ехать!

— Це, це, це... — зацокал татарин, сдвигая брови. — А куда ехать надо?

— Теперь — до первого селения. Есть поблизости такие?

— Не знай... — протяжно ответил Едигей. — Худое дело... надо на низ идти!

— Как это на низ, куда? — спросил охотник.

— Куда река бежит, ветер откуда зимой дует! — пояснил, указывая рукой направление, татарин. — Солнце за спина будет. Там большой дорог на Россия — много сел есть!

— Он, вероятно, подразумевает север, — обратился Михаил Степанович к Свириду Онуфриевичу.

Тот кивнул головой.

— А ты сумеешь провести нас туда?

— Не знай... Где узнать?

Едигей повернулся на седле и рысьим взглядом, как бы взвешивая силы ехавших, обежал растянувшуюся позади него вереницу всадников.

Иван Яковлевич, предоставив полную свободу коню своему, сложил обе пухлые белые руки на луке седла. За ним следовал Павел Андреевич. Голова его низко была опущена на грудь, руки висели безжизненно; он спал крепчайшим сном и каким-то чудом удерживал равновесие.

— Только б солнце был! — добавил Едигей, взглянув как будто наверх, в действительности же кинув новый испытующий взгляд на лица Михаила Степановича и его приятеля.

— Надо ехать, — будем пытаться!

Михаилу Степановичу вздохнулось несколько легче, хотя тон татарина был далеко не успокоительный.

Во главе каравана поехал Едигей.

В лесу становилось сырее; запахло папоротниками и хвощами, и скоро кони вступили в целое море их и по брюхо пошли в зеленой траве. Мокрая земля зачавкала под копытами.

Едигей несколько раз низко нагибался с коня, рассматривая что-то, наконец остановился.

— Дальше нельзя! — коротко заявил он, спрыгнув с седла и привязывая лошадь к ближайшей ели. — Барахта пришла.

— Что такое? — спросил, думая, что ослышался, Свирид Онуфриевич.

— Барахта — болото по-ихнему, — пояснил Михаил Степанович.

— Верно! — сказал подъехавший Иван Яковлевич. — Это слово мы заимствовали, как и много других, от татар, только дали ему другое значение, однако ясно связанное с прежним!

— Что, что? — испуганно пробормотал Павел Андреевич, упав на шею лошади, остановившейся около других. — Однако... Что такое произошло, в самом деле?

— Ничего, кроме того, что вы носом ткнулись! — спокойно отозвался Свирид Онуфриевич. — Подъехали к болоту и ждем Едигея, вот и все тут!

— Станный вид какой... — заметил, надевая пенсне, Иван Яковлевич. — Что это, туман впереди?

— Нет, отозвался Михаил Степанович, — мы среди целого моря хвощей.

Он нагнулся с седла и, сорвав бледно-зеленое, похожее на елку, но нежное как воздух растение, подал его старому ученому.

— Пра-пра-правнук допотопных громадных хвощей-каламитов! — сказал Павел Андреевич. — Однако и комары здесь! — с сердцем добавил он, звучно шлепнув себя по шее. — Кажется, десятого убиваю.

— То ли еще будет! — пророчески заметил Свирид Онуфриевич.

Наконец вернулся татарин, мокрый по пояс и облепленный грязью и зелеными кружками ряски.

— Ехать нельзя! — сказал он. — Большой барахта — утонуть можно. Крутом надо ходить!

— Как это неприятно! — воскликнул старый ученый. — Неужто так-таки совсем нельзя перебраться?

Татарин энергично потряс головою:

— Нельзя! Туда надо! — он махнул рукой вправо.

Иван Яковлевич обратился к Михаилу Степановичу.

— Посмотрите, пожалуйста, на карту: вероятно, есть какой-нибудь переход?

Молодой этнолог вытащил требуемую карту, и, развернув, долго молча разглядывал ее.

— Ну, что же? — нетерпеливо спросил старый ученый. — Нашли что-нибудь?

— На карте в этом месте поставлены горы.

— Как так?!

— Да так!

Михаил Степанович протянул карту, и все увидели, что на огромном расстоянии, кроме сплошных гор и лесов, на ней ничего обозначено не было.

— Славная карта! — съязвил Павел Андреевич.

— Повесить бы ее составителя! — добавил охотник. — Бросьте ее в болото!

— Каково, в самом деле! — вскипятился Иван Яковлевич. — Как назвать такое отношение съемщиков к делу?! Но наше-то положение каково, что мы станем делать!

— Свернем вправо, как говорит Едигей, и сделаем объезд, — ответил Михаил Степанович, складывая и пряча бывшую свою руководительницу.

— Но ведь мы уклонимся от прямого пути, — воскликнул старый ученый. — Наконец, возможно заблудиться !

— Как-нибудь выберемся!

— «Авоськи» поехали, — заметил Павел Андреевич. — Смотрите, заведете нас, как Сусанин поляков, в такую тупицу, что и ворон костей не вынесет из нее. Ишь ведь, местечко-то — чертово логово настоящее!

Татарин с укором, а Антон с негодованием поглядели на него за употребление не к месту «черного слова».

Караван свернул вправо и медленно, поминутно объезжая попадавшие по пути заросшие мохом, поваленные стволы, потянулся зигзагами дальше.

XIV.

Много раз пришлось путешественникам изменять направление пути, стараясь выйти на твердую окраину низины, но она исчезла, словно заколдованная. Лошади поминутно проваливались в мягкой земле по бабки и начали выбиваться из сил. К этому неудобству скоро присоединилось другое: из-под трав стали подыматься мириады комаров. Шлепки усиленно принявшихся колотить себя людей начали раздаваться без перерыва, но такая защита ни к чему не вела: убитых насекомых мигом сменяли тучи их.

Надо было остановиться.

— Костры разложите, господа! — сказал Михаил Степанович, соскакивая с лошади и начиная собирать валежник. Все принялись делать то же, и скоро воздвигнулось несколько порядочных куч; поджигать их усердно принялись те, у кого оказались спички; татарин рубил и подбавлял свежие ветви, и из начавших разгораться костров повалил густой, буро-желтый дым.

Комары исчезли разом, но находиться в дыму было невыносимо. Иван Яковлевич и Павел Андреевич раскашлялись до того, что оба, задыхаясь и отмахиваясь руками, выскочили из костров и предпочли подвергнуться новой атаке злостных врагов.

Татарин, как местный житель, более спокойно переносивший земные невзгоды вроде дыма и комаров, подошел к ученым и подвел их опять к одному из костров.

— Ложись, — сказал он, указывая на место около костра, из которого наклонно, но не касаясь земли, тяжелыми клубами шел дым. — Там хорошо: дыши можно, гнус* нельзя прийти!

Под кровлей из дыма оказалось действительно хорошо; Михаил Степанович и Свирид Онуфриевич зажали рты и перебежали к ним; все четверо расположились рядом.

— Смотрите, господа, лошади наши куда зашли! — воскликнул Свирид Онуфриевич, указывая назад.

Михаил Степанович и Иван Яковлевич оглянулись. Умные животные сбились в тесную кучу и, уткнув морды в самую землю, свободную от дыма, неподвижно стояли позади костров.

Обедать пришлось лежа на пополах и каких-то мешках, принесенных предусмотрительным Антоном.

— Возлежим как древние греки! — восклицал Свирид Онуфриевич, основательно подкрепившись вином и с наслаждением потягивая трубку.

Настроение духа сделалось у него необыкновенно благодушным.

— Это в болоте-то? — не без язвительности заметил Павел Андреевич. — Что-то не слыхал, чтобы они в болотах валялись!

— Меня очень беспокоит, признаюсь вам, это болото! — сказал, обращаясь ко всем, Иван Яковлевич. — Ведь мы совершенно не можем держаться взятого направления?

* Сибирское собирательное название комаров, оводов, слепней и т. п. насекомых.

— Ерундиссимум! — заявил, вдруг разозлившись, охотник. — Какие тут направления? Приедем в конце концов на Байкал и воспоем аллилуйя!

Старый ученый бросил на него недовольный взгляд.

— Я думаю тоже, что придется отказаться от нашего плана! — поспешил сказать Михаил Степанович. — Тайга становится все непролазнее!

— Все-таки будем пытаться! — заметил Иван Яковлевич, блуждая взглядом по окружающему лесу.

Свирид Онуфриевич повернулся на бок.

— А зачем? — спросил он. — Ведь это жадность в вас говорит — «все» отыскать! Смотрите — захватит нас зима, не успеем осмотреть и главного, того, что открыл Михаил Степанович!

— До зимы далеко.

— А до Байкала еще дальше! Сколько верст, полагаете вы, можно сделать в день в таком лесище? Три, лопни моя душа от ушей до пяток! да и трех много!

— Что он говорит? — с некоторым беспокойством обратился старый ученый к Михаилу Степановичу.

— Боюсь, что он прав! Я в жизни не видал ничего подобного!

Михаил Степанович обвел кругом рукой.

— Ваше мнение, Павел Андреевич?

Палеонтолог пожал плечами.

— Я без мнений! — отозвался он. — В сущности, раз взялись за что-либо, надо доводить до конца. Но эти комары, черт возьми! из-за них от всех благ мира отказаться можно!

— Все-таки попробуем, господа, еще продвинуться вперед! — сказал Иван Яковлевич. — Ведь может быть, где-нибудь здесь в двух шагах болоту конец, ровный путь дальше, след какой-нибудь есть?

Никто не ответил ему.

Часа через два караван выступи ль дальше.

Головы и шеи всадников были укутаны полотенцами так, что виднелись только глаза; на руках у одних были перчатки, у других заменяли их тряпки. Филипп натянул в

виде кавалергардских рукавиц две пары носков своего барина и все время самодовольно похлопывал ими друг о друга.

Лошади оставались беззащитными, и комары седым ковром облепили их. Всадники избивали насекомых, насколько могли; тряпки на руках у них покрылись конской кровью; той же кровью перемарались и повязки на головах всех, и караван стал походить на странно-безмолвный отряд тяжело раненых и перевязанных людей.

Конца болоту все не было. Тьма в лесу ничего не позволяла различать путем уже шагах в десяти впереди; то и дело приходилось натекать на препятствия, поворачивать назад и объезжать то непролазные для пешехода заросли, то завалы из упавших и гнивших гигантских стволов; деревья иногда лежали друг на друге, и гнилые стволы, рассыпавшиеся от первых ударов, грудились в высоту до двух и более сажен. Заросли колючей дикой малины закрывали в таких местах всадников почти по плечи. Сильный запах грибов и папоротников чувствовался даже сквозь полотно, обвязывавшие лица. Наконец и слабые просветы солнца исчезли совершенно.

Палеонтолог посмотреть на часы, как бы желая удостовериться, не наступила ли ночь: было всего четыре часа.

Михаил Степанович ехал впереди рядом с татаринном. Вдруг оба почти одновременно остановили лошадей; татарин соскочил с седла и, нагнувшись к самой земле, принялся разглядывать что-то находившееся на ней.

Подъехавшие остальные путешественники увидели многочисленные и свежие конские следы, глубоко отпечатывавшиеся на сырой земле.

Татарин внимательно разглядывал каждый след, затем, сосчитав их, быстро вернулся и сел на лошадь.

К удивлению Михаила; Степановича, он направился не по следам, которые несомненно привели бы в конце концов к какому-нибудь человеческому жилью, а пересек их почти под прямым углом.

Молодой этнолог освободил несколько рот и догнал опередившего его татарина.

— Почему ты, Едигей, не поехал по следам? — спросил он, тронув за плечо его.

Едигей оглянулся.

— Следа эти наша, господин! — вполголоса ответил он, и серьезно-спокойные слова эти обдали Михаила Степановича ледяной волной.

— Наши? — в ужасе повторил он. — Значит, мы заблудились?!

— Бог захочет — спасет, нет захочет — умрем! — с тем же глубоким спокойствием сказал татарин. — Все Бог... Надо спать теперь, — добавил он, — темно совсем, глаз суком выбьет!

В глухой тайге опять вспыхнули под деревьями яркие глаза костров; неохватные ели между ними озарились и вырисовывались снизу каждым сучком своим; ближайшие к огням ветви наклонялись и трепетали. Нет-нет и пламя выскакивало из костров, яркими змеями обвивалось вокруг ветвей и, треща, потухало где-то глубоко в черной груди беспомощно отмахивавшихся от этих змей исполинов.

— Пожара бы не произвести! — с испугом сказал Иван Яковлевич, увидав перебросившейся в высь огонь.

— Ничего! — отозвался охотник. — Деревья так легко не загорятся. Поземка* в бору страшна, а здесь мокро, бояться нечего.

Татарин с помощью остальных слуг заготовил на ночь огромные вороха сучьев и небольших деревьев. Костры им были разложены почти сплошным кольцом, внутри которого располагались под деревьями люди и лошади.

Ночь выросла черная как уголь; над землей светились звезды, но ни один луч их не проникал сквозь мощно сплетенный навес из ветвей в лесной грот к путешественникам.

* Поземный пожар.

Михаил Степанович казался очень утомленным и первый улегся на подобие постели, устроенной на куче веток, насланных для предохранения от воды.

Разговор между бодрствовавшими путешественниками не вязался: ночь зачаровывает все и живое и мертвое, и самый болтливый из людей смиряется и стихает, очутившись лицом к лицу перед бездной ее.

То с одной, то с другой стороны слышался иногда волчий вой, и мирно жевавшие траву кони подымали тогда головы и настораживались.

Господа уснули. Но татарин нашел нужным устроить смену из слуг, и всю ночь одинокая фигура кого-нибудь из них бродила, как безмолвный дух, от костра к костру, подкидывая дрова то в тот, то в другой; огонь с треском вспыхивал ярче, взлетали звездами искры, и сонная тишина снова охватывала бивак.

XV.

Не то сумерки, не то туман висели под деревьями, когда путешественники один за другим стали просыпаться. Часы показывали семь, но татарин, хлопотавший всегда спозаранку около лошадей, лежал на боку под елью; вьюки и седла оставались на земле; спутанные лошади обьедали мох у корней деревьев.

— Едигей, что ж ты не седлаешь? — крикнул, подходя к нему, Свирид Онуфриевич.

— Солнца нет, — ответил не изменяя позы, татарин. — Куда пойдешь? Ждать надо...

Свирид Онуфриевич поглядел вверх, покрутил усы и, не сказав ни слова, отошел прочь.

Антон, обвертевая опять себе голову всяким тряпьем, занимался поисками воды для утреннего чая и умыванья господ. Отходить далеко от бивака было опасно, поблизости же воды нигде не оказывалось. Антон взял в одну руку суковатую дубинку, в другую — пустое ведро и, часто огля-

дываясь назад, чтоб лучше запомнить место нахождения бивака, углубился в лесную тьму.

Прошел час, другой — Антон не возвращался. Мирно беседовавшими в ожидании его путешественниками овладело наконец беспокойство. Иван Яковлевич встревожился более всех.

— Наверное, наверное он заблудился! — повторил он несколько раз, вставая и начиная прохаживаться по свободному месту между кострами.

— Иду отыскивать его!

И старый ученый с решительным видом принялся обматывать голову полотенцем, бездействовавшим по отсутствию воды.

Михаил Степанович удержал его за руку.

— Нет, — с несвойственной ему твердостью заявил он, — вы никуда не пойдете, Иван Яковлевич: пойдешь мы со Свиридом Онуфриевичем.

Охотник молча стал снимать с ветки висевшее ружье. Искушенный накануне до полусмерти Кузька не решался отойти от места ночлега и только глядел на хозяина, колотя хвостом.

— Иси! — сурово сказал Свирид Онуфриевич.

Кузька покорно подошел к нему.

Сборы были недолги, и оба приятеля вышли за черту огней. Свирид Онуфриевич отыскал на земле след старика и указал его собаке. Кузька обнюхал и, сопровождаемый облаками комаров, уверенно побежал дальше.

Почва становилась все влажнее; исполинские хвойные деревья редели.

— Небо! — с облегчением проговорил Михаил Степанович, увидав, наконец, вместо черно-зеленого навеса простор над собой. Ему показалось, будто его вдруг выпустили на свободу из какой-то страшной тюрьмы. Перед ними приятно зазеленела березовая поросль; по синеве неба скользили сверкающе-белые облака, солнце изредка брызгало сквозь них золотом, и молодой березняк менял тени на свет и весь сиял и шумел, как бы радуясь, что он такой белый и что такие яркие изумруды в кудрях у него.

Путники вступили в поросль; идти приходилось по моховым кочкам, появившимся в изобилии. Кузька несколько раз останавливался и делал стойки, но Свирид Онуфриевич махал рукой, и умный пес принимался снова колесить по следам Антона, то и дело описывавшим круги по кустам. К удивлению охотника, следы в одном месте вдруг утроились.

— Что он, с ума сошел или заплутался совсем? — пробормотал Свирид Онуфриевич. — Зачем он три раза пробирался здесь то вперед, то назад?

Не сделали они и двадцати шагов по тройному следу, как кусты раздвинулись и впереди открылась синева воды. В низких берегах извивалась окруженная высокими камышами небольшая речка. Влево и вправо зеленела обнаженная кочковатая равнина. Антона на ней видно не было.

Свирид Онуфриевич снял с плеча ружье и выстрелил в воздух.

— Смотрите! — быстро произнес Михаил Степанович. — Люди!

Он указал рукой вправо: из-за бугра на самом берегу реки выставилась и глядела на них человеческая голова. Она принадлежала Антону. Загадка тройных следов объяснилась.

— Где ты запропал? — крикнул Михаил Степанович. — Кто с тобой?

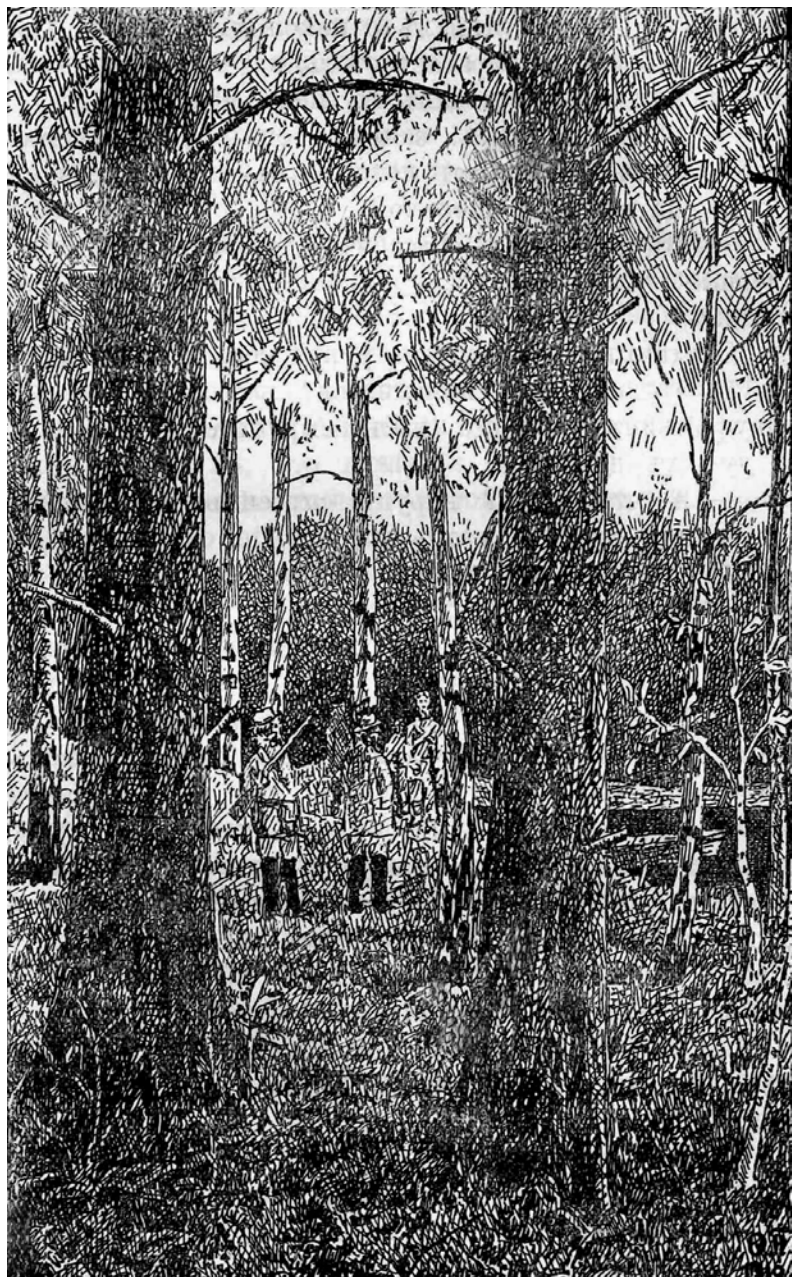
Антон приподнялся еще больше, и можно стало различить, что он в одном и притом совершенно мокром белье.

— Беда приключилась! — ответил он. — Как пес пропал бы, кабы не добрые люди эти, дай им Бог здоровья!

— Какая беда? — одновременно спросили Свирид Онуфриевич и Михаил Степанович, подходя к нему.

— В трясину провалился. Сперва по колени ушел, потом сталь высвобождаться, по пояс ухнул, а там и пошло тянуть. Спасибо вот они, на крик прибежали-с, вытащили! А только ведро и сапоги там остались.

Бледный, с синеватыми пятнами под глазами и около носа, точно вставший после долгой болезни, старик был неузнаваем.

«Милые люди» — старик и малый — заслуживали скорей совсем другого названия. Первый, громадный, почти медвежьего роста и склада человек, глядел из-под нависших черных бровей схожими с углями глазами; под ними сейчас же начиналась сивая, включенная борода; над узким лбом седой гривой вставали давно нечесанные волосы, с листьями и мохом в крутых завитках их. Другой, молодой и безгрудый парень, весь был изъеден комарами; лицо его представляло из себя какую-то распухшую, всю в красных бугорках маску; одеждой обоим служили невообразимо грязные и рваные лохмотья, сквозь которые сквозило ископанное комарами тело.

— Откуда вы? — обратился Свирид Онуфриевич к неизвестным.

Молодой вопросительно повел бесцветными глазами на товарища.

— Старатели* приисков, — низкой октавой процедил тот.

— А далеко они отсюда?

— Близко...

— Слышите? — радостно воскликнуть охотник, обращаясь к Михаилу Степановичу.

— Слышу, — ответил тот, с недоверием рассматривая неизвестных. — С какого же именно вы прииска?

— С лесного!.. — усмехнувшись, ответил гигант. — Кто его крестить здесь станет?...

— Не проведешь ли нас к нему? — спросил Свирид Онуфриевич. — За труды вам заплатим...

— Вас? — неизвестный оглядел обоих. — Что вам там делать? Иль разбогатеть хотите?

— Заплутались мы; выведи куда-нибудь к дороге, — хорошо заработаете!

Неизвестный призадумался. От спасенного им Антона слышал о нахождении вблизи «чудного» каравана, и кара-

* Золотоискатели.

ван этот, как все неизвестное и непонятное, возбуждал в нем недоверие.

— Нет, не рука! — заявил он, потряхнув головой. — Вам один путь лежит, нам другой!

— Да вы куда идете-то?

— В пустынь; спасаемся! — сказал старик и черные глаза его заискрились.—Грехи замаливать хотим!

Спутник его прикрыл рукой нос и захихикал.

— Успеете еще намолиться! — возразить Свирид Онуфриевич. — Сперва нас выручите, а потом и о душах думайте!...

— А что дашь? — вдруг спросил неизвестный, устремляя жадный взор на оружие охотника. — Порошку с ружьем дашь?

— Изволь.

Гигант подумал еще немного и с ожесточением поскреб затылок.

— Нет, не рука! — твердо повторил он. — Нет нам хода назад, а указать вам дорогу можем!

— Где она?

— Вверх по реке. Первая вода будет в эту реку впадать — мимо идите, вторую увидите — тоже мимо пустите, а завидите третью — сворачивайте; день пройдет вверх по ней — там вам и будет село. — Дай хоть ножичек! — вдруг грубо добавил он, — вишь, у тебя сколько всего навешано!

Свирид Онуфриевич отстегнул ремень, снял с него длинный охотничий нож и подал его неизвестному.

— На, бери! — сказал он.

— Как «село»? — вмешался Михаил Степанович. — Ты же говорил, прииск будет.

— И прииск будет... — уклончиво ответил неизвестный, пробуя острие блестящего клинка на широком ногте. — Ну, прощенья просим! — добавил он, подняв голову, — благополучного пути вам!

Оба оборванца стали усаживаться в грубо выдолбленную из целого дерева лодку; вместо весел из нее торчали, как какие-то уши, две полугнилые доски.

— Прощайте, — ответил Свирид Онуфриевич.

Антон, увидев, что лодка хочет отчаливать, заспешил к ней и, сунув руку своему избавителю, потянулся поцеловаться с ним.

— Ну, ну!... — сурово возразил тот на невнятные слова благодарности Антона и отстранил старика. — Теленок, что ль, что лизаться вздумать?

Тем не менее, порыв Антона, видимо, несколько тронул его.

— Гляди, не ввались опять в трясину! — мягче добавил он, отталкиваясь длинным шестом от берега. — Где больно весела трава — там берегись, смотри! Прощайте!

— Прощайте! — ответили с берега.

Черная лодка медленно стала удаляться вниз по течению, унося две фигуры: стоявшего с шестом в руках богатыря-оборванца и сидевшего на корме товарища его. Зеленые кусты, густой семьей глядевшие с изгиба берега в воду, заслонили их.

Антон торопливо стал одеваться.

— Что бы это были за люди? — обратился Свирид Онуфриевич к Михаилу Степановичу, долго провожавшему глазами лодку с неизвестными.

Михаил Степанович как бы очнулся от раздумья.

— Эти? Беглые каторжники, — ответил он.

Антон застрял руками в мокрых рукавах сюртука и превратился в подобие какой-то приготовившейся к полету и вдруг застывшей от изумления диковинной птицы.

— Может ли быть? — воскликнул охотник. — Да почему вы так судите?

— Разве вы не обратили внимания на их головы?

— Нет. Кудлатые оба, что ж в них особенного?

— А то, что правая половина волос у обоих много короче левой: каторжникам стригут головы, затем правые половины бреют.

Свирид Онуфриевич свистнул.

— Вот оно что! — проговорил он. — А я-то расчувствовался сдуру!

— Не может этого быть, сударь! — вмешался наконец Антон. — Вызвали меня, можно сказать, от злой смерти,

и вдруг разбойники меня!!

— Может быть, они и отличные люди, — ответил Михаил Степанович, — только все-таки они с каторги; вообще здесь в лесу с неизвестными настороже надо быть: ведь они могли у вас из рук ружье вырвать, — обратился он к Свириду Онуфриевичу!

Рассуждая о неожиданной встрече, оба приятеля, сопровождаемые Антоном, отправились обратно по следам и около полудня вернулись в лагерь.

XVI.

Старый каторжник не обманул: через три дня труднейшего странствования по едва проходимым болотам измученные путешественники увидели наконец постройку.

Трудно изобразить радость, охватившую Михаила Степановича при виде потемневших частоколов и подымавшихся из-за них двухэтажных изб новгородского типа.

Широкая, заросшая травой улица проходила как бы между двумя рядами крепостных стен из стоймя врытых в землю бревен; многоголосый собачий лай встретил появление чужих людей.

Татарин быстро отыскал постоянный двор, и путешественники с чувством особого удовольствия расположились наконец на отдых под настоящей кровлей.

Все были веселы и довольны как дети.

— Теперь я понимаю, что такое сибирские леса! — говорил Иван Яковлевич, расположившись за столом, на котором кипел и брызгался самовар.

— Знаете, теперь я могу сознаться: мне иногда жутко делалось от мысли: что, если бы вдруг мы заблудились? Ведь только случайность могла бы спасти нас!...

Свирид Онуфриевич переглянулся с Михаилом Степановичем.

— Д-да... — загадочно произнес охотник.

Но ни он, ни Михаил Степанович не прибавили больше

ни слова: было еще не время открывать тайну.

С особенным аппетитом путешественники принялись за чаепитие, как вдруг внимание их привлек грудной голос, нараспев со страстной выразительностью говоривший что-то на непонятном гортанном языке в соседней горнице.

— Рыдает как будто, — вполголоса проговорил Михаил Степанович.

Иван Яковлевич, слушавший склонив голову, поднял руку, как бы говоря: «тише, тише», и все с глубоким вниманием молча стали продолжать слушать чтеца.

— Что такое он распевает? — спросил палеонтолог, когда стихли наконец последние полные скорби и зова красивые звуки.

— Замечательную вещь — плач Иеремии, — ответил старый ученый, с наслаждением слушавший неизвестного. — И как прекрасно он знает этот чудный, настоящий древнееврейский язык!

Дверь в соседнюю горенку отворилась и оттуда выглянуло рыжебородое и бледное веснушчатое лицо еврея. На лбу его, охваченном черным ремнем, был подвязан квадратный ящичек с заповедями, придававший ему какой-то странный, рогатый вид.

Иван Яковлевич приветливо произнес несколько непонятных для остальных слов; еврей отшатнулся назад, затем стремительно бросился к столу с выражением неописуемой радости на лице.

— Вы еврей?! — воскликнул он, глядя горящими глазами на старого ученого.

— Нет, — улыбаясь, возразил тот, — я только знаю древнееврейский язык.

— О, вы великий ученый, господин! — почти с благоговением сказал еврей, прижимая руки к груди. — И что же господин хочет здесь? — с некоторым недоумением и любопытством добавил он.

— Мы едем в Иркутск, — ответил Иван Яковлевич, — исследовать надписи на скалах; кстати, здесь в окрестнос-

тях вы не видали ли каких-нибудь древних изображений в горах ?

— Не-ет... — раздумчиво сказал еврей. — Что здесь есть? Один лес горы далеко. И что же это за надписи?

— Допотопных людей.

— От самого потопа? Еврейские?

— Нет.

Еврей покачал головой.

— Тогда других и быть не могло, господин! Прииски есть неподалеку...

— Сколько верст будет до них? — вмешался охотник.

— Совсем близко: тридцать верст всего! Только нехорошо там теперь, пусть лучше господа не ездят туда!

— А что такое? отчего?

— Полиция там... — понизив голос, ответил еврей, пытливо поглядывая на собеседников, как бы не совсем убежденный в истинности сказанной ими причины странствования. — Нагрянула вдруг! А там как раз убийство! И такой народ неприятный: паспорта сейчас спросят!

Путешественники дружно засмеялись.

— Паспорта у нас в порядке, — ответил Михаил Степанович. — А что случилось такое на прииске ?

— Человека убили: самородок он нашел большой, и такой глупый: показывал его всем. Золото прятать надо, а не показывать! Ну, и ограбили и зарезали. И кто убил, знают!

— Поймали?

— Нет, убежали варнаки. Прохожие были. Ночевали с ним. Старик да молодой, двое!

— Я не ошибся! — проговорил Михаил Степанович, обращаясь к Свириду Онуфриевичу. — Вот почему и не хотели они на прииск направлять нас: боялись, что укажем, где они!

— Господа встретились с ними? — живо спросил еврей.

— Да, в лесу, Далеко отсюда!

Михаил Степанович подумал с минуту, затем снова обратился к еврею:

— Слушайте, мы хотели бы устроить маленькую торговлю с вами?

— Торговлю? — Еврей удивился и насторожился. — И чего бы я стал торговать с господами?

— У нас с собой целая уйма ненужных теперь вещей и верховые лошади. Купите у нас их?

Еврей оживился.

— Отчего же не купить? — ответил он, улыбаясь и показывая крупные белые зубы. — Купить все можно, если господа не будут дорожиться, конечно!

Михаил Степанович в сопровождении охотника и еврея отправился на двор, откуда скоро стали доноситься громкие возгласы последнего и урезонивания Свирида Онуфриевича и слуг, показывавших лошадей и вещи.

Часа через два по довольно широкой дороге, разрезавшей густую чащу лиственного леса, вихрем, по-сибирски неслись три тройки, унося путешественников и кладь их к селу Тинскому, лежащему на главном тракте из Москвы в Иркутск.

В Тинском путешественники расстались с татаринком.

Щедро вознагражденный за труды, бывший проводник вышел проводить их на дорогу и долго стоял, глядя вслед удалявшимся бричкам. Через несколько времени и он покати́л, но в другую сторону, к Красноярску, принятый за недорогую плату обратным ямщиком.

XVII.

Почти через неделю ученые завидели со взгорка главы церквей и крыши домов столицы Сибири — Иркутска.

— Громадный город! — заметил Иван Яковлевич, вооружившись двойными очками и рассматривая котловину, в которой лежит город.

Охваченный широкой лентой воды, Иркутск стоит на полуострове; позади него, влево и вправо, тянется волнистая линия гор, покрытых лесами.

— Это так только кажется, что он очень велик! — возразил ехавший с ним Михаил Степанович. — Мы слишком

отвыкли от городов в лесу.

Сытые крепкие кони вихрем помчались под гору

— Однако, потише, потише! — восклицал Иван Яковлевич, то и дело подскакивая в тележке и уцепившись изо всей силы руками за край ее.

Ямщик, молодой малый, только ухмылялся в русую бородку, и скоро каменная мостовая загремела под колесами перекладных. По обеим сторонам замелькали деревянные дома, прохожие, изредка попадались церкви — каменные или бревенчатые, и наконец путешественники остановились у длинного одноэтажного здания с верстовым полосатым столбом у крыльца.

— Была езда! — проговорил палеонтолог, вылезая из накренившейся под ступнею его тележки и потирая бока, и спину, порядочно пострадавшие от толчков во время бешеной скачки.

— Хорошо! Люблю лихую езду! — восклицал спутник его Свирид Онуфриевич, давая на чай ямщику. — Т. е. черт меня поberi — летишь, и дух мрет! Молодцы! умеют ездить!

Ямщики кланялись и улыбались.

Пробыть в Иркутске путешественники решили целые сутки: Михаил Степанович, как заведующий хозяйственной частью экспедиции, должен был сделать огромное количество разных закупок для предстоявшего странствования в пустынных горах.

День прошел незаметно — в прогулках по городу и поисках достопримечательностей, к сожалению, отсутствующих в этом сравнительно молодым и далеко не благоустроенном городе.

Зато быстрая и могучая Ангара приводила всех в восхищение. Чистота воды в ней такова, что на глубине четырех и более саженей можно различать на дне камни и оттенки цветов их. Но жители Иркутска скорее боятся, чем любят свою вечно холодную, кристальную реку-загадку. Она единственная река, вытекающая из озера-моря, лежащего на шестьдесят пять саженей выше, чем город, всего в шестидесяти пяти верстах от него. Все реки разливаются весной,

— Ангара поздней осенью; замерзает она только в декабре и замерзает снизу, со дна, и лед, подымаясь на поверхность, выносит камни, рыб и затонувшие предметы; замерзает она далеко не вся: там, где встают острия подводных скал, вода кипит и ревет и в жесточайшие морозы, взметывая на воздух снопы брызг, мгновенно превращающихся в серебро и бриллианты из снега и льдин.

В семь часов утра следующего дня почтовые кони мчали путешественников уже мимо Вознесенского монастыря, где почивают мощи известного сибирского святителя Иннокентия.

Монастырь расположен на самом берегу Ангары, в пяти верстах от Иркутска, и город из него виден как на ладони.

— Увы, все хорошо только издалека! — философски заметил Павел Андреевич, глядя на Иркутск.

Дорога свернула прочь от извилин реки и пошла, прямая как стрела, через веселые лиственные леса по взгорьям.

Версты и станции летели мимо незаметно.

Около полудня Михаил Степанович поднялся вдруг в бричке и, ухватясь одной рукой за плечо ямщика, другую вытянул вперед.

— Смотрите, Байкал! — восторженно проговорил он Ивану Яковлевичу. — Байкал, господа! — крикнул он затем, повернувшись к ехавшим позади.

Впереди, словно в широких воротах из убранных зеленою громадных скал, блеснула красавица Ангара. Дальше голубела бесконечность; в чуть лиловом тумане с правой стороны выдвигались неясные и прихотливые как грезы очертания далеких гор.

— Это же сказка, сказка... — повторял Иван Яковлевич, любуясь замечательной картиной.

Михаил Степанович радовался и нервничал, будто перед свиданьем с давно оставленными близкими людьми.

— А вот и Лиственичное... — сказал он, указывая на показавшуюся впереди группу низких, разбросанных домиков с часовой посредине. — Это пристань, откуда мы и

поедем... Горы-то, горы какие кругом, Иван Яковлевич! Ведь вышина их до семи тысяч футов и более!

— А какова величина Байкала? — осведомился Иван Яковлевич.

— Шестьсот верст в длину и до восьмидесяти в ширину. Скоро мы увидим Шаманский камень: теперь он кажется слившимся с тем берегом.

— Это что такое?

— Скала, вернее, гора, стоящая на середине Ангары, саженьях в стах от истока. Этот «камень», как зовут его здесь, пользуется большой известностью среди бурят. Если они подозревают кого-нибудь в худом деле, то ведут его сюда — случается, из-за сотни верст — перевозят ночью на камень и заставляют клясться в невинности. Камень они считают жилищем онгонов — духов, — и никто из бурят не рискнет солгать на нем. Бывают случаи, что людей оттуда привозят в обмороке и даже помешавшимися, — такое впечатление производит обстановка присяги на нем. Смотри-те: камень теперь ясно виден!

Часть левого берега, казалось, вдруг отделилась и стала грозно расти в ширину и вышину перед глазами путешественников.

Ангара рвалась вокруг черных отвесных стен ее как бешеная.

— Здесь река не знает льда даже в лютейшие морозы, — продолжал Михаил Степанович. — Глубина около этой скалы неимоверная! И знаете, Шаманскому камню недаром молва придает сверхъестественное значение: от него зависит судьба Иркутска.

— Как так? — удивился Иван Яковлевич.

— Он служит плотиной, удерживающей Байкал: уничтожьте его, и воды озера ринутся разом в Ангару и во мгновение ока снесут Иркутск с лица земли.

Тройка остановилась у старенького здания станции; подскакали и остальные две, и началась суматоха и разгрузка вещей.

Несколько человек бросилось к путешественникам, предлагая свои услуги для водворения их на перевозный паро-

ходик, уже дымившийся у старой пристани-баржи, причаленной к довольно длинным и ветхим мосткам.

Михаил Степанович отказал и послал одного из ямщиков за лодочниками; тем временем проголодавшиеся путешественники потребовали обед и с наслаждением занялись истреблением знаменитых пельменей и не менее знаменитых омулей, одной из вкуснейших и нежнейших рыб из породы сига.

После обеда, когда пошли переговоры и торги с лодочниками, Антон отправился в часовню и там перед образом угодника Николая отслужил молебен о благополучном дальнейшем путешествии и за свое избавление от смерти. Это был уже второй: первый он отслужил в Иркутске.

Приключение на болоте и спасение его каторжниками-убийцами произвели в нем сильный нравственный переворот: старик потерял прежнюю самоуверенность, стал тише и внимательнее ко всем.

Пока Антон служил молебен, а остальные члены экспедиции гуляли по Лиственничному, любуясь красотой озера, Михаил Степанович покончил дело с одним из рыбаков — владельцем лодки. Самая большая из них, — рода полубаркаса, с экипажем из трех человек, поступила в полное распоряжение путешественников на два месяца.

Михаил Степанович осмотрел ее и приказал тотчас же снаряжать и грузить. Отплытие было решено на следующий день.

Сумерки застали путешественников уже в постелях; сладко — отдохнуть и протянуть усталые члены на свежих простынях постели после долгой и тряской скачки на перекладных!

XVIII.

Еще до зари, как бы предвещая удачу, начал слегка надувать баргузин — так зовут прибайкальцы восточный ветер.

Над Байкалом стоял туман. На молочной гуще его чернела только одна, близко стоявшая от берега большая лодка, с поставленной мачтой; зыбь слегка покачивала ее; и она мерно кланялась земле, на которой около двух челноков стояли кучки мужчин, детей и женщин, поджидавших путешественников.

Слух, что приехали из России какие-то господа, собирающиеся сделать пятьсот с лишком верст на лодке для того, чтобы прочитать не интересные никому надписи на «камнях», разумеется, задел за живое небольшой поселок, и всем захотелось поближе взглянуть на чудаков, затеявших, по общему мнению, такое пустое дело.

Путешественники, между тем, оканчивали чаепитие и, когда вышли на крыльцо, то невольно остановились перед открывшейся им вдруг картиной.

Всходило, еще не видное из Лиственичного, солнце. Байкал и берег его были засланы туманом, а высоко над ним, на бледно-голубом небе ярко сверкали, будто отделившиеся от земли, снеговые вершины гор.

Даже равнодушный к красотам природы Павел Андреевич пришел в восхищение и долго не мог отвести глаз от волшебной сказки, въявь показавшей ему одну из страниц своих.

Сотни призраков из тумана извивались и таяли; лучи солнца прорвали наконец завесу его и брызнули расплавленным серебром на поверхность озера.

Перед путешественниками открылось безграничное синее море, окаймленное слева и справа прихотливыми гирляндами гор; зеленые пятна лесов на них чередовались с фиолетовыми, сине-черными и красноватыми выступами обнаженных скал; белые снеговые вершины высоко подымались кое-где над всем этим миром скал и лесов, не-

приступные и величавые, как бы уединившиеся от него с какой-то думой.

Путешественники уселись по челнокам и отплыли от берега. Собравшиеся проводить их жители громко желали удачи и счастливого пути.

Маленькие лодки подошли к большой; путешественники перебрались в нее, разместились, и рыбаки стали подымать якоря и парус.

Лодка медленно двинулась вперед.

С берега махали шапками; ученые отвечали тем же; Антон и Филипп усердно крестились на часовню Св. Николая.

Через несколько минут Лиственичное и кучка людей на берегу остались далеко позади; неуклюжая на вид лодка быстро шла вперед, рассекая плескавшие в правый борт ее небольшие волны.

Правивший парусом коренастый, загорелый рыбак отошел от берега версты на две и повернул вдоль его прямо к северу. Ветер наполнил выгнувшийся парус, и лодка понеслась еще быстрее.

Вдали изредка показывались большие, какой-то уродливой формы высокие и короткие парусные суда, невольно привлекая к себе внимание путешественников.

— Совсем точно китайские джонки! — заметил Павел Андреевич.

— Согласен, — отозвался Михаил Степанович. — Только джонки обыкновенно бывают покрыты резьбой и разными вычурами, а эти совсем гладкие.

Ветер свежел, но к общему удивлению, волнение от него не увеличивалось. Последствий от мелкой качки никто не чувствовал.

Вдоволь налюбовавшись природой и насладившись бодрящим и животворным воздухом «Святого моря», путешественники занялись каждый своими делами.

Михаил Степанович отправился на корму с удочками в руках; Павел Андреевич принялся за разборку костей, которые, несмотря на все убеждения Михаила Степановича, ни за что не хотел оставить в Лиственичном до возвраще-

ния из поездки; Иван Яковлевич погрузился в чтение какой-то книги; Свирид Онуфриевич чистил ружье, готовясь к новым охотничьим подвигам в далеком и пустынном краю.

День прошел незаметно.

К закату солнца ветер утих совершенно, и тяжелая лодка медленно, на одних веслах, направилась к берегу; ночевать решено было на земле.

Стали показываться острые вершины подводных скал; лодка огибала их одну за другой и вошла под высокую арку, пробитую волнами в мысе, возвышавшемся в виде тонкой зубчатой стены из вод озера. За аркой открылась крохотная, закрытая с трех сторон бухта.

Загребели цепи, и якоря с тяжелым плеском упали в воду.

Путешественники пересели в маленькую лодку, привязанную за кормой, и после нескольких взмахов весел очутились на берегу.

Пока разводили огонь, расставляли палатки и готовили ужин, Иван Яковлевич и Павел Андреевич, свобод-

ные от хозяйственных хлопот, прогуливались по отмели.

Старый ученый нагнулся и поднял какой-то красивый, синевато-бело-радужный камешек.

— Посмотрите, — сказал он, протягивая находку своему спутнику. — Какой оригинальный цвет!

— Это лунный камень, вид полевого шпата, — ответил Павел Андреевич. — И вон еще такой же лежит. Э, да здесь, должно быть, целая россыпь их! Давайте искать, Иван Яковлевич!

Берег впереди сплошь был устлан мелким гравием, среди которого попадаются в тех местах опалы, аквамарины и т. п. Но Байкал оказался скупым на этот раз: несмотря на усердные поиски ученых, они ничего не нашли.

Было уже одиннадцать часов, когда засидевшиеся за ужином и за разговором путешественники поднялись наконец и стали расходиться по палаткам. Михаил Степанович один направился к озеру и долго молча стоял у воды.

В самой выси темно-синего неба, в мягком сиянии лучей плыл полный месяц; на безграничной, дымчато-тусклой поверхности воды чуть шевелилась золотистая полоса воды. Берег спал. Скалы и леса неясной чередой уходили вдаль; над ними вставали сказочно-прекрасные сине-серебряные вершины гор.

Сильная свежесть заставила Михаила Степановича вздрогнуть и вспомнить о сне и теплой постели. Он окинул еще раз взглядом незабываемую картину и бегом пустился к палатке, из которой слышался уже богатырский храп Свирида Онуфриевича и Павла Андреевича.

ХІХ.

Ясное безветренное утро заставило путешественников выехать на веслах. Тяжелая лодка медленно разрезала сверкающую, зеркальную поверхность озера, и все пользовались возможностью рассматривать дно озера сквозь кристаллически чистые воды его.

Палеонтолог выудил рукой и с недоумением на лице принялся нюхать и рассматривать какой-то странный, мягкий и легкий комок темно-коричневого цвета.

Михаил Степанович смотрел на него и улыбался.

— Это горный воск, — заметил наконец он. — Его и купоросного масла много здесь вытекает из прибрежных скал.

— И на что сие нужно? — спросил палеонтолог.

— Здесь им лечат и очень успешно от ревматизма.

Павел Андреевич помял еще немного воск в руках и выбросил его за борт.

— Посмотрите, — с оживлением сказал вдруг палеонтолог, — сколько пузырьков показалось вдруг на воде: она точно закипает.

Не успел он договорить, как на огромном расстоянии кругом, словно каким-то чудом, вздыбились волны. Лодку с силой качнуло в сторону, и стоявший на носу с трубкой в зубах Свирид Онуфриевич взмахнул руками и упал за борт.

Гребцы и Михаил Степанович бросились на помощь и, едва удерживаясь на ногах от необычной, мотавшей лодку из стороны в сторону качки, дружными усилиями вытащили из воды фыркавшего как морж охотника. Трубка и шапка его погибли в озере. Вода с него лилась ручьями.

Все остальные сидели, крепко уцепившись руками кто за что мог, и испугом глядели на внезапные судороги озера: беспорядочные толпы волн метались и сталкивались друг с другом, лодку кидало в этом хаосе то вперед, то назад, и она зарывалась в воду то кормой, то бортом, то носом. Михаил Степанович и рыбаки увещевали остальных но пугаться.

Через какие-нибудь полчаса озеро стихло, и вокруг путешественников опять заголубела беспредельная гладь.

Свирид Онуфриевич, истощив весь лексикон русских и малороссийских ругательств, принялся с помощью Филиппа за переодевание.

— Что это было? — в глубоком изумлении обратился Иван Яковлевич к Михаилу Степановичу. — Полное безветрие — и вдруг такая история!

— У Байкала много необычайностей, — ответил Михаил Степанович. — То вдруг ни с того, ни с сего вскипит как в котле какая-нибудь часть его, то от слабого ветра разыгрываются волны, как от урагана; а зачастую сильнейший шалон* подымает только легкую зыбь.

— Отчего происходят подобные явления?

— Достоверно не известно, — сказал Михаил Степанович. — Предположений много, но все они, на мой взгляд,, маловероятны.

— Так что мы, ни с того, ни с сего можем вдруг перевернуться вверх дном в самую лучшую погоду? — проговорил Павел Андреевич, поглядывая на горизонт.

— Если будем зевать с парусом, то да. Но у нас такие опытные молодцы, — Михаил Степанович кивнул на лодочников, — что можете не опасаться !

К полудню начал подувать юго-восточный ветерок; безжизненно висевший парус встрепенулся, выгнулся лебединой грудью, и лодка ходко пошла вперед.

Усталые гребцы сложили весла; Василий подсел на корму к рулевому, и оттуда, сперва тихо, потом все громче и громче слышались звуки гармоника. Разговоры прекратились.

Василий играл недурно; вода далеко и отчетливо разносила «Травушку», и грусть, неясная, как необъятная даль, как след от лодки на шири вод, охватила путешественников.

Ночь провели опять на берегу.

К вечеру третьего дня плавания на горизонте впереди стали обрисовываться странной формы, как бы вытянутые вверх облака.

— Ольхон! — проговорил Михаил Степанович, поглядев на них в бинокль. — Мы сделали треть пути, господа!

— Разве это не облако? — спросил у него Свирид Онуфриевич.

* Так называют байкальцы особенно сильный ветер.

— Нет, это горы острова. Но до него самого еще очень далеко!

Небо, между тем, стало хмуриться; зыбь на воде улеглась; озеро почернело и приняло зловещий оттенок; над берегом, из-за гор показалась белесоватая кайма тучи. Парус вдруг бессильно повис и заполоскал на мачте.

— Будет буря! — с тревогой сказал Иван Яковлевич, оглядываясь на тучу. — Надо бы скорее к берегу, Михаил Степанович!

Но на молодого этнолога нашло опять какое-то напряженно-восторженное состояние.

— Будет буря? Опасно остаться на озере? — обратился он с вопросами к рулевому.

Рыбак внимательно поглядел на небо, затем на даль кругом и отрицательно качнул головою.

— Гроза будет! — ответил он обычным голосом. — А иное что вряд ли... На бурю не похоже!

— Иван Яковлевич, Павел Андреевич, останемся тогда на озере! — почти с умоляющим видом обратился этнолог к обоим ученым. — Гроза — это такая красота, такой восторг, что вы должны увидеть ее!

— Но мы же увидим ее и с берега! — возразил Иван Яковлевич.

— С земли не то! — горячо сказал Михаил Степанович. — Уверяю вас, что безопасность будет полная, над нами даже грозы не будет: они не переходят через Байкал!

— Что вы говорите?! — воскликнул старый ученый. — Может ли это быть?

— Истинная правда! — вмешался в разговор рулевой. — Михаил Степанович верно определили: гроза не пойдет через море.

— А как же она пойдет?

— А кругом над берегом.

— Это любопытно! — сказал заинтересованный Иван Яковлевич. — Непременно надо посмотреть! Павел Андреевич, вы ничего не имеете против?

— Ровно ничего, — ответил тот. — Чрезвычайно интересно, если только не пойдем ко дну.

Гребцы сложили весла, и лодка, пройдя еще некоторое пространство, заштилела совершенно.

Туча увеличивалась; темнело так, что различать что-либо саженьях в десяти от лодки стало немыслимо. Донесся отдаленный гул, словно от пробежавшего где-то громадного табуна.

Блеснул синеватый свет, отчетливо выделилась на миг линия береговых скал, и прокатился громовой удар. Стогolosым эхом крикнул в ответ ему скрытый во мраке берег. Небо открылось над ним и дохнуло синим огнем; вырсысывались неподвижные очертания гор, сверкнули снега на них, и грохнул оглушительный залп. Казалось, скалы и горы ожили во тьме. Гул и хаос могучих криков земли донеслись от нее.

— Смотрите, Ольхон, Ольхон! — сказал стоявший у мачты Михаил Степанович.

Гроза обняла не только весь левый берег, но стала заворачивать и вправо. Молнии бороздили тьму поминутно; горы острова явственно выступали при блеске их.

Скоро путешественники оказались как бы в центре огненного кольца. Небо, казалось, с грохотом и треском рвалось о вершины гор, разило их огнем и потрясавшими мир ударами; скалы и горы, страшные, взъерошенные, ожившие, боролись и отвечали сотнями ударов.

Справа от лодки вспыхивали только зарницы, заливавшие с той стороны горизонт таинственным светом; слабый гул долетал по воде и оттуда, но правого берега видно не было. Озеро не шелохнулось.

— Это ад, ад разверстый... — повторял про себя Ивав Яковлевич. — Дант нужен, чтобы описать его!...

Не прошло и часа и гроза кончилась; гром утих; изредка вспыхивал фантастичный свет зарниц, придававший всему какой-то сказочно-волшебный вид; Байкал начал поплескивать волнами.

Лодка направилась к берегу.

Красивый издалека Ольхон вблизи оказался далеко не таким. Обнаженные, пустынные скалы утрюмой, бесконечной чередой встали перед глазами путешественников утром другого дня.

Кое-где сквозь ущелья чернели мрачные хвойные леса; не замечалось нигде и следа присутствия человека.

Зато несметные стаи серых гагар и белых чаек осыпали весь берег и отдельные камни, выдвигавшееся из воды. Крик и гам их разносились над водой.

Громадный остров тянулся нескончаемо; путешественники уже отобедали, когда наконец последний слоистый выступ его, похожий на высокий песочный торт, остался позади; впереди, вправо и влево расстилалась безграничная водная даль; справа, как бы на острове, из нежного голубого тумана подымались очертания неясной розоватой горы.

Михаил Степанович указал на нее спутникам.

— Святой Нос, — сказал он. — Еще два дня, и мы будем на месте.

Павел Андреевич тяжело вздохнул: он не запасся книгами, и путешествие на лодке начало надоедать ему.

Зато остальные не замечали времени. Антон устроил своему барину род столика, прикрепив над ним зонт, и старый ученый работал с комфортом, как у себя в кабинете. Михаил Степанович и Свирид Онуфриевич с увлечением предавались рыбной ловле; на корме у ног их то и дело неистово отплясывали, сверкая чешуей, только что выхваченные из воды омули и голомянки*.

Поздним вечером, на седьмой день плавания, лодка путешественников причалила наконец к месту назначения.

Глубоко вдавшуюся в берег бухту обступали почти отвесные, черные горы; месяц обливал их синеватым светом;

* Эта любопытная рыба, принадлежащая к живородящим, насколько известно до сих пор, водится лишь в Байкальском озере.

на двуглавой вершине одной из них в каком-то фосфорическом сиянии лежал снег. Тишина нарушалась только легким шумом, несшимся из ущелья, выходявшего к бухте; из него выбегала к озеру небольшая горная речка.

— Вот наш путь! — сказал Михаил Степанович, указав на ущелье.

— Как, опять на лодке? — почти с ужасом воскликнул палеонтолог.

— Нет, река слишком мелка, — ответил Михаил Степанович. — Надо будет идти пешком!

— Но это совершенное преддверие ада! — заметил, осмотревшись, старый ученый. — Горы буквально давят нас... Какое в сущности мы ничтожество, господа! — добавил он.

Прислуга и рыбаки деятельно хлопотали, устраивая палатки и приготовляя ужин.

Путешественники подошли к полному мрака ущелью и долго стояли, слушая гул реки.

— Мы приехали искать историю каких-то людей, — начал Павел Андреевич, опершись о скалу, — а ведь каждый камень, каждый пласт — целый роман, летопись, свидетель величайших периодов жизни земли! Читайте только эту книгу, и она расскажет то, что и не снилось еще никому из нас!

— Присутствие человека делает ее еще интереснее! — заметил Михаил Степанович.

Все вернулись к месту бивака, где уже ожидала их ароматная уха из наловленной рыбы.

Долго не расходились по своим палаткам путешественники; обаяние ночи и близость цели гнали сон прочь от них.

Раннее утро, тем не менее, застало всех на ногах; даже тяжелый на подъем Павел Андреевич, и тот проснулся сам и, насупившись, натягивал огромные сапоги.

Решено было, что рыбаки останутся на берегу ожидать возвращения путешественников. Запасы провизии и разобранные палатки были разделены на равные части и подвязаны к спинам господ и слуг; только старый ученый,

несмотря на протесты, не получил никакой ноши. Путешественники вооружились палками, припасенными Михаилом Степановичем и, простившись с лодочниками, вошли в ущелье.

Солнце не проникало в узкую расщелину его, крутыми зигзагами пробитую в отвесах скал.

Речка, сажени четыре в ширину, вся в пене, шумно и быстро неслась по заваленному камнями руслу. На правом берегу ее, между стенами гор и водой оставалось узкое пространство, по которому и направилась вереница путешественников. С другой стороны вода яростно бросалась на самые скалы; местами заметны были громадные подмывы внизу их.

Растительность отсутствовала совершенно.

Идти по беспорядочно наваленным обломкам камней было нелегко.

— Случись где-нибудь дождь в горах, и мы в одну минуту превратимся в бифштексы! — проворчал сквозь зубы Павел Андреевич, с недоверием поглядывавший на речонку.

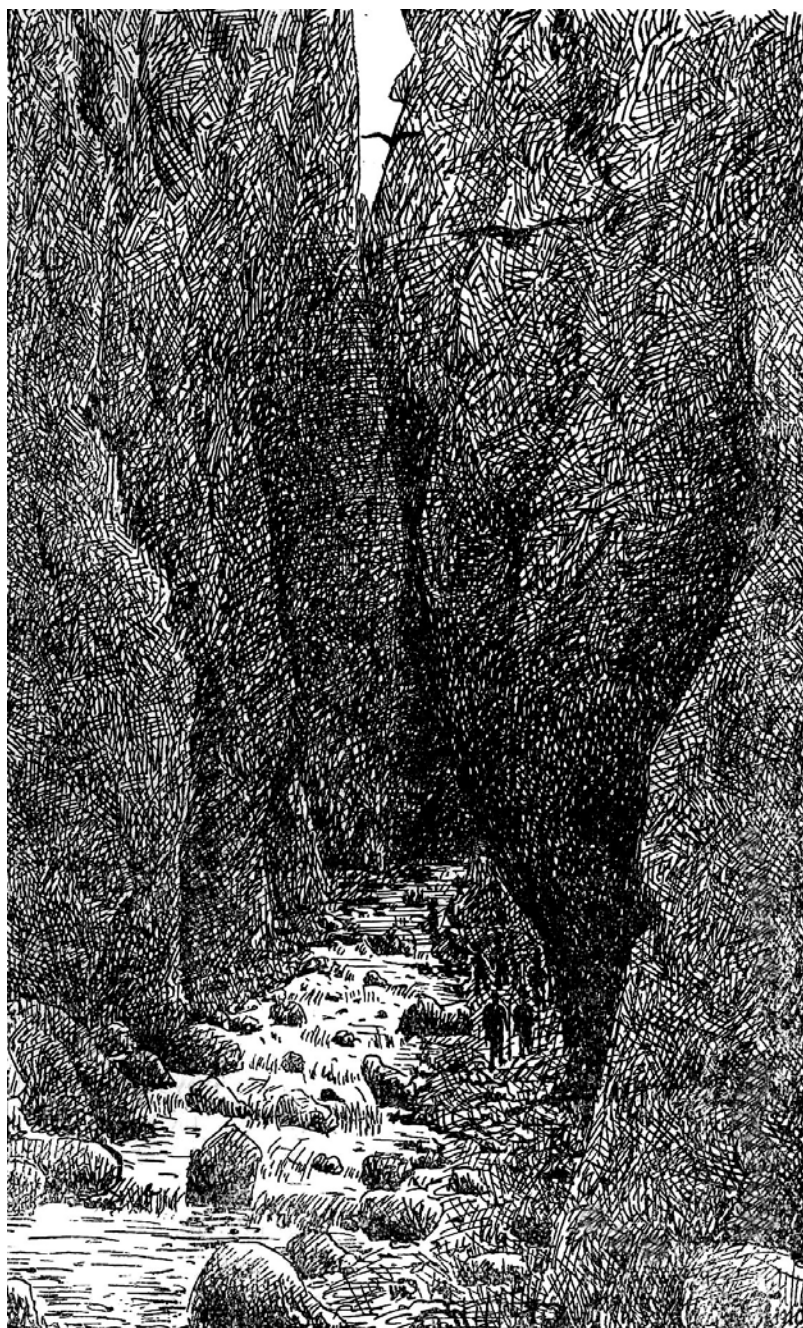
Он был прав: самые опасные места в горах именно долины ручьев и речонок, имеющих свойство мгновенно превращаться в грозные потоки.

Близ полудня ущелье стало расширяться; горы с левой стороны вдруг понизились и скоро сменились зелеными веселыми холмами.

Справа скалы повышались. Оказалось, что они составляют только подошву горы, уходящей в самое небо столбообразной вершиной.

Еще четверть часа пути, и перед утомленными тесной глазами путешественников развернулся простор: слева за широкой степной равниной громадными уступами подымались один над другим полукруги горных цепей. Справа, заслоняя полмира, вставала черная как ночь, покрытая глубокими расселинами базальтовая* гора. Речка, тихо журча, ласкалась у самой подошвы ее. Странная ска-

* Базальт — плотная темная порода вулканического происхождения.

ла, имевшая форму обелиска**, наклонно поставленного на крутом скате горы, сразу привлекла внимание всех путе-шественников.

Михаил Степанович указал на нее пальцем.

— Вот, произнес он. — Вот она!

На вершине обелиска выступала высеченная надпись, сохранившаяся наверху и уничтоженная снизу.

Солнце ярко освещало ее.

Иван Яковлевич снял с себя шапку.

— *«Я, царь царей...»* — с расстановкой прочел он слегка дрожавшим голосом знакомые слова. — Мы с вами в колыбели человечества, — это место свято, господа!

Волнение, овладевшее ученым, было настолько сильно, что Михаил Степанович с помощью Свирида Онуфриевича едва уговорил его сперва закусить, а затем идти исследовать гору.

На одном из плоских обломков скал, на берегу реки Антон разостлал скатерть. Вместо стульев Филипп и Василий натащали камни, и путешественники с давно не испытанным комфортом принялись за холодный, но тем не менее вкусный обед.

Оценил его, впрочем, по достоинству только один Свирид Онуфриевич; остальные глотали все впопыхах и, окончив, поспешили к реке.

Она оказалась неглубокой: вода не достигала и до лодыжки сапог. Начался трудный подъем на обнаженные камни. Павел Андреевич внимательно рассматривал каждую трещину, каждое углубление, попадавшееся им на пути. Гора была из сплошного базальта.

У подножия громадного обелиска ученые остановились; было несомненно, что когда-то здесь подымалась скала, обсеченная затем руками людей в прямоугольный, источенный теперь временем памятник.

Иван Яковлевич нащупывал руками и тщательно разглядывал каждую черту, каждую выпуклость на нем, но ни-

** Обелиск — четырехгранный суживающийся кверху столб, заканчивающийся заострением.

чего кроме прочитанных ранее слов, разобрать нельзя было: время уничтожило все остальное.

Кто был этот гордый «царь царей», что он сделал славного, что уничтожил — оставалось тайной. Ничего похожего на какие-нибудь остатки старины не было; кругом угрюмо чернели обнаженные, растрескавшиеся ребра горы. Солнце жгло немилосердно; даже ноги путешественников чувствовали сквозь подошвы сапог раскалившиеся камни.

Ученые разбрелись по разным направлениям. Свирид Онуфриевич продолжал сидеть за каменным столом и то покуривал новую трубку, то попивал вино, нетронутая бутылка которого осталась в единоличном его распоряжении, и поглядывал на товарищей, казавшихся ему чем-то вроде мух на скате горы.

После долгих поисков исследователи собрались у обелиска и, укрывшись в тени за ним, расположились отдыхать.

Все были глубоко разочарованы.

— Так-таки совсем ничего, кроме вашей надписи! — воскликнул Иван Яковлевич. — Это же немыслимо! Я был убежден, что здесь, именно здесь, — старый ученый топнул ногой, — мы найдем ключ к разгадке! И ничего! Где же искать еще? — продолжал Иван Яковлевич, озирая окрестность. — Мое решение неизменно, господа: вам как угодно, а я останусь здесь и буду искать, пока не найду!..

— Что? — с усмешкой спросил палеонтолог.

— Не знаю. Но что-то подсказывает мне, что я найду нечто особенное; я верю в предчувствия, господа!

Крик, донесшийся от реки, привлек их внимание. Михаил Степанович встал и посмотрел вниз: в воде, посередине реки, стоял Василий и, махая руками, кричал что-то; с противоположного берега к нему бежали Антон и Свирид Онуфриевич.

— Что-то случилось там, — сказал Михаил Степанович своим спутникам. — Уж не открыл ли Василий что-нибудь у реки?

Этих слов было достаточно, чтобы уставший от лазанья по горе Иван Яковлевич вмиг очутился на ногах и заторопил сходом вниз.

Спускаться оказалось еще неприятнее, чем подниматься; несколько раз чуть-чуть не сорвавшись с довольно высоких и точно отполированных обрывов, исследователи очутились через некоторое время около остальных своих спутников, хлопотавших вокруг малозаметной на общем черном фоне какой-то овальной впадины.

— Филипп провалился! — встретил Василий спускавшихся с горы.

— Глубоко? Жив? — встревоженно спросил Михаил Степанович, нагибаясь над провалом.

Из темноты его слышались стоны; на расстоянии приблизительно сажен двух от поверхности земли можно было различить сидевшего Филиппа.

— Жив! Слепая кляча, этакая! — с сердцем ответил Свирид Онуфриевич, разматывая вместе с Василием пук толстых веревок. — Как мы теперь такого борова вытащим? Эй, Филипп, — крикнул он в яму, — можешь задержаться за веревку?

— О-ох... — донеслось в ответ.

— Надо лезть... Я спущусь! — заявил Михаил Степанович.

Обязаться веревкой, сесть на край провала и затем повиснуть в нем — было для молодого этнолога делом одного мгновения.

Свирид Онуфриевич и все остальные ухватились за другой конец и медленно спустили Михаила Степановича.

— Тяните! — послышался минуты через две окрик его.

Все дружно налегли на веревку и не без усилий вытащили красного как вареная свекла Филиппа. Вид у него был перепуганный донельзя, глаза вытаращены.

— Расшибся? Кости целы? — спросил Свирид Онуфриевич, ощупывая руки и плечи своего «личарды».

Филипп стоял как бык, сопя вместо ответа.

— Что ж ты молчишь? — сказал Иван Яковлевич. — Ушибся ты или нет?

— Дюже спугался... — ответил тот наконец таким замирающим от страха голосом, что никто не смог удержаться от улыбки.

— Слушайте! — глухо донесся из провала зов Михаила Степановича. — Здесь ход какой-то есть! Надо фонарей, веревок побольше!

Пришла очередь встрепенуться Павлу Андреевичу.

— Что за ход? — крикнул он. — Не пещеры ли?

— Возможно... — послышалось со дна провала. — Трудно что-нибудь разобрать впотьмах. Несомненно, есть что-то!..

Подземная экскурсия была решена единодушно.

Василий и Антон отправились за фонарями, веревками и запасом воды и провизии: экскурсия могла затянуться на несколько дней.

Наверху, у провала, в качестве караульных при палатках и остальном имуществе, постановили оставить Василия и Филиппа.

Антон выразил непреклонное желание сопровождать своего барина хотя бы к самому центру земли.

Не прошло и получаса, как пятеро смелых путешественников уже стояли на дне провала с зажженными фонарями и мешками за спинами.

Над ними голубел клочок неба, виднелись наклоненные лица Филиппа и Василия.

Оставленный хозяином Кузька бегал по краю и то возбужденно лаял, то принимался выть.

— Счастливого пути! — крикнул Василий. — Антон Иванович, кресты-то на стенах не забудьте мелком ставить!

— Не забуду!.. — глухо послышалось снизу. И тусклые желтые огоньки, освещавшие ноги путешественников и нижние неровные части стен каменного колодца, исчезли.

— Ушли... — проговорил долго прислушивавшийся к шаркавшим звукам шагов Василий. — Куда, милый человек, наука-то людей заводит?!

Филипп не ответил: он все еще отдувался и ощупывал бока свои, как бы сомневаясь в целостности их.

Ход оказался извилистой, треугольной расселиной; неровные черные стены ее покрывали выступы и глубокие впадины. Фонари слабо освещали густую мглу впереди, и продвигаться вперед приходилось с осторожностью.

Антон, замыкавший шествие, через каждые сорок-пятьдесят шагов останавливался и аккуратно начерчивал большие белые кресты на правой стене.

Пол прохода как будто мало-помалу понижался. Через некоторое время на путешественников вдруг резко повеяло холодом. Свод над головами их ушел в высь, недостижимую для света фонарей, и вдруг исчез совершенно: путешественники увидали полосу бледного неба и гигантскую снеговую гору с выставившимися из нее прозрачными ледяными утесами; она подымалась со дна глубокой, мрачной и узкой пропасти, в которую привел подземный коридор, и преграждала путь.

С большими усилиями, подсаживая и втаскивая друг друга на веревках и палках, удалось наконец путешественникам взобраться по утесам на снеговую гору; под ногами очутилась бездна; вверх, до края пропасти оставалась приблизительно еще такая же величина.

— Какие мы песчинки, господа! — произнес Иван Яковлевич, стоя почти по пояс в снегу и глядя на иззубренные отвесы стен по сторонам. — Какая глубина!

— Да, колокольня Ивана Великого, вероятно, уставилась бы здесь так, что снаружи и не видна бы была! — сказал Михаил Степанович.

Палеонтолог освещал своим фонарем камни стен и внимательно рассматривал строение их.

— Осторожнее! — крикнул ему охотник, вдруг исчезнув в снегу почти по шею и выбираясь из него с помощью Антона и Михаила Степановича. — Не провалитесь там у стены.

Павел Андреевич вернулся к остальным.

— Все базальт... — проговорил он. — Подобный чудовищный массив я вижу впервые!

— Вот бы оттуда сверзиться! — заметил Свирид Онуфриевич, кивнув головой на грозно висевшие наверху утесы. — Мое почтение, что за лапша бы вышла!

Саженой через сорок снеговой завал уходил во тьму; путешественники невольно подняли головы кверху: неба дальше опять видно не было; часть свода, закрывавшего пропасть, вероятно, некогда рухнула, благодаря чему и образовалась на такой глубине мощная гора из снега и льда.

Спускаться предстояло в полную неизвестности темноту, может быть, в еще более глубокую пропасть, чем пройденная.

Путешественники остановились и стали советоваться.

— Уж раз пошли, так пойдем до конца! — воскликнул Михаил Степанович. — Если не совсем удачны наши археологические изыскания, так побываем по крайней мере в самой глубине земли!

— Да здравствует энциклопедия! — насмешливо сказал палеонтолог и, выставив вперед фонарь, первый вступил в темноту, где смутно обозначалась только полоса снега.

Почти в ту же секунду желтый свет описал круг в воздухе, как бы от взмаха фонаря, послышался звон разбитых стекол, вскрик, и палеонтолог исчез из глаз остальных.

Михаил Степанович бросился за ним, но был схвачен сильными руками охотника.

— Стой! — решительно проговорил последний. — И вы слететь хотите? Осторожнее!

— Павел Андреевич! — крикнули они оба.

Глухой гул отозвался в ответ им. На месте катастрофы лежал только разбитый фонарь: палеонтолог поскользнулся на обнаженном льду и покатился вниз.

Перепуганные за него путешественники, рискуя ежеминутно подвергнуться той же участи, заторопились спуском. К счастью, обрывов не попадалось: склон шел вниз довольно покато.

На оклики ответа не было.

Едва удерживаясь на обледеневшем снегу, путешественники быстро скользили вниз, и вдруг фонари их тускло обрисовали какое-то неподвижное темное пятно впереди.

— Вы это? — крикнул Михаил Степанович.

— Я... — отозвался голое палеонтолога.

— Фу-ух!... Боже ты мой! — с облегчением вырвалось у охотника.

— Напугали же вы нас! — сказал Иван Яковлевич, скачываясь ближе. — Не ушиблись вы?

— Ничего подобного, — ответил Павел Андреевич. — Прокатился на спине и только.

— А струхнули, небось? Тоже ведь, лететь стремглав куда-то в темноту — мое почтение! — заметил охотник.

— Струхнул. Посветите пожалуйста получше, господа, — что это за бревно задержало меня здесь ?

Михаил Степанович и Свирид Онуфриевич поднесли фонарь к месту, указанному палеонтологом, и увидели, что ноги его упираются в какой-то толстый и черный, торчавший из снега обрубок.

Палеонтолог ощупал его руками, затем быстро подался вперед и стал пробовать высвободить его.

— Нож, у кого есть нож, господа? — поспешно сказал он. — Рубите лед кругом!

Свирид Онуфриевич вытащил охотничий кинжал и только что замахнулся им, как Михаил Степанович остановил его руку.

— Постойте, — проговорил он, — под нами есть что-то!

Четыре фонаря приподнялись и осветили странный предмет, не поддававшийся усилиям Павла Андреевича. Под синеватым слоем льда явственно обрисовывались очертания громадного животного.

— Да мамонт же это, господа! — крикнул взволнованный палеонтолог. — Ступня его меня задержала. Смотрите: целый совсем... шерсть... хобот... все цело!

Все с любопытством рассматривали диковинного допотопного зверя; сквозь прозрачный слой льда явственно виднелась длинная рыжая шерсть на спине и боках и громадные, круто загнутые к голове бивни. Размерами он значи-

тельно превосходил обыкновенного слона.

— Вырубайте же лед! — горячился Павел Андреевич. — Осторожнее только, ради Бога... не повредить бы его! Целый мамонт! Единственный в мире целый мамонт!

— Остановитесь, господа! — воскликнул Иван Яковлевич, увидав, что все четверо спутников его хотят приняться за работу. — Зачем мы будем тратить зря такую бездну времени?

— Как зачем? — воскликнул Павел Андреевич, совершенно потеряв свой обычный вид. — Высвободим мамонта! Ведь это редчайшая находка!

— Согласен; только что же мы с ним будем делать? Забрать с собой мы его не можем!

Увлечшийся палеонтолог опомнился.

— Вы правы. Как это обидно!! — с глубоким разочарованием в голосе произнес он. — Такой дивный экземпляр!

Путешественники долго рассматривали допотопного гиганта, как бы нарочно сбереженного природой для грядущих времен.

— Несомненно, сорвался в пропасть и погиб здесь в снегу, — высказал свое мнение палеонтолог. — Как давно, значит, скопьялась здесь эта ледяная гора!

— И сколько, вероятно, погребено в ней подобных находок, — добавил Михаил Степанович.

Путешественники благополучно спустились с горы и вступили в узкий проход, оказавшийся перед ними. Стены его были бурого цвета.

Базальт кончился; кругом подымался отвердевший как гранит песчаник.

Михаил Степанович несколько раз с особенным вниманием приглядывался к низкому своду и верхним углам прохода и наконец остановился.

— Знаете... — не совсем уверенно произнес он, — мне кажется, что этот коридор не естественный...

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Иван Яковлевич.

— Мне кажется, он вырублен руками людей, — ответил

Михаил Степанович. — Я даже уверен в этом, — поправился он.

Заинтересовался и Павел Андреевич, страшно огорченный невозможностью увезти мамонта.

— Почему вы так полагаете? — отнесся он к Михаилу Степановичу. — Стены и потолок совершенно в первобытном, изрытом виде.

— Изрыло их время. А вот взгляните на место соединения свода со стеной: видите остатки линии, видите, как она шла ровно. Природа так не провела бы ее.

Палеонтолог с сомнением покачал головой.

— Не думаю... Я не различаю никакой линии... Вижу несколько бугорков.

— Вот, вот: это и есть остаток, как бы пунктир от нее.

— Решительно, это ваша фантазия...

— Господа, а вы не находите, что время подзакусить? Я устал крепко! — вмешался в разговор охотник.

— А и правда! — согласился Михаил Степанович. — Действительно, страшно есть хочется!

Иван Яковлевич вынул часы и посмотрел на них, затем с недоумением приложил их к уху.

— Очевидно, они врут у меня, — сказал он. — Который теперь час?

Павел Андреевич вынул свой хронометр и тоже приложил его к уху.

— Нет, идут... Одиннадцать часов вечера, господа?

— У меня тоже, — подтвердил Иван Яковлевич.

— Да быть не может! — воскликнул Михаил Степанович. — Что значит увлечение, однако!

Путешественники уселись, кто на выступе стены, кто на полу, и принялись истреблять закуски, добытые из сумки Антона. Скоро все почувствовали, насколько утомила их целодневная ходьба и лазанье по снегам.

На ночлег решили остаться на том же месте, и вся компания улеглась в ряд на голый пол, поперек прохода; ни одеял, ни подушек ни у кого не было; вместо последних послужили сумки, покрытые сверху носовыми платками.

Антон выждал, когда все господа улеглись, и задул последний фонарь.

Глубокий мрак поглотил подземелье и приютившуюся в нем небольшую кучку людей.

Было тепло и немного душно.

— А какая толща земли над нами! — проговорил спустя некоторое время Михаил Степанович. — Подумать страшно! Заживо погребенные...

— Замолчите! — с досадой перебил его охотник. — Чего закаркали? — спать пора!

Все умолкли, и через несколько минут сон охватил усталых путешественников.

XXII.

Михаил Степанович пробудился как бы от толчка и открыл глаза.

Кругом висела непроницаемая, густая тьма; слева и справа слышалось ровное дыхание спавших товарищей.

Несколько мгновений Михаил Степанович находился в полном недоумении, где он и почему так особенно темно и тихо кругом, и отчего все они лежат рядом, а не в палатках: память его еще не совсем освободилась от оков крепкого сна.

Наконец он вспомнил все, чиркнул спичкой, чуть озарившей раскинувшегося рядом охотника и часть буро-желтой стены, и посмотрел на часы. Они показывали семь.

Михаил Степанович зажег стоявший у изголовья его фонарь и принялся будить спавших.

За малым количеством воды, вместо умыванья пришлось ограничиться вытиранием лица кончиками намоченных платков; путешественники закусили и двинулись в дальнейший путь.

Несмотря на полное отсутствие других ходов, Антон аккуратно продолжал метить крестами стены. Из экономии зажжены были только два фонаря.

Ход шел извилинами и то понижался, то подымался довольно круто.

Около одиннадцати часов утра путешественники слышали впереди какой-то неясный гул.

Спертый воздух сделался свежее, и все предположили, что близок выход. Мало-помалу стала ощущаться сырость; через несколько поворотов шедший впереди Михаил Степанович издал восклицание и остановился, подняв фонарь высоко над головою.

Бурые стены и свод исчезли под серебряно-белым покровом какого-то сплошного, густого как мох, налета: перед путешественниками открылся сверкавший белизной и искрившийся миллионами бриллиантов сталактитовый проход. Казалось, лютая зима намела вдруг на пол и на стены подземного коридора сугробы снега, убрала их иглами и узорами и целыми глыбами льда с сосульками и вырастила сверкающие елки и неведомые деревья.

Горный хрусталь и сталактиты выставлялись отовсюду.

— Что за чудо! — вырвалось у оцепеневшего на несколько минут Михаила Степановича.

Все фонари были зажжены, и путешественники принялись рассматривать удивительную работу природы.

Что ни шаг, открывались все новые и новые, самые прихотливые виды: кристаллические деревья сменялись вдруг прозрачным, частым лесом колонн, сквозь который с трудом протискивались путешественники; серебряные мхи на стенах превращались в изумительную чеканную и филигранную работы, о выполнении которых и подумать не осмелились бы лучшие художники-мастера земли.

В полном очаровании, медленно подвигались вперед путешественники.

— Здесь все так сказочно, — проговорил Иван Яковлевич, — что вот-вот ждешь еще чего-нибудь необычайного: появления гнома или иного сказочного героя; право, все было бы естественно здесь!

Гул увеличивался. Казалось, впереди работала какая-то гигантская паровая машина.

— Господа! — раздался возглас Михаила Степановича.

Он стоял на небольшом возвышении, словно на подоконнике; за ним в белой раме, инкрустированной горным хрусталем, зияло огромное черное окно.

Другого выхода не было.

— Смотрите! — сказал Михаил Степанович окружившим его спутникам, выставляя фонарь в отверстие: по ту сторону его, аршинах в двух внизу, у ног их плескалась черная поверхность воды.

— Подземная река... — проговорил, озирая ее, Павел Андреевич. — Совершеннейший Стикс — река мертвых древних. Только челнока с Хароном нет. И посмотрите, какая высота над ней!

Как ни подымали фонари путешественники, слабые, желтые лучи огоньков их не могли пронизать мрак, висевший сверху.

— А-у! — крикнул всей грудью палеонтолог.

Оглушительный, грозный взрыв криков неожиданно грянул в ответ, разом покрыв на миг даже могучий гул, потрясавший воздух. Пещера, очевидно, была громадная.

Антон отшатнулся и в суеверном страхе начал креститься и бормотать молитвы.

— Необходимо осмотреть пещеру! — заявил Павел Андреевич. — Здесь можем сделать такие наблюдения, как нигде в мире!

— Да, но как переправиться через реку?... Я определяю ее глубину! — вызвался Михаил Степанович.

После некоторых колебаний со стороны остальных участников экспедиции, не желавших пускать молодого товарища в опасное предприятие, его обязали вокруг пояса веревкой, и он осторожно начал спускаться в мрачные воды.

— Да здесь мелко! — воскликнул он. — Много ниже колен мне!...

Ему передали фонарь; освещая путь себе и ощупывая предварительно ногой дно впереди, Михаил Степанович медленно стал отходить от стены.

Озаренная фонарем вода струями разбивалась о ноги его, указывая на большую силу течения, и путешественники, отпуская мало-помалу веревку, не без замирания сердца

следили за удалявшимся от них товарищем.

— Берег! — донесся до них крик Михаила Степановича .

— Берег! берег! — повторили тысячи глухих голосов кругом.

Охотник остался в окне с концом веревки в руках; остальные, держась за нее, начали переправляться к Михаилу Степановичу.

На середине реки Иван Яковлевич вдруг пошатнулся.

— Дурно мне... — слабо проговорил он, выпуская из рук веревку.

Павел Андреевич успел подхватить его и, поддерживая за плечо, довел до берега.

— Не глядите на воду, смотрите вверх! — несколько раз повторял он во время переправы.

На твердой земле головокружение у старого ученого прошло почти тотчас же.

Последним переправился охотник.

— Теперь куда направимся, господа? — задал вопрос Михаил Степанович.

— Прежде всего оставим заметку для обратного пути! — возразил охотник. — Иначе можем не отыскать наш ход.

Набрать голышей, во множестве усеивавших отлогий берег, и сложить из них довольно высокую кучу было делом нескольких минут.

Михаил Степанович покопался в своей сумке и вытащил из нее магниевую ленту в виде туго свернутого колеса.

— Господа, пожалуйста станьте лицами в разные стороны, — сказал он, отрезав значительный кусок от ленты. — Посмотрим, что представляет из себя пещера.

Он поднес свечку к магнию, и ослепительно яркий, синеватый свет наполнил вдруг воздух.

Наверху засияли миллиарды разноцветных звезд; вырисовался впереди и справа причудливый сталактитовый лес; левая, отдаленная стена сверкала тусклыми пятнами и отблесками и, казалось, быстро опускалась под землю.

Магний потух; мрак словно прыгнул из всех углов и разом обнял все; бриллианты и звезды потухли.

Изумленные зрелищем путешественники пришли в себя. Единогласно решили отправиться вверх по реке к заинтересовавшей всех странной стене.

— Несомненно, это водопад! — заявил палеонтолог. — Шум доносится с той стороны.

Идти берегом оказалось нелегким: ноги глубоко уходили в слой мелких камней.

Гул увеличивался; эхо превращало его в грохот и раскатами разносило кругом.

Михаил Степанович, шедший ближе всех к воде, несколько раз освещал ее фонарем и видел, что река начинает бурлить; местами, вероятно, на грядах камней, брызги и пена летели вверх. Грохот усилился до того, что путешественники должны были кричать, чтобы расслышать друг друга; свет фонарей, терявшийся кругом во тьме, вдруг яркими пятнами отразился впереди. Мелкая водяная пыль наполняла воздух.

— Стойте, господа! — крикнул Михаил Степанович, приготавливая новую ленту магния.

Словно электрический свет вспыхнул опять в пещере, и перед глазами путешественников засияли радуги; с отвесной стены саженной тридцати вышиной стремительно падала подземная река; внизу kloкотали громадные бутры пены; целые облака брызг стояли над ней, сияя венцами из радуг и миллионов искр. Вверху тихо мерцали горные хрустали; справа вставала прекрасная сказка подземного мира — воздушная как мечта заросль сталактитов.

В стене, правее водопада, прохода дальше не было. Убедившись в этом, путешественники пополнили запас воды из реки и взяли вправо.

— Я не знаю ничего более поразительного! — несколько раз повторял Иван Яковлевич, озираясь чуть не на каждом шагу. — Не грежу ли я, господа?!

Путешественники несколько разошлись, и огоньки фонарей их, будто светляки, то появлялись, то исчезали между царственными колоннами.

Павел Андреевич, вооруженный фонарем Антона, следовавшего за своим барином, отклонился от установлен-

ного направления и, тщательно разглядывая все, попадавшееся на пути, медленно подвигался вперед. Скоро внимание его привлекла какая-то груда белых полос, возвышавшаяся у одной из колонн. Палеонтолог направился к ней, осветил ее, затем быстро поставил фонарь на каменный пол и с трудом поднял одну из полос. В руках у него оказалась огромная кость.

Павел Андреевич рассмотрел ее, затем вынул другую, третью, наконец схватил фонарь и поднес его ко всей груде и тут только увидал, что с вершины ее, доходившей ему до плеча, глядит глазами впадинами несоразмерно малых размеров череп, вооруженный рядами страшных зубов.

На громкий взволнованный зов палеонтолога сошлись все путешественники и окружили неведомые кости.

— Вот так ребрышки! — воскликнул охотник, разглядывая круто изогнутые громады футов семи длиной. — На закуску одному, пожалуй, хватило бы!

— Что это за зверь? — спросил Михаил Степанович.

— Несомненный стегозавр, но не в этом дело, — озабоченно ответил палеонтолог, приглядываясь к положению костей.

— Смотрите: еще груда! — Иван Яковлевич указал влево. Все перешли туда и остановились перед новой горой гигантских остатков, главным образом позвонков.

— Игуанодон, — заметил Павел Андреевич, мельком взглянув на него, и устремил глаза дальше, во тьму, где на черном фоне ее неясно выделялись между бледными колоннами ряды новых груд.

— Да здесь целый музей! — сказал, оглядываясь, Михаил Степанович. — Смотрите: везде кости! Неужто все эти животные приходили умирать сюда?

— Нет! — отозвался палеонтолог. — Главное не в том, как попали сюда эти редчайшие остатки, а в том, как они размещены: они сложены...

— Что?... — Иван Яковлевич разом пришел в сильнейшее возбуждение. — Да ведь в самом деле!...

— ...рукой человека, — окончил свою фразу Павел Андреевич. — Это несомненно! Смотрите, как правильно лежат

ряды костей: везде черепа сверху. Вот изумительный экземпляр трицератопса, — заявил он, подходя к следующей груде. — Я скажу странную фразу: мы с вами в музее, господа!

— Но кто же его устроил? Кто мог разыскать все эти кости? — заговорил Михаил Степанович. — Зачем было прятать их в пещеру, в глубину земли?!

Павел Андреевич пожал плечами.

— Я только устанавливаю факт, ответил он. — Предположения не моя специальность!

— Я отвечу за вас! — горячо заявил старый ученый. — Смотрите, как удивительно хорошо сохранились кости: стало быть, они не были долго в земле или на ее поверхности; и кто мог бы переносить эти громадные грузы на несколько верст в глубину земли? Местность дикая, людей нет кругом на сотни верст, наконец, если бы случайно и нашли они такую кость, то бросили бы ее или принесли продать людям же, но не стали бы прятать в грот!

— Что же вы предполагаете? — спросил палеонтолог.

— Что эта укладка произведена руками людей, живших в очень отдаленную от нас эпоху!

— Наши неизвестные... — вполголоса заметил Михаил Степанович.

Волнение овладело всеми.

По предложению Павла Андреевича путешественники разошлись опять в разные стороны искать человеческие кости или надписи, по которым можно бы было сказать что-либо более определенное относительно загадочного музея-пещеры.

Часа два продолжался тщательнейший обыск сталактитовой заросли, но кроме значительного количества костей древних животных, в ней ничего не оказалось. Некоторые принадлежали к как будто еще неизвестным видам, и, наткнувшись на такие, палеонтолог с пылавшим лицом подолгу простаивал перед этими сокровищами, как бы стараясь тверже запомнить каждый изгиб их. Размеры некоторых груд были невероятны: кости одного животного представляли иногда куб, измерение которого насчитывало пять и

более сажень.

Исследовав намеченную часть пещеры, путешественники собрались около Павла Андреевича, находившегося как бы на широкой дороге, отделявшей более мелкую заросль от могучего сталактитового леса. Они готовы были тотчас же продолжать осмотр дальше, но Свирид Онуфриевич умирал их пыл и настоял на остановке и обеде. Подкрепившись и отдохнув немного, Иван Яковлевич с Антоном отправились прямо по дороге, остальные рассыпались цепью в еще неисследованном лесу.

Зачарованный лес оказался пустынным. Но пустыня его была полна красоты. На каждом шагу исследователи наталкивались на самые причудливые растения из белых и дымчатых хрусталей; в прозрачных стволах как бы из льда сделанных деревьев отражались огоньки фонарей; искры разбегались по сине-белым ветвям, и казалось, звездчатый иней вот-вот осыпется и запушит одежду, как в настоящем лесу.

Громкое, тысячеголосое ауканье, отразившееся от каждого ствола, заставило замечтавшегося Михаила Степановича опомниться; огоньки фонарей, мерцавшие раньше неподалеку от него, видны уже не были.

Михаил Степанович откликнулся и поспешил на зов.

Спутники его толпились у отвесной стены, истрескавшейся сверху до низу.

Михаил Степанович подошел ближе и увидал, что они рассматривают черное отверстие в виде правильного высокого прямоугольника и выступавшую над ним неровную надпись.

XXIII.

Охотник указал Михаилу Степановичу на свои широкие плечи, и легкий этнолог в одно мгновение очутился на них и осветил письма; Антон и Павел Андреевич подняли на руках старого ученого, и он торопливо стал срисо-

вывать в свою книжку черту за чертой со стены.

— Готово, — проговорил через несколько минут он.

Ивана Яковлевича бережно опустили на землю, он уселся около одной из колонн и погрузился в разбор писем.

Антон стоял сложив руки, в благоговейном молчании; палеонтолог не сводил глаз с дивной заросли, хранившей драгоценнейшие в его глазах останки; Михаил Степанович и охотник заглядывали в новооткрытый проход.

Иван Яковлевич кончил свою работу и поднялся с земли; все поспешили к нему.

— *«Близок Бог Аздомайя... бойся его!»* — прочел старый ученый.

Глаза путешественников невольно обратились к отверстиям, загадочно черневшему перед ними.

— Новая шарада! — проговорил Павел Андреевич.

Путешественники тихо вступили в проход один за другим. На бурых, истрескавшихся во всех направлениях стенах наряду с известными виднелись изображения каких-то неведомых чудовищных животных.

— Я думаю, мы на пути в капище! — сказал Иван Яковлевич. — Но что это за странные изображения?

Палеонтолог давно уже внимательно рассматривал их. Руки его дрожали.

— Что с вами? — спросил заметивший это Михаил Степанович.

— Ничего... ничего... — поспешно ответил ученый, делая усилие над собой; но самообладание вдруг оставило его. — Нет, господа! — воскликнул он. — Я уйти отсюда не могу, — необходимо срисовать все эти изображения! О существовании когда-либо вот этих, например, животных мы и не подозревали совсем... Они не плоды фантазии рисовавших, так как тут же мы видим изображения таких известных животных ледниковых эпох, как мамонт, пещерный медведь и друг. Рисунки эти сделаны современниками... Они драгоценнее всех бриллиантов вселенной! Словом, я не могу идти никуда!

Все окружили впавшего в нервную дрожь ученого и стали уговаривать и успокаивать его. Антон дал ему напиток

воды, и это несколько отрезвило того.

Иван Яковлевич убедительно стал доказывать, что сперва необходимо кончить осмотр подземелий, и затем на обратном пути все они помогут ему тщательно срисовать фигуры.

После долгих уговоров Павел Андреевич наконец согласился, и путешественники стали продолжать путь. Коридор шел, слегка повышаясь. Изображения животных становились все реже и наконец исчезли совершенно; раза два попались какие-то загадочные знаки в виде кругов и непонятных даже Ивану Яковлевичу линий. Ход начал принимать все более и более угрожающий вид; казалось, сильное землетрясение изорвало когда-то в куски стены и своды его, и глыбы эти, разделенные широкими щелями, местами выдались наружу и вот-вот грозили рухнуть. Пол был иссечен трещинами, из которых некоторые уходили на такую глубину, что свет фонарей не достигал до дна. Прыжок через иные являлся значительным риском.

Путешественники останавливались тогда на краю трещины и освещали противоположную сторону. Обязанный веревкой Михаил Степанович с разбега перескакивал первый; затем прыгали остальные, держась за натянутую веревку.

— Что это, кажется мне или в действительности стало так жарко? — спросил Павел Андреевич, обливавшийся потом.

— И я весь мокрый, — отозвался охотник. — В самом деле, как будто душнее стало. Запах какой-то есть в воздухе...

Михаил Степанович потрогал стену.

— Немудрено... — сказал он, — стены почти горячие.

Пока все щупали стены и высказывали разные предположения о причине такого явления, Павел Андреевич ушел немного вперед и нагнулся над новым разрывом пола. Через несколько мгновений он лег и опустил в щель руку с фонарем. Из глубокой трещины пробивались кое-где узкие струйки сильно пахнувших серой паров.

Палеонтолог втянул несколько раз носом воздух и встал на ноги.

— Мы с вами в недрах действующего вулкана, господа, — спокойно заявил он подошедшим к нему спутникам. — Эти трещины — результат нагревания стен в течение тысячелетий.

Заявление Павла Андреевича было встречено без особенного волнения, хотя почти у всех мелькнула мысль о страшной опасности, какой они подвергались в глубине земли от такого соседства: достаточно было малейшего толчка, и едва державшиеся свод и стены рухнули бы и бесследно погребли бы их под камнями.

— Вот так пуля! — проговорил охотник. — Не учинить ли нам, когда так, поскорей аллегро-удирато отсюда ?

— Нет-с, — заявил Иван Яковлевич, — опасность, конечно, некоторая есть, но где ее, спрашивается, нет? Я, по крайней мере, не иду назад!

— И я! — поддержал его Михаил Степанович.

— Я тем более, — равнодушно сказал палеонтолог. С той минуты, как изображения допотопных зверей остались позади и перестали смущать его, к нему вернулось обычное его настроение.

— Черт с вами!.. и я, когда так, не отстану!.. — проворчал охотник, собираясь прыгнуть последним через трещину. — О вас же, полоумные люди, думал!

Он с силой оттолкнулся ногами от края, перелетел на другую сторону, но вдруг поскользнулся на груде камней и почувствовал, что падает.

Грянул оглушительный выстрел: приклад ружья, висевшего за спиной охотника, с силой ударился об пол и оно выстрелило разом из обоих стволов. Заряд с визгом врезался в свод позади перепуганных путешественников.

— Прочь! Бегите прочь скорей! — раздались дружные крики их. Охотник вскочил на ноги, оглянулся и увидел, что из сумерек, почти над головой его, разом осунулась и медленно выползает из свода громадная глыба.

Охотник, не успев даже подхватить упавший фонарь свой, метнулся к товарищам, и почти в ту же секунду глыба рухнула на место, оставленное им.

Тяжкий удар всколыхнул спертый воздух, и путешественникам показалось, будто заколебался весь коридор; ливень мелких камней и пыли обдал всех. Толкая друг друга, они отбежали дальше и остановились. Гул позади утих; камней больше нигде не падало.

Путешественники поспешили обратно взглянуть на место катастрофы. Мысль, что, быть может, они навсегда замурованы обвалом, страшным призраком встала в мозгу у всех, но никто не проронил ни звука.

Два уцелевших фонаря освещали завал. Массивный камень преграждал вплотную весь коридор, точно заранее пригнанный к ширине и высоте его. Ни обойти, ни перелезть через него никакой возможности не было. Груды песка и мелкой осыпи возвышались кругом.

Путешественники дружно навалились на камень, пробуя сдвинуть его, но камень не поддавался: в нем чувствовалась тысячепудовая тяжесть.

Охотник вынул нож и стал пробовать долбить его; на третьем ударе стальной клинок переломился пополам, оставив лишь незначительные царапины на поверхности преграды.

Свирид Онуфриевич бросил остаток ножа, затем снял с плеча ружье, посмотрел на курки и, увидав что они сломаны, поставил ненужное уже ружье в угол, отошел в сторону и молча стал у стены.

— Что же теперь делать, господа? — нарушил молчание Иван Яковлевич.

— Идти вперед, — отрывисто ответил кусавший губы палеонтолог. — Что ж тут возможно другое?

— Но куда приведет нас ход? Может быть, он и кончается в недрах земли или в жерле вулкана.

Палеонтолог дернул плечами.

— Может быть-с... даже вероятнее всего, что так, — резко ответил он. — Во всяком случае, надо готовиться к худшему!

Михаил Степанович раскрыл свою сумку и стал разбирать содержимое ее.

— Антон, — спокойно обратился он к старику, хотя побледневшее лицо выдавало волнение его, — посмотри, много ли осталось запасов в твоём мешке? Мы должны разделить теперь всю провизию на возможно большее количество порций, — обратился он к остальным. — Неизвестно, сколько времени продлятся еще наши поиски нового выхода.

Осмотр провизии показал, что при усиленной экономии ее может хватить дней на пять; главный вопрос был в воде, которой оказалось всего две бутылки.

Свирид Онуфриевич, невольный виновник происшедшего, не притронулся даже к своей сумке; на лице его было написано глубокое отчаяние.

Старый ученый обвел глазами всех спутников своих и, подойдя к Свириду Онуфриевичу, слегка потрепал его по плечу.

— Не отчаивайтесь так, дорогой мой! — мягко заметил он. — Надо трезво смотреть на вещи; случилось то, что должно было случиться!

— Но по моей вине! — глухо ответил охотник.

— Вы были только орудие: в мире нет случайностей, все идет по определенным законам; значит, это должно было совершиться так! Не произойди ваш выстрел, камень упал бы, ну, сутками позднее, так как очевидно, что он уже едва держался, и мы все равно были бы отрезаны на возвратном пути. И было бы еще хуже, так как провизии осталось бы еще меньше!

— Вполне присоединяюсь к вашему мнению, — сказал Михаил Степанович. — Но я не допускаю мысли, чтоб в святилище мог вести только один ход. Мы отыщем второй и выберемся.

— Вашими бы устами да мед пить, — пробурчал палеонтолог. — Во всяком случае, не будем разглагольствовать, надо скорей трогаться дальше!

Несмотря на общее желание торопиться, благодаря то и дело попадавшимся расселинам, идти приходилось довольно медленно. Общее утомление достигло значительной степени, когда наконец Иван Яковлевич, мужественно

шедший все время впереди, решился достать часы и взглянуть на них.

— Полночь, господа! — громко сказал он. — Просто удивительно, как под землей летит время. Скорее спать надо. Наберемся сил для завтрашнего похода!

Повторять предложение надобности не было. Путешественники разместились на полу и начали расстегиваться и снимать сапоги и верхнее платье: все буквально обливались потом.

— Градусов тридцать тепла, я думаю, здесь есть, — заметил палеонтолог, которому приходилась тяжелей всех. — А на снежной-то горе как хорошо было!

Есть никому не хотелось, зато жажда томила сильная. Антон, избранный распорядителем по продовольственной части, подал всем по полустаканчику воды, себе же налил едва четвертую долю, сберегая другую четверть для Ивана Яковлевича.

Все улеглись и погасили огни, но скоро заснуть не удалось никому; мысль, что они заживо погребены на большой глубине под землей и что полный мрака, безмолвный коридор — не что иное, как могила их, тяжелым камнем давила грудь всех.

Антон долго молился и клал в стороне от лежавших земные поклоны.

XXIV.

Сон путешественников продолжался недолго.

Первым проснулся охотник: ему почудилось, будто он заблудился в глухую полночь в горах среди пропастей; внизу под ногами его и далеко впереди перекликаются и радостно-злобно грохочут какие-то дикие голоса. С сильно бьющимся сердцем он открыл глаза и поднял отяжелевшую голову.

Черная мгла висела кругом; вдали слышался неясный гул как бы от многочисленной толпы.

Гул увеличивался; через какие-нибудь полминуты ухо Свирида Онуфриевича, еще не вполне различавшее действительность от сна, — уловило глухой топот бегущих тяжелых ног. Картина вырвавшихся из земли чудовищных зверей, виденных им на стене и несшихся теперь на них стихийной волной, разом встала перед его глазами.

Ужас наполнил его душу.

— Вставайте!! — крикнул он не своим голосом, вскакивая и тормоша ближайшего соседа.

Перепуганные путешественники поднялись с пола; все сбились в тесную кучу; Михаил Степанович едва отыскал спички, и желтый свет фонаря слабо осветил подземелье.

На охотнике лица не было; бледный, с мокрыми от пота волосами, он стоял, устремив блуждающие глаза во тьму впереди.

— Что, что такое? — сыпались вполголоса вопросы.

Свирид Онуфриевич молча вытянул вперед руку.

Грозный гул ответил за него: казалось, будто курьерский поезд с грохотом и шумом влетел в черный туннель и мчался, еще невидимый, на путешественников. Пол дрожал под ногами их.

— Землетрясение... — проговорил палеонтолог. — Надо скорее уходить отсюда: коридор того и гляди рухнет весь!

— Но куда же идти? — воскликнул старый ученый. — Впереди смерть!

— Позади тоже, но еще худшая! — спокойно ответил Павел Андреевич. — Будем мужественны до конца, что бы ни случилось: мы увидим то, чего не видал еще никто в мире — работу огня под землей!

Спокойствие и твердость духа Павла Андреевича несколько ободрили и остальных путешественников. Поспешно оделись все и, забрав сумки, зашагали дальше.

Жар становился все невыносимее; то один, то другой из путешественников вынимали платки и закрывали ими лица.

— Свет! — вдруг сказал шедший рядом с Михаилом Степановичем палеонтолог.

Словно электрический ток пронизало это слово путешественников; надежда на спасение разом воспрянула во всех.

На левой стороне прохода впереди ярко вырисовывалась широкая кровавая полоса от пола до потолка; багровый отсвет стоял в той части коридора. Красная полоса на стене двигалась и переливалась; на ней то и дело появлялись белесоватые и черные налеты.

Путешественники пустились бегом, но едва попадали в освещенную часть, как один за другим отшатывались: сквозь громадную расщелину в двухсаженной толще правой стены дышало адом; за стеной kloкотало бело-красное море.

Ослепленные ярким огнем путешественники несколько минут стояли, ничего не видя: в глазах у всех вертелись синие, желтые и красные круги.

Павел Андреевич завернул себе лицо и голову всеми имевшимися у него платками и полотенцами и, оставив только маленькие отверстия для глаз, смело подошел к расщелине.

За нею вставал громадный и высокий огненный грот; поверхность расплавленной массы, вскидывавшей вверх языки пламени, находилась значительно ниже пола коридора; нет-нет и жгучее красное море вдруг выбрасывало вверх разноцветный фонтан; раздавался взрыв, и гул потрясал раскаленные докрасна, как бы прозрачные своды грота.

Павел Андреевич закрыл от нестерпимой рези глаза; и бросился мимо расщелины.

Путешественники уже все пробежали за его спиной.

— Ну местечко! — проговорил, ощупывая лицо, охотник. — Опалило как свинью перед Рождеством!!

Длинный правый ус его сильно пострадал от огня.

— Ничего не вижу, — сказал палеонтолог, вытянув как слепой вперед руки, — где вы, господа? Дайте воды скорее!

Антон помочил полотенце и подал ему.

Палеонтолог быстро освободил закутанную голову и стал освежать болевшие глаза.

Через несколько минут боль утихла, и ученый стал различать кое-что.

Медлить из-за этого не приходилось. Свирид Онуфриевич подхватил его под руку и быстро повлек за двинувшимися в путь товарищами.

Не прошли они и сорока сажен, как зоркие глаза Михаила Степановича различили в левой стене какую-то черную впадину; он поднес к ней фонарь и увидел новый, узкий и низкий коридор.

Путешественники остановились. Надо было решить, продолжать ли путь по старому ходу или свернуть в новый.

Михаил Степанович предложил всем присесть отдохнуть, а сам с Павлом Андреевичем, непременно желавшим идти, отправился вперед по старому пути.

По мере удаления их от перекрестка жар делался все нестерпимее; справа за стеной и еще сильнее из черной глубины впереди доносились время от времени грозные раскаты взрывов: бог Аздомая совершал непрерывную работу.

Глубокий мрак в коридоре сменился сумерками; сквозь толстые подошвы сапог ноги исследователей испытывали почти ожоги; вместе с тем с каждым новым поворотом становилось все светлее; и вдруг за одним из них открылась даль, наполненная красным сиянием. Пол, свод, стены — все было раскалено и казалось огненно-прозрачным. Сделать хоть шаг вперед было невыносимо.

— Во мне кровь спекается! — хрипя, проговорил палеонтолог; лицо его побагровело, он зашатался и чуть не приклонился к дышавшей жаром стене.

Михаил Степанович, у которого от невыносимой температуры кровь била в виски и потемнело в глазах, обхватил Павла Андреевича, и оба, делая нечеловеческие усилия, чтобы не упасть, повернули обратно.

— Ад!.. — едва мог сказать Михаил Степанович, — вход... в геенну огненную!..

Точно пьяные, в полусознательном состоянии добрались они до оставленных товарищей и как мешки повалились на землю.

Свирид Онуфриевич и Иван Яковлевич кинулись расстегивать им воротники курток и обмахивать лица платками. Михаил Степанович отстранил руку старого ученого и указал глазами на лежавшего в обмороке Павла Андреевича.

— Ему... нужнее... — проговорил он.

Антон помочил виски палеонтолога; вода и освежающее обмахивание привели его в чувство.

— Воздуха... воздуха... — пробормотал он, задыхаясь и судорожно хватая пространство руками. Воспаленные глаза палеонтолога налились кровью и вышли из орбит; багровое лицо стало принимать синий оттенок.

Свирид Онуфриевич схватил его за пояс.

— Беритесь скорее! — распорядился он, видя, что еще несколько минут, и Павла Андреевича хватит удар. — Подымайте его!

Иван Яковлевич и Антон ухватили палеонтолога с другой стороны, и все трое повлекли грузное тело его во вновь открытый проход. Ноги палеонтолога волочились по земле.

Михаил Степанович поднялся сам и оперся о стену, но тотчас же отшатнулся прочь: горячие камни обожгли его. Дрожавшие ноги плохо повиновались ему. Стараясь не уронить фонаря и удержать равновесие, он медленно поплелся за товарищами, желтый огонек которых то светился не вдалеке перед ним, то вдруг исчезал за частыми поворотами.

Дышать стало легче. Михаил Степанович потрогал стены и убедился, что они далеко уж не так горячи, как в оставшемся позади коридоре.

Головокружение и связанная с ним слабость стали проходить, и вскоре оправившийся почти совсем Михаил Степанович догнал товарищей.

Они отдыхали; пришедший в себя Павел Андреевич сидел посреди них, отдуваясь как мех и беспрерывно помахивая платком на лицо себе.

— Свежее ведь стало! — сказал Свирид Онуфриевич, завидев подходившего Михаила Степановича. — Как думаете — добрый знак, пожалуй?

— Как знать... — едва проговорил Михаил Степанович. Жажда мучила его до того, что горло сводили судороги; спекшийся язык не шевелился во рту.

То же самое испытывали и остальные. Антон бережно нацедил всем драгоценной влаги.

— Полбутылки-с осталось всего... — заметил он, поджав губы.

Несколько секунд он подержал бутылку в руках, колеблясь, выпить или нет и ему, но сила воли одержала победу: старый слуга плотно закупорил бутылку и уложил ее опять в сумку.

Минут через двадцать оправился и Павел Андреевич. Торопивший всех охотник помог ему подняться и под руку с ним зашагал дальше. Коридор круто подымался в гору.

— Мы были отравлены какими-то газами! — сказал Павел Андреевич шедшему позади Михаилу Степановичу. — Вероятнее всего, углекислотой. Еще немного — и не увидели бы мы с вами никого из них! — он кивнул головой на спутников.

Подъем продолжался бесконечно. Трещины на полу и на стенах исчезли совершенно. Бурые и красные слои песчаника стали прорезываться полосами базальта; наконец проход, местами несомненно пробитый руками человека, превратился в узкую и высокую естественную щель в сплошной черной массе базальта.

— Господа, а ведь стены-то совершенно холодные! — заявил Михаил Степанович.

— Я чувствую течение воздуха... — заметил Иван Яковлевич.

— И свежего! — добавил палеонтолог, останавливаясь и жадно дыша всей грудью. — Боже, как хорошо!

Михаил Степанович обогнал значительно больше, чем он, истомившихся товарищей и почти бегом пустился вперед.

— Счастливчик! — проговорил вслед ему палеонтолог.

— Я завидую ему: как он еще молод!

Громкий крик послышался спустя некоторое время из тьмы впереди.

Путешественники бросились на помощь к товарищу.

Крик повторился, и в то же мгновение вдали показался огонек фонаря Михаила Степановича. Он крутил им в воздухе, рискуя ежесекундно разбить его вдребезги о стену.

— Урра! — неистово крикнул Михаил Степанович, завидев встречный огонек. — Господа, мы спасены! Ура!

Он повернулся и исчез опять в темноте с тем же далеко отдавшимся криком.

Усталость отлетела от путешественников; как окрыленные, дружно бросились они вперед, теснясь в узкой расщелине.

За первым же поворотом дальнейшие услуги фонарей оказались излишними: слабый свет брезжил в проходе, обрисовывая выступы и неровности стен; еще несколько минут, и путешественников обдала волна света: они очутились в довольно большой, походившей на храм буро-красной пещере; с правой стороны от них в имевшее вид готического окна отверстие синело небо.

Михаил Степанович стоял у окна.

Путешественники подбежали к нему; перед ними развернулась необъятная даль; на неизмеримой глубине внизу ширилась зеленая степь; горы, встававшие местами на ней, казались курганами. Ближе к скале, вмещавшей пещеру, чернела базальтовая площадь, вся изрытая впадинами; на ней синела узкая как лента горная река, по берегу которой прибыли путешественники; маленькими пятнышками на зеленом фоне белели две палатки их. Чистый прохладный воздух вливался в пещеру потоком.

Восторг охватил путешественников. Небо, солнечный свет, зелень травы — все казалось ярким, бесценным и новым. Будто выпущенные на свободу узники, с истомленными, землистого цвета лицами, они кинулись в объятия друг друга, жали друг другу руки и поздравляли со свободой.

Главное наслаждение для всех был воздух; никто не мог вдоволь надышаться им.

— Настоящий ведь, настоящий-с! — твердил палеонтолог, расстегнув на себе все, что было возможно, и заняв своей тушей всю ширину окна.

Несколько овладев собой после приступов радости, Михаил Степанович отправился со Свиридом Онуфриевичем отыскать наружный выход из пещеры. Вглядываясь в каждый закоулок, медленно обошли они стены и встретились у противоположной окну.

Выхода не было. Зато отыскалось другое, имевшее огромный интерес для них.

— Иван Яковлевич! — слышался зов Михаила Степановича.

— Что? — отозвался отдохавший у окна ученый.

— Пожалуйте-ка сюда! Здесь много надписей есть.

Иван Яковлевич был уже на ногах и торопливо зажигал фонарь, потушенный экономным Антоном.

— Какие, какие? — спросил он, спеша по направлению голосов.

— Наши иероглифы! — ответил Михаил Степанович.

XXV.

Словно узорной резьбой покрывала надпись низы двух стен до высоты почти сажени от пола. Песчаник местами выветрился, и сеть иероглифов прерывалась впадинами; на скалах базальта, проступавших кое-где в виде черных ребер, надписей не было.

Иван Яковлевич с лихорадочным волнением приступил к изучению и списыванию их. Михаил Степанович помогал ему.

Свирид Онуфриевич постоял, поглядел на них и, убедившись, что эти люди потеряли всякую способность думать и говорить о чем-либо другом, кроме надписи, заку-

рил трубку и, засунув руки в карманы, направился к палеонтологу.

Тот продолжал сидеть на впадине у окна.

— Выхода-то нет, драгоценнейший, — заявил охотник, подходя к нему.

— Да? — рассеянно отозвался Павел Андреевич. — Ничего, в окно выберемся!

Свирид Онуфриевич пыхнул трубкой, затем молча отодвинул, как некий неодушевленный предмет, Павла Андреевича в сторону, взобрался в нишу окна и, держась обеими руками за края отверстия, заглянул вниз.

— Одначе!.. — проговорил он, невольно отодвигаясь назад. — Саженой сорок вышины, я думаю, будет.

— Что вы говорите! — воскликнул Павел Андреевич. — Может быть, какие-нибудь уступы есть, по ним лезть можно?

Охотник снова выглянул наружу.

— Нет! — сказал он, спрыгивая на пол пещеры. — Стена совершенно отвесная!

— Вот тебе и спаслись! — проговорил, удрученный новым открытием, палеонтолог. — Но ведь, тем не менее, другого выхода нет?

— Нет! — подтвердил охотник. — Придется воспользоваться этим: у нас есть с собой веревка; только не думаю, чтобы ее хватило отсюда до земли!

Павел Андреевич с трудом влез на окно и в свою очередь посмотрел вниз.

— Батюшки! — с неподдельным ужасом проговорил он, — да разве мыслимо отсюда спуститься? Колокольня Ивана Великого не достала бы крестом до окна!

— Единственный выход! — угрюмо повторил охотник.

Он подозвал Антона, и вместе с ним стал вынимать из всех сумок веревки и связывать их крепкими узлами в одну.

— На такой ниточке вы думаете опускаться?! — спросил палеонтолог, остановившись около них.

— Выдержит... вовсе она уж не так тонка! — возразил охотник.

Скоро все имевшиеся куски были связаны. Свирид Онуфриевич привязал к концу веревки довольно большой камень и, улегшись на выступе окна, стал спускать его; Антон придерживал позади веревку.

Через несколько времени веревка остановилась.

— Что, не идет дальше? — быстро спросил Свирид Онуфриевич.

— Нет-с... вся вышла, — ответил Антон.

Свирид Онуфриевич выставился почти до пояса, подергал веревку и, убедившись, что камень висит еще на значительной высоте над землей, стал вытаскивать его обратно.

— Не хватило... — отнесся он к Павлу Андреевичу, молча следившему за его действиями. — Придется белье пустить в ход!

— На тряпках спускаться?! — воскликнул палеонтолог. — Нет, где уж тут! Надо постараться привлечь как-нибудь внимание Василия и Фильки, и они подадут нам снизу все нужное! Во-первых, вывесим из окна что-либо белое... рубаху, что ли. Затем будем стрелять из револьверов. Цел он у вас?

— Цел.

Охотник достал свой револьвер; патронов налицо оказалось около сотни. Положив его и коробку с патронами на окно, Свирид Онуфриевич начал разоблачаться. Примеру его последовали Антон и Павел Андреевич. Сняв белье, все оделись снова. Охотник отыскал трещину в стене за окном и, достав из сумки вилку, укрепил с помощью ее, в виде флага, рубашку Антона. Прочее белье все втроем стали раздирать на полоски и подвязывать одну к другой.

Скоро получилась довольно порядочной длины лента. Чтоб не оборвать ее, охотник выбрал камень меньших размеров и начал производить новый опыт.

Камень наконец достал до земли. Свирид Онуфриевич обвязал оставшийся конец веревки вокруг огромной глыбы, острым мысом выдававшейся из стены рядом с окном и, взяв револьвер, улегся опять в нише. Чтоб не пропадала даром часть звука, он опустил руку ниже отверстия в скале.

Павел Андреевич и Антон услышали довольно сильный удар; в окно втянуло немного дыма; запахло порохом. Через десять минут грохнул новый выстрел. Свирид Онуфриевич решил стрелять через равные промежутки времени.

Павел Андреевич постоял около охотника, затем заложил руки за спину и направился к старому ученому и Михаилу Степановичу, работавшим у противоположной стены.

Михаил Степанович слышал выстрелы, но Иван Яковлевич так ушел в разбор надписи, что если б даже мир стал рушиться вокруг, он или не увидал бы ничего, или же не придал бы этому никакого значения.

Павел Андреевич мельком осмотрел иероглифы, обежал глазами своды пещеры, затем вернулся к окну, захватил стоявший там второй фонарь и вернулся к Ивану Яковлевичу.

Михаил Степанович указал ему не списанные еще места на стене, и палеонтолог принялся за работу. Воспоминание о нарисованных изображениях древних зверей вдруг проснулось в нем и больно укололо в самое сердце.

— Этакое свинство! — пробормотал он, усердно вычерчивая карандашом непонятные знаки. — Задержись мы там, срисовывая их, камень мог упасть впереди, и не попали бы мы никогда в эту окаянную скворешню!

Списыванье иероглифов оказалось трудным только сначала; рука быстро привыкала к начертанию их, и работа пошла ходко.

Через несколько часов все письмена, находившиеся в разных местах на стенах, были перерисованы.

Антон тщетно являлся несколько раз с призывом к обеду; на зов его отправились, кончив работу, только Михаил Степанович и Павел Андреевич; старый ученый кинул на Антона молниеносный взор и, захватив фонарь и драгоценные листки рукописей, удалился в угол пещеры.

Утолив голод, Михаил Степанович сменил охотника.

— Что, видели вы кого-нибудь? — встретил Свирида Онуфриевича вопросом палеонтолог, еще не кончивший своего обеда. Последний находился перед ним в виде нес-

колыхающихся кусков хлеба и коробки с сардинами на салфетке, посланной Антоном прямо на полу пещеры.

Охотник отрицательно мотнул головой.

— Никого. Что мой Филька-подлец дрыхнет, должно быть, без памяти — это понятно, но где Василий, его отчего не видно?

— Да слышны ли внизу выстрелы?

— Вы думаете, мы так далеко от реки, что там их не слышат?

— Весьма возможно!

— Тогда мы пропали!... — вполголоса сказал охотник, встревоженный предположением палеонтолога.

Свирид Онуфриевич наскоро закусил и поспешил опять к окну.

Уже вечерело. Странно было видеть себя в полном света пространстве, тогда как внизу расстилалась погружающаяся во тьму земля; над рекой серела густая полоса тумана; на бледно-голубом небе начали проступать искры звезд.

Звуки выстрелов, казалось, усилились.

— Придется стрелять всю ночь, — сказал Свирид Онуфриевич, наблюдая долину из-за спины Михаила Степановича. — Установим очередь. Вспышки выстрелов будут очень заметны!

— И выставим, кроме того, в окне зажженный фонарь! — добавил Михаил Степанович.

Глубокая ночь глядела в окно, когда Иван Яковлевич подошел к своим спутникам.

Палеонтолог уже мирно похрапывал в углу; Михаил Степанович сидел в нише у ног охотника и задумчиво глядел на ярко мерцавшие звезды.

— Дай-ка поесть, Антон! — весело сказал старый ученый. — Я проголодался что-то!

Услыхав голос его, Михаил Степанович оглянулся и соскочил с окна.

— Прочли? — оживленно спросил он.

Иван Яковлевич с многозначительным видом несколько раз покивал головой и принялся за еду.

— А у нас в некотором роде беда... — сказал, помолчав немного, Михаил Степанович. — Нет выхода, кроме окна!..

— Что ж, вылезем в окно, — ответил Иван Яковлевич.

— Но вышина! Саженой сорок, если не больше, будет!

— Это немного высоко... В таком случае, уйдем другим ходом!

— Каким ? Он же завален камнем!

— Да, тот, по которому мы пришли; я говорю про другую!

— Про какой? — воскликнул Михаил Степанович. — Разве есть еще новый ход?

— Есть.

Иван Яковлевич вытащил из бокового кармана листки, написанные иероглифами и его переводом.

— Надпись ясно указывает на существование его.

Михаил Степанович вскочил на ноги и бросился сперва к Свириду Онуфриевичу, затем к Павлу Андреевичу.

— Вставайте! — крикнул он, тормоша его за плечо. — Идите сюда скорей!

— Что вы, дикий человек! что случилось? — спросил палеонтолог, открывая глаза.

Свирид Онуфриевич повернул к нему голову.

— Довольно стрелять! — радостно продолжал Михаил Степанович. — Есть выход! Идите, Иван Яковлевич читать будет сейчас надпись!

В темной пещере, при свете фонаря, поставленного на землю, вокруг старого ученого собрался кружок путешественников. Даже Антон примостился сзади и приготовился слушать чтение барина.

— Господа, — начал Иван Яковлевич, — сейчас я пережил минуту, лучшую в моей жизни. Здесь я убедился вполне, что мы сделали величайшее открытие: нашли первообраз арийских языков! Внизу, у этой горы, многие тысячелетия назад жил целый народ и тот человек, следы которого мы так искали везде. Драгоценная надпись, к сожалению, сохранилась не вполне, есть много пробелов, и я их отметил точками. Ну-с, теперь слушайте.

Иван Яковлевич поправил очки и придвинул фонарь к себе.

«Странник!

Орус, жрец великого Аздомайи, шлет привет тебе.

Я думал о тебе, придущем через многие дни, и ты пришел сюда. Не должно исчезнуть бесследно то, что извели люди, и камни расскажут тебе, что знаю я, уходящий к Аздомайе.

Камни из воды (лед?) и белые облака (снег?) горами лежат кругом на земле, но знай, что было время, когда не было их. Цвели цветы, зеленели деревья, которых не знают теперь люди; стволы их в земле; лица людей были темней от Сонайи (солнца?). Великий огонь вечно пылал над этой горой, но Аздомайя в гнев своем на людей потушил его и охладил лицо Сонайи. Дыхание ноздрей стало застывать на земле; люди оделись в шкуры зверей и не снимают их. Дома из альлавий (род бамбука?) оставлены; люди ушли в пещеры в горах. Заржавели серпы и осиротели хлевы. Бела стала земля, но почернели умы людей, ибо остались только война и охота. Грозно было по всей земле имя царя царей . . . (оно стерлось), все меньше становилось людей и холоднее делалось на земле. Недостойный Орус молил великого Аздомайю об оставлении гнева, но крики пиров в пещерах горы заглушали перед ним голос молитвы. Я оставил храм и углубился в вечную ночь горы Бога Богов. Там, где течет под землей река Смерти, в древнем проходе услышал я грозные голоса Богов и в страхе упал ниц и внимал им, заставлявшим дрожать камни стен. Я пошел дальше, ища Аздомайю. Я видел . . . Как угли были волосы мои, когда я ушел в гору, и белы как покров земли, когда возвратился. Черен стал духом Дивейто за то, что я был там, куда не осмелился заходить ни он и никто из служителей Богов . . . И царь призвал и спросил: «Ты, говоривший с Аздомайей, должен знать, отчего холодеет земля?» Ответил я: «От гнева Его на вас . . . смеялись и царь приказал мне ехать узнать, скоро ли растают белые камни и

проглянет (трава?), которой не видали мы. Дали мне спутников: тех, кто не угоден был царю и Дивейто.

Много дней ехали мы, закутанные в шкуры зверей: везде толстым ковром лежали белые облака. Мертво . . . (?) Стада животных уходили оттуда, куда ехали мы; видели их выкапывающими пищу и по множеству трупов узнавали путь свой.

Великая вода плещет волнами в край земли; Сонайя омывает в ней, уходя на покой, лицо свое; мы видели волны в гору величиной, носившие скалы из бледного камня, и среди них плавали брюхами вверх страшные звери вод: бледные скалы убили их. Ночь . . .

«Мы . . . с великим трудом пробили . . . и предали земле . . . оставив надпись . . .

Горы, держащие небо (не Алтай ли?), долго осматривал я и понял, что их избрал Аздомайя орудием мести своей: медленно ползут с них великие мертвые потоки из тех же бледных камней. Им нет преград; пропасти заполняются ими как малые ямки. Скалы отрываются ими и ставятся там, где не могли взрасти они. Близок день: застынут в холодный хрусталь земля и Великие Воды. Но вечен Аздомайя и пламя его! Настанет . . . и в пламя обратятся оковы земли, возродится трава на ней. Ты, прочитавший слова мои странник, помни: я, Орус, жрец Аздомайи, говорю тебе: идет смерть, но вечен Бог.

Я предстал перед царем. Грозны очи его, но есть ли страх в том, кто видал Аздомайю . . . ответил: «Нет, мы с тобой не увидим травы. Будет еще холодней, и все живое превратится в камень. Смерть идет сюда, царь, и близка она. Ты забыл Бога Богов . . . поставил себе с гордыми надписями: “Я царь царей” камни . . . но . . . (титул?) этот Бога Богов. Что ему поставил ты?..»

Пена проступила на губах царя. Он метнул копье свое, но оно оцарапало только шею мне, и вдруг и царь и воины его и пиршественный стол повалились на землю. Гора всколебалась как волны от грозного удара Аздомайи. Камень упал на Дивейто и нескольких близких царя. Живые бросились вон и увидали пламя и дым над горой. Аздомайя

тряс ее и в гневе метал в бежавших камни и скалы; жидкий огонь (лава ?) залил пещеры и залы их . . . Я удалился на гору. Ты найдешь на стене лик Сонайи и знай, что под ним проник я сюда.

Уходили . . . люди. Я видел из окна, как шли воины, многочисленные как ожившие камни гор. Царя несли на . . . (кресле?) на палках. Видел уходившие толпы детей и женщин . . . Я один в стране. Из окна не видно ничего живого. Белая равнина лежит кругом . . . согреваюсь внизу и возвращаюсь писать сюда . . . Меха бессильны против дыхания гор . . . люди должны погибнуть в пути . . . кто избежит руки Бога Богов? Аздомая хочет очистить мир . . . ухожу и я в огонь его . . .

Странник, говорю тебе последние слова: нет смерти, ибо велик Аздомая и . . . »

Иван Яковлевич кончил и стал складывать листки. Все молчали под сильным впечатлением прочитанного.

Первый нарушил молчание Михаил Степанович.

— Я как будто въявь вижу у стены этого человека, одетого в шкуры, — сказал он.

Все невольно взглянули на стену иероглифов; свет фонаря не достигал до нее: ничто не выступало и не шелохнулось в полутьме кругом.

— Описана, несомненно, одна из ледниковых эпох, — проговорил Павел Андреевич. — Это драгоценнейшее свидетельство очевидца! Поздравляю вас, Иван Яковлевич, — продолжал он, протягивая руку, — вы сделали величайшее открытие, вы узнали, что уже в одну из ледниковых эпох человек в некоторых местах достиг высокой степени культуры!

— И вас также, — сказал старый ученый, отвечая крепким пожатием, — ваше открытие не меньше моего!

— У меня все не идет из головы этот Орус! — начал опять Михаил Степанович. — Он ходил здесь, думал, писал... Значит, та огненная пещера, которую видели мы, и поглотила его?

— Вероятно... — ответил палеонтолог.

Практичный охотник взял тем временем стоявший на

окне фонарь и пошел осматривать стену. Близ дальнего левого угла с высоты человеческого роста глянуло на него полустертое изображение круга в лучах. Никакого отверстия под ним, между тем, не было.

— Гм... — проговорить охотник, ощупывая и разглядывая стену. — И признака щели нет никакого! Михаил Степанович, подите-ка сюда?

Тот подошел к нему, и вдвоем они стали пробовать плечами выдавить часть стены; она не поддавалась.

На помощь к ним явился Антон и оба ученых, но их подмога оказалась бесполезной.

— Песчаник сросся от давления в течение стольких веков, — проговорил палеонтолог. — А вот попробуем этот базальт, посмотрите, какой он странной формы.

Десять рук уперлись в черный треугольник, имевший вид заплаты на стене, и дружно навалились на него. Он разом опрокинулся назад, и чересчур усердствовавший охотник вылетел бы за ним, если бы его не удержал за воротник Павел Андреевич.

Михаил Степанович выглянул наружу.

— Низко... есть спуск, господа! — воскликнул он, обращаясь к товарищам.

XXVI.

Переночевать решено было в пещере, чтоб не подвергаться риску при спуске в темноте.

В радужном настроении уселись путешественники за ужин. Антон поставил перед ними все, что еще оставалось в запасе: беречь провизию надобности уже не представлялось.

Несколько не в духе был только палеонтолог.

— Я вам завидую, — заявил он старому ученому, — вы увезете с собой ваше открытие, а я приеду с пустыми руками!

— Ничего! в будущем году отправимся сюда с целой экс-

педицией и вывезем тогда все, даже мамонта! — утешал Михаил Степанович.

— Разве что так!

— Что ваши кости? Падаль. Вот ружье жалко, — сказал Свирид Онуфриевич. — Что-то мой Кузька поделывает! Право, мне кажется, будто мы сто лет провели под землей!

— Да, будет что вспомнить, — заметил Михаил Степанович.

— А и собачий же холод здесь, — продолжал Свирид Онуфриевич. — Прямо будто из ледника дует. Из огня да на мороз попали.

Действительно, высота горы давала знать о себе: в пещере становилось все холоднее. Путешественники выбрали укромные уголки подальше от окна и улеглись, кутаясь насколько было возможно в куртки.

Михаил Степанович долго ворочался, стараясь устроиться потеплее, но наконец утомился.

Ему приснился сон.

Будто сходит он по черным уступам с горы; рядом с ним шагает седобородый высокий человек, одетый в шкуры вверх мехом.

— Видишь, я прав был... — говорит неизвестный, и Михаил Степанович чувствует, что перед ним Орус, жрец Аздомайи.

Внизу, куда указывала темная костлявая рука жреца, расстилались зеленые луга. Солнце показывало край венца, и вершины отдаленных гор и середина неба сияли румянцем; чувствовалась свежесть; над рекой дымился туман.

— Это что? — спросил Михаил Степанович, глядя вниз, и страх начал холодить его сердце.

— Царь царей грядет, в вечной славе живущий, — ответил жрец.

Туман колеблется, свивается в неясные очертания, и из них выступают фигуры громадных людей. Ряды за рядами чернолицых воинов, в шкурах с копьями и бронзовыми мечами у боков, как волны без конца и без счета, уходят вдаль.

Что-то засияло над ними; ясно выступил золотой значок, и вдруг открылся стоящий на носилках, держась за древко значка, высокий человек.

Мантия из белых мехов ниспадала с плеч его почти до земли. Он озирает войска, как бы готовясь к бою. Темное безудержно-властное лицо его повернулось в сторону горы, и Михаил Степанович увидел надменные, горящие фосфорическим блеском глаза. Михаил Степанович отвел свои и, когда снова поднял их, царь царей уже исчезал вдали; лес копий и языки тумана закрывали его.

Показались женщины и дети. Толпы их шли и шли без конца, таща на спинах различный скраб.

Тоска и забота виднелись на лицах многих; иные плакали, но ухо не улавляло ни звука.

— Это сон?... — проговорил пораженный зрелищем Михаил Степанович.

— Сон!... — как эхо отозвался Орус, сидевший рядом на камне. — Сон был жизнью и жизнь будет сном!

— Но скажи, что совершил этот царь? Он велик, «царем царей» зовешь ты его, каковы же дела его?

Жрец повернулся и безмолвно вытянул вперед руку.

Михаил Степанович оглянулся и увидел знакомый обелиск. Надпись на нем горела как золото, и Михаил Степанович, удивляясь сам, легко прочел ее. Особенно бросались в глаза слова: «победивший... разоривший...»

— Но кого, что? — продолжал спрашивать Михаил Степанович; волнение все больше и больше охватывало его; он дрожал всем телом.

Орус обвел рукой горизонт и опять не проронил ни звука.

— Победил себе подобных, разорил земли их! — воскликнул Михаил Степанович. — Но разве это заслуга? Разорить может и зверь! Что с о з д а л он? Огромное царство, скажешь; но ведь это химера, мыльный пузырь, лопающийся при первом толчке!! Что создал он истинно великого, вечного? Что же ты не отвечаешь, жрец?!

Орус сидел, низко склонившись и сжав как бы в глубокой думе обеими руками виски.

— За пролитую кровь, за разбой «вечная слава», да?

Орус медленно поднял лицо свое:

— Раб иссекал слова на камне... — проговорил он, — раб жив в деле своем, но где имя царя царей ?

— Его нет нигде, назови его!

— Аздомайя стер его... — ответил жрец. — Ты прочел, но не понял надписи. Я, Орус, скажу, что говорит тебе камень: «Помни участь в веках царя царей!»

Земля под ногами Михаила Степановича дрогнула от подземного удара: глухой гул раскатился кругом.

Холодная рука Оруса схватила руку Михаила Степановича и повлекла его обратно к горе.

— Зачем возвращаемся? — спросил Михаил Степанович.

Ноги их не касались земли; невидимая сила несла их на вершину.

— Землетрясение... погибнем в пещере!!.. — продолжал, задыхаясь от волнения, Михаил Степанович.

Орус молчал; но странно — Михаил Степанович прочел на бесстрашном, суровом лице его ответ: «Оглянись назад!»

Он оглянулся, и ярко-снежная равнина ослепила его. Громадные толщи льда, сверкая миллиардами огней в нагретых лучах мертвенно-бледного солнца, надвигались как прилив океана со всех сторон. Нестерпимый холод проникал до костей.

Они очутились в пещере.

Спутники Михаила Степановича спали у стен; фонарь желтым пятном выступал из тьмы. За окном на черно-синем небе мерцали звезды.

Михаил Степанович приподнялся и расширившимися глазами огляделся вокруг. Он не спал,— сомнений в том не было. Какая-то тень скользнула, показалось ему, в проход, ведущий к подземной реке.

— Кто здесь? — спросил он, вскакивая на ноги и трясясь как в лихорадке.

Громкий лай извне пещеры ответил ему.

Очнувшись совершенно от сна, так слившегося с действительностью, Михаил Степанович схватил фонарь и бросился к проделанному ими отверстию. Неистовый лай при-

ветствовал появление его; какая-то тень бросалась вниз на стену и скребла ее лапами.

Михаил Степанович направил на нее свет и узнал Кузьку.

— Кузька! — радостно воскликнул он. — Ты какими судьбами здесь?

Заспанный охотник приподнял голову, намереваясь тотчас же запрятать ее опять под куртку, но, распознав знакомый лай, сорвался с места и подбежал к Михаилу Степановичу.

— Кузька?! — рявкнул он во все горло, — иси! иси! Кузенька! Песик ты эдакий!!

Крики и лай разбудили остальных. Все собрались около отверстия в стене. Свирид Онуфриевич выпрыгнул наружу и, подсадив собаку в пещеру, выстрелил в воздух. Огненная струя вырезалась в темноте, и удар, отражаясь от скал, далеко покатился вниз.

Оттуда послышались голоса. Путешественники ответили и все выбрались из пещеры. Через несколько минут блеснули фонари и показался Василий, сопровождаемый двумя рыбаками, привезшими их по озеру.

— Вы ли это, Михаил Степанович? — проговорил Василий, вглядываясь в стоявших перед ним людей. — Живы все?

— Живы, живы! — ответило несколько голосов.

Василий быстро перекрестился несколько раз.

Михаил Степанович горячо обнял его.

— Здравствуй, Васюк! как ты сюда попал? Лодочники зачем здесь?

— Да ведь ума мы, можно сказать, с Филиппом решились! — заговорил Василий, путаясь и сбиваясь от радости. — Обвалился вход-то ведь! Не вернулись вы на ночь — ну, ничего, думаем, далеко зашли, должно быть, а на второй день как толкнет земля! Глядим — сдвинулся провал, как будто и не было ничего меж камнями! Света не увидели мы! Филька ревет как белуга; пробует камни разнять, да ведь где же тут? Горы вплотную сошлись! За лодочниками скорей его послал, только и с ними шелохнуть ничего не

могли. Что тут делать? Погибаєте, думаю, живьем в земле! Еще других ходов искать стали: излазили гору — нет ничего. А Кузька беспокоится, Кузька выть стал...

— Выстрелов не слышали? — перебил палеонтолог.

— Разве стреляли? — удивился Василий. — Ничего не слышать было. Собачка, должно быть, вот и распознала их: зовет, значит, лает на гору, зубами тащит...

— Кузенька! — воскликнул умиленный Свирид Онуфриевич, заключая ее в объятия. — Собаченец ты распрекрасный!

— Не стерпел я: чует она что-то, вижу! Взял вот их и пошел! Ну и горочка же! — добавил он, вытирая лоб. — Круча на круче; чуть что не с полуден ведь вышли!

Путешественники и новоприбывшие взобрались в пещеру и решили дожидаться в ней рассвета и тогда трогаться в путь.

О сне никто и не; думал; Василий и рыбаки, несмотря на усталость, с почтительным любопытством разглядывали пещеру и даже несколько углублялись в подземный ход.

Единственным мрачно настроенным человеком среди всей компании оказался Павел Андреевич. Известие, принесенное Василием, поразило его в самое сердце: драгоценнейшее сокровище мира, несмотря на все ободрительные предположения товарищей, было поглощено землей почти безвозвратно, «почти», так как путем невероятных затрат, трудов и средств все же можно бы было извлечь его когда-нибудь через пропасть.

Рассвет не замедлил. Звезды меркли, небо бледнело; высоко-высоко белыми грядками появились облака. Восток видно не было, но розовые пятна зари заиграли нежными переливами на самой середине неба, указывая на близость появления солнца. Внизу, на далекой земле лежали тени; молочная полоса тумана, будто пыльная, широкая дорога, изгибалась у подошвы горы.

— В путь, господа, не пора ли? — сказал наконец крепко прозябший Иван Яковлевич.

— Пора, пора! — отозвались другие.

Все стали выбираться из пещеры.

Михаил Степанович подошел к окну и снова окинул взглядом необъятную картину внизу.

— Прощай, Орус!.. прощай, волшебная сказка! — проговорил он, обводя в последний раз глазами пещеру, черневщее отверстие хода и стену с письменами.

И он выпрыгнул вслед за другими наружу. Голоса и шаги удалившихся путешественников стихли. Безмолвие — опять, может быть, на тысячи лет — воцарилось в древнем жилище.

«Сон есть жизнь и жизнь есть сон...» — неотступно звучало в поэтичной душе Михаила Степановича.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.